

М. и С. Дяченко

# Ритуал

# I

Сладкое пламя гортань распирает.  
Будто случайно оброненный кубок  
Земля ускользает.

## Арм-Анн

Его шаги гулко отдавались в тишине, долго метались коридорами, ударяясь о невидимые в темноте стены.

Потом звук стал глуше - кожей лица он ощутил едва уловимое затхлое дуновение и ускорил шаг.

Стены расступились. Свет уже не достигал их, хотя факел горел ровно и ярко. Сводчатый потолок тоже терялся во тьме.

Он бывал здесь немыслимое число раз. Откуда же снова это навязчивое ощущение чьего-то присутствия, разве не канули в землю те, чьи имена высечены здесь, на камне?

Факел выхватил из темноты неправильной формы колонну - тяжелую, приземистую. Поверхность ее казалась покрытой сетью замысловатых кружев.

Откуда знает лист на дереве, когда вырываться из почки? Когда оборачиваться к солнцу, когда менять цвет и падать под ноги живущим? Разве самый последний лист не продолжает веточку, не продолжает ветвь, не продолжает ствол, разве самый наипоследний листочек не есть посланец корней, которые и видеть-то дано не всякому?

Он провел рукой по избороздившим камень древним письменам.

“И воззвал могущественный Сам-Ар, скликаая союзников, и был его рев подобен голосу

больного неба, и были его слова горьки, как отравленная медь. Сзывал он детей своих под свое крыло, и племянников, и всех родичей, носивших огонь... И была великая битва, и пали под ударами Юкки дети его, и племянники, и родичи, исходящие пламенем... Огляделся Сам-Ар и увидел чудовищного Юкку, снова поднимающегося из воды... И сразились они, и солнце закрыло лик свой от ужаса, и звезды бежали прочь, и ветер, обожженный, ослабел и рухнул на землю... Непобедим был Сам-Ар, и одолевал уже он, но Юкка, да изведет проклятие его имя, исхитрился подло и захлестнул в петли свои Сам-Ара, и увлек в пучину, и угасил пламя его, и обезоружил его. Так погиб могущественный Сам-Ар, и помните, потомки, чья кровь питает вас”...

Он читал с трудом - кое-где текст истерся, осыпался, хоть много веков его не касались ни солнце, ни дождь, ни ветер.

Надо решаться, подумал он устало. Все сроки прошли. Надо решаться, и то, что должно быть совершено, да свершится. “Чья кровь питает вас”...

Он обошел приземистую колонну кругом - на другой ее стороне высечен был рисунок - огромный, прекрасно сохранившийся: хлестали морские волны, поднималось из глубин отвратительное, вселяющее ужас чудовище, а над ним вился в небе огнедышащий дракон.

“Чья кровь питает вас”...

Надо решаться. Необходимо. Ведь это всего лишь ритуал, тягостный, но совершенно безобидный. Всего лишь ритуал.

Сквозь темноту он прошел к другой колонне, такой же массивной и бесформенной. Поднес факел, вглядываясь в знаки, символы, обрывки текстов...

“Дни... прославится... опустошает... имя Лир-Ира, сына Нур-Ара, внука... его преуспеяние в промысле”.

Преуспеяние...

Обратный путь он проделал решительно, даже поспешно. Переходы замка были известны ему с

колыбели, при случае он мог обойтись бы без факела - свет был необходим ему только для того, чтобы разбирать вырезанные на камне письмена.

В большой и пыльной комнате, где узкое окошко нехотя цедило серый свет, он погасил факел и подошел к большому надтреснутому зеркалу.

Надо решаться.

Явился из глубин памяти сладкий цветочный запах, потемнело в глазах, тугой волной накатила тошнота, и только отчаянным усилием воли ему удалось справиться с собой.

Проклятая слабость...

Он провел рукой по тусклой зеркальной поверхности, стирая толстый слой пыли.

Из мутной глубины на него глянул узколицый темноволосый человек, невысокий, худощавый, чем-то подавленный и удрученный.

Надо решаться.

Он снова провел ладонью - зеркало засветилось изнутри. Зарябили блики, цветные пятна, появилась большая лошадиная голова, потом копыто... Колесо повозки...

Подавшись вперед и нахмурившись, он вглядывался в сменяющие друг друга картины.

Много людей, суета... Похоже, ожидается праздник... Горы шляпных коробок... Карнавал, будет шляпный карнавал. Разукрашенные башни королевского дворца... Полотер с тряпкой, повара на кухне... Портьера... За портьерой паж бесстыдно задирает чью-то юбку... Снова кухня... Бальный зал... Девушки... Женщины... Какой галдеж!

“Примерьте, принцесса!” - зеркало донесло приглушенный обрывок разговора.

Принцесса...

Он прищурился.

Очаровательное юное создание, светлые кудряшки, круглые голубые глаза, пышное платье цвета бирюзы...

“Дивно, принцесса!”

Чьи-то руки водрузили на белокурую головку большую бархатную шляпку, голубую, нарядную, и на верхушке ее он разглядел декоративную лодочку под парусом.

Он стиснул зубы. Помните, чья кровь питает вас.

\* \* \*

Шестнадцатилетняя принцесса Май отступила еще на шаг, тряхнула кудряшками и счастливо рассмеялась. Довольно улыбнулся шляпных дел мастер, благосклонно кивнули две портнихи, а горничная, с трудом удерживающая большое овальное зеркало, пробормотала под нос что-то одобряющее.

Бирюзовое с серебром платье облегло точеную фигурку принцессы мило и естественно, крохотные, расшитые драгоценностями тифельки дробно постукивали от радостного нетерпения, сияли ясные голубые глаза в дымке тончайшей вуали, а шляпа...

Шляпных дел мастер крякнул и в который раз удовлетворенно потер руки.

Шляпка маленькой принцессы Май обещала стать настоящим событием предстоящего шляпного карнавала. Изготовленная с замечательным искусством, она изображала бурю на море - поверх широченных полей гуляли голубые бархатные волны с кружевными барашками пены на гребешках; одна волна, самая высокая, вздымалась над тулей, приподнимая рыбацью лодочку под белым накрахмаленным парусом - крохотную, не больше табакерки. В лодочке боролся со стихией фарфоровый рыбак - присмотревшись, можно было сосчитать пуговицы на его куртке, терзаемой невидимым ветром. Когда Май покачивала головой, лодочка кренилась то вправо, то влево, колыхался парус, играли блески на поверхности бархатного моря, и у всех захватывало дух от мужества фарфорового рыбака.

- Дивно, принцесса, - сказала горничная. Ее товарки - а в просторной гостиной их было видимо-невидимо - согласно закивали головами.

Маленькая Май совершенно не умела еще скрывать свои чувства - забыв, что принцессе приличествуют выдержка и достоинство, она принялась радостно и шумно кружить по комнате.

Сестра ее Вертрана, тоже принцесса, но двумя годами старше, усмехнулась снисходительно. Вертрана не уступала сестре в изяществе и миловидности, разве что кудряшки у нее были темнее, а нрав несколько серьезнее. Сейчас она примеряла восхитительное платье цвета чайной розы с маленьким бантиком на правом бедре, и длинные кружевные перчатки. На шляпе ее вели хоровод веселые поселяне - но не фарфоровые, а атласные, набитые ароматическими солями и расточавшие поэтому тонкий, изысканный запах, который вряд ли свойствен настоящим танцующим крестьянам.

- Я обожаю тебя, Верта! - Май, чуть не сбив с ног снующую вокруг сестры портниху, кинулась Вертране на шею и чмокнула ее в щеку так искренне, что фарфоровый рыбак едва не опрокинулся в бархатную пучину.

- Ах, Май, - и Вертрана снова снисходительно улыбнулась.

- Я обожаю тебя, Юта! - воскликнула Май и, оставив Вертрану, обвила руками шею своей самой старшей сестры, которая примеряла платье в углу возле дверей.

Та вздрогнула и отстранилась, одарив Май вымученной улыбкой.

Платье принцессы Юты было розовым, как младенец. Оно казалось коротковатым - подол болтался высоко над землей, открывая взорам большие, чуть косолапые ступни. Юта уставилась в зеркало тупо и мрачно - а из зеркала на нее тупо и мрачно взирала некрасивая долговязая девица, которой роскошное платье шло так же, как парчовый жилет балаганной обезьянке.

- Не сутультесь, принцесса, - деловито потребовала портниха.

Юта ответила ей тяжелым взглядом.

- Шляпку, ваше высочество, - почтительно предложил шляпных дел мастер.

Юта отвернулась.

Шляпка, впрочем, была совсем не плохая - она изображала поединок дня и ночи. Со стороны ночи мерцал черный бархат, усыпанный маленькими стеклянными звездами, со стороны дня - трепетал лоскутками розовый шелк, и над всем этим покачивались на ниточках золотое солнце с иголками-лучами и перламутровая пуговица-луна.

- Отвратительно, - сказала Юта.

Мастер обиженно захлопал глазами:

- Но, принцесса, это же одобренный вами эскиз! Все... все в точности...

Веселая конопатая горничная с пучком железных шпилек во рту уже крепила шляпку к жестким Ютиным волосам.

Юта метнула безнадежный взгляд в зеркало - теперь поля скрывали половину лица, коротенькая вуаль свисала с кончика острого носа, а большой тонкогубый рот под ее бахромой кривился в презрительной гримасе.

- Может, убрать вуальку? - предположила конопатая горничная.

Портниха прищурилась оценивающе, одернула подол пышного розового платья:

- Вуальку надо погуще... Совсем густую, понимаешь? И длинную, до шеи...

Смышленная горничная закивала, едва сдерживая смех. Или Юте показалось?

Снова подскочила принцесса Май, радостно всплеснула руками, принялась трогать и луну, и солнце, укололась о золотой луч, расхохоталась:

- Юта, это чудо! Как здорово, какое у тебя платье!

Маленькая Май была наивна даже для своих шестнадцати лет. Вертрана поглядывала на Юту издали, вздыхала и поправляла бантик на правом бедре.

Юта между тем вертела шляпку так и сяк, надвигала на лоб и натягивала на затылок, кусая губы и становясь от этого еще некрасивее. Горничные искоса переглядывались за ее спиной; ловя в зеркале

их взгляды, она едва сдерживала злые слезы. Уродина. Как ни верти - уродина.

- Ваше высочество, - мягко начал мастер, но его дернули за рукав, и он растерянно замолк; кто-то в углу хихикнул тонко, на него зашикали сразу несколько голосов. Юта покраснела, как рак.

- А ты не горбься, Юта, - издали посоветовала принцесса Вертрана. - Не грызи губы, не морщи лоб и не кривись так - тебе не к лицу...

Сестра ее развернулась резко, как на пружине:

- Зато тебе к лицу... Тебе к лицу эта... это...

Она так и на придумала, что сказать дальше. Горничные зароптали удивленно, Юта повернулась на каблуках и выскочила из гостиной, хлопнув дверью.

Маленькая Май широко распахнула голубые глаза, которые тут же наполнились слезами:

- Зачем же... Портить себе праздник...

- И другим, между прочим, - негромко заметила Вертрана, снова поворачиваясь к зеркалу.

Три королевства существовали бок о бок вот уже невесть сколько веков, и, если верить летописям, войны между ними случались только дважды: первый раз, когда принц страны Контестарии похитил принцессу из соседней Акмалии и взял ее в жены без разрешения родителей, а спустя пару сотен лет второй раз - когда какой-то акмалийский жестянщик, подвыпив в трактире, оскорбил действием вертевшуюся под ногами кошку, которая, как известно, является геральдическим зверем королевства Верхняя Конта. В остальное же время три королевства сосуществовали тихо и мирно, время от времени заключая междинастические браки, так что все три королевских двора находились друг с другом в некотором родстве.

...Плескались на ветру флаги со свирепыми кошачьими мордами. Подготовка к шляпному карнавалу на какое-то время вытеснила все другие заботы. В этом году празднество устраивала Верхняя Конта, и Юта, слоняясь по дворцовым переходам, то и дело натыкалась на своего отца - король метался,

спеша отдать последние распоряжения, бормоча свое любимое ругательство - горрргуля... Взмокшая, покрасневшая свита огибала Юту, как нежелательное препятствие.

С минуты на минуту ожидалось прибытие августейших особ из сопредельных государств - Юте видно было из окна спальни, как впопыхах расстилаются ковровые дорожки на булыжнике дворцового двора, как выстраивается оркестр, сверкая до блеска начищенной медью. Мелькали в радостной суতোлке кудряшки Май, бирюзовое платье, шляпка со вздымающейся волной - маленькая принцесса деятельно включилась в предпраздничную суматоху.

Послonyaвшись по дворцу, постояв у книжного шкафа и повертев в руках до дыр зачитанный роман, Юта одернула злополучное розовое платье и направилась на половину матери.

В покоях королевы никого не оказалось. Открытым стоял клавесин, горкой громоздились на его крышке шляпные картонки, на ковре лежали забытые пальца. Юта машинально подняла их - ее мать вышивала фрагмент легенды о похищении девушки драконом. Зеленый шелковый дракон был уже готов и извергал оранжевое пламя, а вот жертву его обозначали пока всего несколько стежков.

Не ведая зачем, Юта побрела в покои фрейлин.

Она шла и трогала лепные завитушки на стенах, вздыхала, пыталась достать до носа кончиком языка - благо коридоры были пусты и никто не мог определить, к лицу это Юте или не к лицу. Остановил ее доносящийся откуда-то негромкий разговор; Юта узнала голос матери и завертела головой, пытаясь определить, откуда слышится беседа.

- ...и в этом есть и наша вина, - со вздохом призналась кому-то королева.

Юта, помедлив, повернула на голос и оказалась в комнате, перегороденной тяжелой портьерой. Там, за бархатной стеной, королева выслушивала ответ своей собеседницы:

- Вряд ли, ваше величество. Вы не обделили ее ни заботой, ни любовью.

Сердце Юты на секунду остановилось, чтобы тут же забиться смятенно и беспорядочно.

- Звездочет утверждает, что весь день будет великолепная погода, - фрейлина, похоже, пыталась

направить разговор в другое русло.

Королева вздохнула громко и удрученно:

- Ах, дорогая... К ее лицу, к ее фигуре еще и скверный характер, раздражительность и упрямство... Придется посмотреть правде в глаза - она так никогда и не выйдет замуж.

Юта бесшумно повернулась и вышла в коридор. Пробегавший паж со шляпной коробкой испуганно от нее шархнулся.

Нет, она не станет плакать. Тысяча горгулий! Если бы она ревела каждый раз по любому поводу...

Она брела дворцовыми коридорами, как слепая. Слезы комом стояли у нее в горле.

Во дворе радостно возопили трубы - августейшие гости наконец прибыли. Королевская чета из Акмалии с дочерью Оливией и престарелый король Контестарии с сыном...

Юта всхлипнула.

Сидя на траве в опустевшем дворцовом парке, она решила, что больше никому не испортит праздника. Она... уйдет навсегда. Прямо сейчас.

Ей стало немного легче.

Это была ее любимая игра - В-То-Что-Я-Ухожу-Навсегда. Юта играла в нее, когда не душе становилось совсем уж скверно.

Снова запели трубы. Юта поднялась и, сутулясь больше обычного, побрела к воротам.

Она отправляется в изгнание, она больше никогда не увидит мать, отца, Вертрану и Май. Она никогда не вернется в старый парк, хранящий воспоминания о ее детстве.

Сначала Юта шла довольно решительно, но, с каждым шагом все более проникаясь горечью своего изгнания, в конце концов совершенно искренне в него уверовала, растрогалась до глубины души, и, пробормотав непослушными губами: "Мамочка, любимая, прости" - разрыдалась в объятиях старого платана. Жалобно зазвенело золотое солнце на шляпке, ударяясь о стеклянные звезды.

Слезы помогли ей обрести душевное равновесие.

Усевшись на кромке тихо ворчащего фонтана, Юта опустила подбородок на стиснутый кулачок и глубоко задумалась.

Воистину, если твой нос чуть длиннее, чем принято, рот больше, чем люди привыкли видеть, а ростом ты под стать королевскому гвардейцу - тогда, милостивые господа, времени на размышления у вас предостаточно. Почему-то при слове “принцесса” все расплываются в улыбке и спешат добавить “прекрасная”, а если принцесса чуть менее хороша, чем хотелось бы - тут, представьте, и обиды, и горькое разочарование.

В глубине парка застучал дятел - Юта прислушалась и рассеянно улыбнулась. Интересно, как бы дятел ухитрился долбить кору, обладай он маленьким носиком Вертраны!

Юта удовлетворенно потрогала свой нос и улыбнулась шире. Впрочем, улыбка ее быстро погасла.

Вертрана... Совершенно незачем было на нее орать. Гор-ргуля, у нас не так много сестер, чтобы обращаться с ними подобным образом!

Твердо решив сказать сегодня Верте что-нибудь очень приятное, Юта успокоилась.

В чаше фонтана сновали золотые рыбки; Юта сунула руку в теплую, чуть зеленоватую воду, и рыбки тут же принялись тыкаться рыльцами ей в ладонь. Интересно, а как рыбы дышат под водой? Когда-то в детстве Юта тоже попробовала - и чуть не захлебнулась...

Не выдержав щекотных прикосновений, она рассмеялась и выдернула руку, подняв целый дождь разноцветных брызг.

Да, тысяча горгулий, ее нос действительно похож на шило, но, дорогие мои, он способен различать запахи пяти сортов роз, не говоря уже о сыре и мясных подливах! А глазам не величина важна, а зоркость... Губы мы больше кусать не будем, найдутся кушанья и получше, да и горбиться не стоит... И уж конечно, маме придется взять назад свои слова и о раздражительности, и об упрямстве.

Десять тысяч горгулий, да разве принцесса Юта не сможет взять себя в руки!

На дворцовой площади снова запели трубы. Юта подскочила, как ужаленная: а ведь Остин-то, наверное, давно приехал!

Она заглянула в воду фонтана - нос и глаза уже никому не могли выдать ее слез - и, подобрав платье, поспешила во дворец.

Посреди самшитовой аллеи ее окликнули. Звонкий голосок Май наполнял, казалось, каждый уголок парка:

- Юта, Юта! А вот ты где!

Рассмеялись несколько молодых голосов.

Юта обернулась.

По дорожке, усыпанной морским песком, важно шествовали Вертрана в обнимку с акмалийской принцессой Оливией, вокруг них весело носилась Май. Наперсница Оливии - а у Оливии была наперсница! - торжественно, как маршальский жезл, несла яркий летний зонтик, а чуть приотстав, шел, жуя травинку, контестарский принц Остин.

Юта на минуту задержала дыхание. Она не видела Остина почти полгода - он загорел, стал, кажется, еще выше ростом и шире в плечах. Воротник тонкой белой рубашки открывал шею и ключицы, и видно было, как покачивается в такт ходьбе камушек-талисман на золотой цепочке.

Юте захотелось убежать, но вместо этого она улыbnулась как могла приветливо и шагнула вперед.

- А где же ты была?! - весело выкрикивала Май. - Церемония встречи, оркестр... А ты знаешь, какая у Оливии карета?!

- Папа заплатил десять мерок золота, - нежным голоском сообщила Оливия, и, если младшие Ютины сестры считались хорошенькими, то акмалийская принцесса слыла красавицей далеко за пределами своего королевства. Сейчас она была в ослепительно-золотом, платье струилось по ней

солнечными водопадами, на шляпке красовался золотой лебедь с настоящими перышками и янтарным клювом.

- Привет, Оливия. Привет, Остин, - пробормотала Юта.

Остин заулыбался - привычно обозначились ямочки на смуглых щеках.

- Почему тебя не было на церемонии, Юта? - негромко спросила Вертрана.

Юте тут же расхотелось говорить ей приятное.

Оливия предположила все тем же нежным голоском:

- Юта, наверное, не любит гостей...

Наперсница ее почему-то хихикнула.

Вертрана вдруг страшно расширила глаза:

- Твое платье! - прошептала она с ужасом, и, проследив за ее взглядом, Юта обнаружила пятна на розовом шелке - следы от раздавленных травинок.

- Ничего страшного! - тонко улыбнулась Оливия. - Такие маленькие зеленые пятнышки не в состоянии испортить такое большое розовое платье... Верно, Юта?

Наперсница снова прыснула.

- Только вот, - продолжала Оливия с фальшивой заботой в голосе, - только вот шляпка... Может быть, и к ней пришпилить что-нибудь зелененькое, для ансамбля?

- А правда, у Юты замечательная шляпка? - радостно вмешалась наивная Май. - Там солнце и луна...

Оливия нарочито высоко вытянула точеную шейку, привстала на цыпочки, показывая, как трудно ей разглядеть шляпку долговязой Юты, и сообщила громко:

- Ну, солнце-то я вижу... А вот вместо луны, господа, вместо луны болтается какая-то веревочка... Думаю, луна трагически оторвалась во время прогулки принцессы Юты по парку. Может быть, нам вместе поискать?

- Какая жалость... - прошептала Май, и глаза ее тут же увлажнились.

- Не беда, - бодро вмешался Остин, - у Юты есть время поправить туалет, ведь до начала еще что-то около часа?

- Иди во дворец, Юта, - посоветовала Вертрана.

- Да зачем же! - удивилась Оливия. - Вряд ли станет намного лучше, чем теперь... Разве что Юта наденет совсем уж непрозрачную вуаль!

Ее наперсница с шумом вдохнула воздух и изрекла, с трудом сдерживая смех:

- Да... И завернется... Завернется в нее целиком!

Май только хлопала глазами, а Вертрана молчала, боясь испортить отношения с акмалийской красавицей. Остин, которого покорила выходка Оливии, хотел было сурово одернуть дуэнью, но в этот момент к Юте вернулся дар речи.

- Некоторым нравится таскать за собой болонок и мосек, - сказала она со всем презрением, на которое была способна. - Поздравляю, Оливия: твоя моська во всем похожа на тебя!

- Она моя дуэнья, - невозмутимо отозвалась красавица. - А вот у тебя наперсницы никогда не будет. Дуэнья должна уступать в красоте своей госпоже; представляю, как долго придется искать наперсницу... для тебя!

Остин! Он был здесь и ЭТО слышал.

В два прыжка Юта подскочила к Оливии и вцепилась ей в волосы. Испуганно закричала Май, заметалась Вертрана, застыл на месте принц - ничего этого Юта не видела. Полетели перья из золотого лебеда, дождем посыпались стеклянные звезды, затрещало розовое платье.

Наперсница Оливии с неожиданной прытью набросилась на Юту сзади.

- Уберите от меня эту уродину! - визжала Оливия.

Остину с трудом удалось оттащить царапающуюся, растрепанную Юту от обеих акмалиек. Шляпа, лишившаяся теперь уже и солнца, валялась на траве совершеннейшей тряпкой.

Не заботясь уже о приличиях, Юта оттолкнула руки принца и, перемахнув через самшитовую изгородь, бросилась прочь.

Открытие карнавала пришлось задержать на полтора часа.

Возник вопрос о неучастии принцессы Юты в празднике, и только заступничество принца Остина позволило отсрочить наказание.

Золотое платье Оливии пострадало, к счастью, незначительно - придворным мастерицам удалось полностью его восстановить. Сильнее пострадало прелестное личико красавицы - длинные глубокие царапины пришлось тщательно закрашивать и запудривать.

Юте холодно предложили платье одной из фрейлин и простую гладкую шляпу. Впрочем, ей уже было все равно.

Перед самым началом торжества в спальню Юты заглянула лукавая мордашка Май; маленькая Ютина сестра держала под мышкой шляпную коробку.

- Обещай, что возьмешь!
- А что там? - спросила Юта равнодушно.
- Обещай! - Май егозила от нетерпения.
- Обещаю...

Она раскрыла коробку, когда Май уже унеслась прочь.

Под крышкой лежала, искрясь блесками в бархатном море, шляпка со вздымающейся волной. Великодушная Май отдала свою шляпку нелюбимой сестре.

Карнавал давно уже стал любимым праздником во всех трех королевствах.

Залитая солнцем площадь была битком забита, гроздьями висели мальчишки на фонарных столбах, и немислимым цветником колыхались над толпой шляпки - разных размеров, фасонов и

цветов. Изобретательные горожане украсили шляпы бубенцами и колокольчиками, вертушками и кремовыми пирожными, а один весельчак - белым мышонком в клетке. С утра, как обычно, поддувал небольшой ветерок, и шляпки во избежание неприятностей накрепко привязали к подбородкам цветными атласными лентами.

Церемония открылась парадом цеха шляпных мастеров - во главе колонны шагал придворный шляпник, тот самый, что изготовил шляпки принцессам. Над головой его реял цеховой штандарт с изображенным на нем ночным колпаком.

Шляпники выстроились в каре вокруг оббитого коврами помоста, на котором торжественно восседали три королевских семейства. Золотое платье Оливии приковывало всеобщее внимание, только и слышалось: "Ах, какая красавица!"

Юта сидела, не поднимая головы, боясь взглянуть в сторону Остина и спиной ощущая его близкое присутствие.

Король-отец провозгласил небольшую речь о благе и процветании, после чего уступил бразды правления распорядителю праздника, увенчанному огромным белым цилиндром.

Тот выдал каскад шуток - толпа посмеялась. Потом, по сигналу его длинного жезла, увитого плющом, все выпустили из кошельков с утра изловленных и заключенных там ос - ведь, по примете, вслед за осой в кошелек должны посыпаться денежки. Некоторым корыстолюбцам не повезло, и они разочарованно вытряхивали на землю преждевременно издохших насекомых - это, как известно, сулит убытки.

Потом объявили поединок бойцовых ежей. Бои проходили на огромном круглом барабане, толпа вокруг смеялась и рукоплескала, а распорядитель принимал ставки. Ежи, ярко разукрашенные владельцами, сопели и фыркали, топоча по толстой шкуре барабана, то и дело сворачиваясь клубком, чтобы тут же, стремительно развернувшись, ухватить соперника за длинный черный нос. Барабан гудел, отбивая немыслимую дробь; победителем оказалась маленькая, крашенная киноварью ежиха,

отличившаяся, впрочем, весьма свирепым нравом.

Подошло, наконец, время демонстрации шляпок. Бархатная волна с лодочкой и рыбаком должна была принести приз своей владелице, но Юта отказалась от участия в конкурсе. Первое место занял, конечно же, золотой лебедь Оливии - хотя и немного ошипанный.

Солнце стояло высоко, первая половина карнавала близилась к концу. Предстояли еще ночные забавы - хороводы с факелами, бесплатное вино за счет цеха шляпников и фейерверк за счет государственной казны, а также всеобщие пляски и ликование.

Королевские семьи поднялись, чтобы после круга почета вернуться во дворец и отдохнуть до наступления темноты.

Дворцовый оркестр грянул - немного нестройно; поредевшая толпа приветственно замахала платочками, а распорядитель опустил свой жезл и с облегчением вытер лоб кружевным обшлагом.

Дунул ветерок и освежил горячий Ютин лоб - ничего удивительного, если б в ту же секунду этот ветерок не сменился сильным порывом тугого горячего ветра.

Протестующе заворчали горожане - у кого-то все-таки снесло шляпку.

Юта двумя руками взялась за голубые бархатные поля и посмотрела на солнце.

Солнца не было. На площадь упала густая черная тень, хотя дворцовый звездочет уверенно предсказывал совершенно ясную погоду.

Снова налетел ветер - внезапный, свирепый. Площадь накрыла волна резкого неестественного запаха, от которого слезились глаза и высыхала гортань.

На мгновение стало тихо - так тихо, что явственно донесся с высоты свист рассекаемого воздуха. Солнце показалось снова и снова пропало, будто закрытое бешено несущейся тучей.

- А-а-а!!

Пронзительный женский крик взорвал всеобщее оцепенение. Охваченные ужасом, горожане бросились кто куда - топча друг друга и опрокидывая праздничные повозки.

Юта стояла на покрытом коврами помосте и всеми силами удерживала на голове шляпку Май - ничего важнее она пока не могла придумать.

Она видела, как ее отец, обнимая одной рукой Вертрану, а другой - королеву-жену, пытается протиснуться сквозь толпу к стоящей в отдалении карете, как Остин заталкивает Май под помост, как не утратившая самообладания Оливия пробирается туда же, как вертится посреди площади пыльный смерч, в котором обезумевшими бабочками пляшут сорванные цветные флажки...

Тьма сгустилась.

Юта подняла голову и увидела в небе над собой коричневое чешуйчатое брюхо с прижатыми к нему растопыренными крючками когтей. У нее ослабели колени.

- Беги, Юта, спасайся!

Ей показалось, что она слышит голос Остина.

По-прежнему удерживая шляпку двумя руками, Юта сорвалась с места в полной уверенности, что не остановится уже никогда.

Она неслась по опустевшей площади, неслась вслепую, и ее преследовал волнами накатывающий запах. Она спотыкалась о брошенные сумки, флаги и погремушки, а над ней кружил, заполняя собой все небо, чудовищный крылатый ящер - дракон.

- Юта-а!

Она увидела Остина.

Он несся к ней огромными скачками, широко раскрыв рот, но крик его тут же уносило ветром.

Юта повернула было ему навстречу, но Остин вдруг оказался внизу, под ней. Она какое-то время видела его запрокинутое лицо, искаженное страхом, запахнутый ворот рубашки и камушек-талисман на золотой цепочке, но потом площадь вдруг опрокинулась, как блюдо, и Остин сделался маленьким, как фарфоровый рыбак на голубой шляпке.

Юта увидела сверху дворец, парк, площадь и улицы, мечущихся в панике людей...

Крепко удерживаемая в когтях дракона, принцесса Юта уносилась все дальше и дальше от дома, увлекаемая неведомо куда отвратительным чудовищем.

Тогда она закричала - но никто ее не услышал.

## II

Скалится призрак моих неудач.

Сам себе лекарь.

И сам - палач.

## Арм-Анн

Ледяной ветер поднебесья хлестал Юте в лицо, забивался в гортань и перехватывал дыхание; пышные юбки хлопали, как ослабевшие паруса, и били по бешено молотящим в воздухе ногам. Она потеряла сначала одну туфлю, потом другую. Когти дракона сжимали ее, словно стальные обручи, больно давили на ребра и не давали вывернуться.

Встало на дыбы ослепительно голубое небо, вспыхнуло и погасло солнце, медленно и как бы нехотя повернулась внизу земля. Снова небо; Юта орала, срывая голос, и вырывалась изо всех сил.

Поля складывались мозаикой - желтый квадратик к черному. “Лоскутное одеяло”, - мелькнуло где-то на краю Ютиного сознания. Голубой змейкой извивалась речушка, а там, дальше, синей дугой вставало море.

Ветер сносил прочь пронзительный драконий запах; поворачивая голову, она видела невысоко над собой коричневую чешую и мерно взмахивающие перепончатые крылья.

Снова небо, белое беззаботное облачко, горизонт, и небо опять... Юта дернулась, ссаживая бока

о стискивающие ее когти, извернулась и изо всей силы ударила ногами по жесткой мускулистой лапе. Дракон не обратил на это никакого внимания.

Сжав зубы, глубоко вдохнув, Юта заставила себя расслабиться.

Она безвольно обвисла в удерживающих ее когтях, зажмурившись и считая про себя: пятнадцать, шестнадцать...

Когти дрогнули.

Дракон, видимо, решил, что жертва задохнулась, и ослабил хватку.

Чуть-чуть.

Этого чуть-чуть Юте хватило. Рванувшись из последних сил, отчаянно оттолкнувшись локтями и коленями, она вывалилась-таки в пустое небо.

Казалось, она оглохла - вокруг встала стена ревающего ветра, юбки захлестнули Юту с головой, и когда она снова увидела землю - непонятно, вверху или внизу - земля была уже намного ближе.

Растопырившись и замерев, как зимняя лягушка в толще озерного льда, забыв от ужаса даже зажмурить глаза, Юта летела, падала, проваливалась в воздушную яму; в следующие несколько мгновений земля стремительно потеряла сходство с лоскутным одеялом и бросилась ей в лицо.

На некоторое время ее сознание помутилось. Ощувив толчок и внезапную боль, она решила было, что уже разбилась насмерть и лежит, окровавленная, где-нибудь в поле; но ветер все так же трепал ее платье и волосы, и, приоткрыв глаза, она увидела, как земля удаляется.

В последнюю секунду дракон подхватил выскользнувшую жертву, и теперь его когти сжимали Юту еще крепче, еще сильнее впивались в ребра и не давали продохнуть. Впрочем, у принцессы уже не было сил бороться - она только слабо возилась, тщетно пытаясь разжать чудовищные когти. Это причиняло больше неудобств ей самой, нежели дракону, но Юта не сдавалась, сучила ногами и, изогнувшись, пыталась укусить покрытую мелкой чешуей лапу.

Сквозь туман, вставший у нее перед глазами, она видела все же, как поля внизу сменились

густыми лесами, где ни дороги, ни просеки; временами она впадала в беспамятство, а тем временем леса сменились каменистой равниной, потом встали серые с прозеленью скалы, о которые разбивался прибой - дракон занес Юту на морской берег.

Юта видела узкой косою выдающийся в море скалистый гребень, заканчивающийся огромной, странной формы горой; дракон резко свернул, и Юта поняла в ужасе, что это на самом деле замок - полуразрушенный замок, угнездившийся в скалах. Неровные башни торчали подобно гнилым зубам; дракон стал опускаться кругами, будто давая Юте возможность рассмотреть покосившийся подъемный мост, слепые окна-бойницы и круглую черную дыру - вход в тоннель, ворота для дракона.

При виде тоннеля силы Юты мгновенно удесятерились - она рвалась и сопротивлялась, как дикая кошка; дракон зашипел и ринулся в черную дыру.

Рот и нос Юты моментально наполнились пеплом и копотью, лишив ее возможности кричать. Задержись дракон на мгновение в тоннеле - и она наверняка задохнулась бы, но ящер, молниеносно миновав совершенно черный коридор, ворвался в ярко освещенное помещение.

Тут страшные когти наконец разжались, и Юта почувствовала босыми ступнями холод каменных плит.

Не удержавшись на ногах, она села на пол и огляделась, как во сне.

Круглый зал размерами и убранством был под стать дракону; через неправильной формы отверстие в потолке падал широкий солнечный луч.

В центре зала привиделось Юте громоздкое сооружение - стол, похожий одновременно и на алтарь, и на жертвенник. В центре его выпирал заостренный железный шип, а у подножия - Юта похолодела - горой лежали невиданные, отвратительные инструменты, вызвавшие в спутанном сознании пленницы образ не то лавки мясника, не то камеры пыток. Затуманенный Ютин взгляд не мог различить уже, что там еще горами свалено в отдаленном темном конце зала; за ее спиной удовлетворенно зашипел ящер.

Конец принцессы Юты оказался страшнее самых страшных сказок.  
Издав короткий сдавленный крик, жертва дракона лишилась сознания.

\* \* \*

Перед глазами ее плясали желтые огоньки. Она полулежала на мягком, ее окружали тепло и тишина.

Горгулья, какой отвратительный сон!

Она потянулась, не открывая глаз.

Где она? Не похоже, чтобы в своей привычной постели. Может быть, она снова задремала над книжкой в любимом мамином кресле?

Мама вышивала шелком сюжет старинной легенды о девушке, похищенной...

Драконом?!

Она открыла глаза и села.

В просторном зале было достаточно светло; догорали поленья в камине, и Юта действительно сидела в кресле - но совершенно незнакомом, изрядно вытертом и таком большом, что в нем могло поместиться еще полдесятка принцесс. Прямо перед собой она увидела стол, до краев уставленный тусклыми винными бутылками, по другую сторону стола - горгулья! - в таком же кресле восседал совершенно незнакомый мужчина, темноволосый, худощавый, со страдальческой складкой между сдвинутыми бровями. Склонив голову на плечо, он не то раздумывал о чем-то, не то дремал.

Совершенно сбитая с толку, Юта некоторое время сидела тихо, пытаясь вспомнить, что произошло, как она сюда попала, и, главное, кто этот незнакомец, имеющий дерзость находиться наедине со спящей принцессой?

Может быть, она заболела, и это - врач?

Мысли ее путались; она не могла довести до конца ни одну цепочку рассуждений, и, отчаявшись в конце концов, решила разлепить губы и тихонько позвать:

- Эй...

Незнакомец поднял голову.

У него были совершенно трагические, усталые глаза - как показалось Юте, темно-зеленые. Увидев, что принцесса проснулась, он не выразил ни радости, ни хотя бы заинтересованности.

Некоторое время они смотрели друг на друга - незнакомец угрюмо, Юта - со все нарастающим смутением.

Наконец, незнакомец со вздохом подался вперед и поставил на стол пустой стакан, который все это время держал в руке.

Юта спросила шепотом:

- Вы - доктор?

Незнакомец криво усмехнулся, и Юта поняла - нет, он не доктор. Раздосадованная собственной робостью, она спросила громче и решительнее:

- Так кто же вы, горгулья, такой и что вы здесь делаете?

Незнакомец уставился на нее озадаченно, потом протянул руку к ближайшей пузатой бутылке и наполнил из нее свой стакан. Отхлебнул, поморщился, снова устало взглянул на Юту. Поднял брови:

- Хороший вопрос... Вы что же, совсем ничего не помните, принцесса?

Голос его был чуть хрипловат - Юта могла поклясться, что никогда не слышала его раньше.

Незнакомец между тем поднялся, причем с видимым усилием - наверное, он уже достаточно много выпил.

- Разрешите вам напомнить, принцесса, - он странно усмехнулся, - разрешите вам напомнить, что вас похитил дракон.

Юта похолодела.

- Нет, - пробормотала она дрогнувшим голосом, - мне только приснилось, что меня похитил дракон. Незнакомец поднял глаза к потолку:

- Хорошо. А до этого вам приснилось, что вы были на карнавале... В синей шляпке с лодочкой, ведь так? - и он уставился на Юту в упор.

Спина Юты, нос и ладони мгновенно покрылись испариной.

Она вспомнила резкий драконий запах, пеструю землю, плывущую далеко внизу, ветер поднебесья, замок на скалистой стрелке, выдающейся в море... Было или привиделось?

Под насмешливым взглядом незнакомца она обнаружила вдруг, что сидит босая, что ребра ее ноют, а кулаки, молотившие по жесткой чешуе, покрыты ссадинами.

- Горгулья... - пробормотала она потрясенно.

Незнакомец фыркнул.

Постойте-ка, подумала Юта, а страшный зал с отвратительными орудиями, зал, куда приволок ее ящер - он тоже был? Или это уже бред?

Но если дракон действительно принес ее в замок, чтобы съесть, и если он не съел ее, а вот она сидит живая, не значит ли это...

Она совершенно другими глазами взглянула на незнакомца, который стоял перед ней, покачиваясь и ухватившись для верности рукой за спинку кресла.

Страшно подумать, как опасен для человека поединок с драконом. Не удивительно, что рыцарь, одолевший ящера, столько пьет.

- Я не забуду, - сказала Юта дрожащим голосом. - Вы увидите, что я могу быть благодарной. Вы уже знаете, я принцесса... Вы, наверное, видели меня на карнавале в этой злополучной шляпке... Да, конечно, вы были там и видели, как отвратительный ящер... смрадный дракон, как он похитил меня...

Незнакомец смотрел на нее во все глаза.

- Вы благороднейший и доблестнейший рыцарь, - продолжала Юта, все более воодушевляясь.

- Я отблагодарю вас по-королевски... Мой отец, король Верхней Конты, выполнит любое желание человека, спасшего его дочь из лап... из гадких лап... - она готова была заплакать или заплодировать.

- О чем вы? - спросил незнакомец глухо.

- Но ведь это вы спасли меня? - Юта широко улыбнулась, отчего ее большой рот растянулся до ушей. Незнакомец отвернулся.

- Но ведь вы? - повторила Юта растерянно и немного обиженно.

Незнакомец глянул на нее исподлобья, и во взгляде его она прочла нарастающее раздражение:

- Я - спас?

Юта кивнула:

- Из лап чудовища... Извините, если я не то сказала, но ведь кто-то же меня освободил!

Незнакомец осторожно поставил на стол опустевший стакан.

В то же мгновение тяжелое кресло, в котором он сидел за несколько минут до того, отлетело в сторону, как перышко. Незнакомец вдруг вырос под сводчатый потолок, выгнулся дугой, вскинул руки, из которых тут же выросли огромные перепончатые крылья. Вместо головы его на плечах уже сидела увенчанная костистым гребнем, снабженная зубастой пастью башка, а по плитам пола постукивал невесть откуда взявшийся чешуйчатый хвост. Однако раньше, чем старый Ютин знакомец, дракон, закончил свою метаморфозу, несчастная принцесса глубоко и надолго погрузилась в забытье.

\* \* \*

Он привык называть себя Арманом, хотя имя его было Арм-Анн, и в звучании этого имени эхом отзывались все двести поколений его предков - могущественных драконов-оборотней, чьи имена хранила каменная летопись подземного зала. Одиночество его, длившееся два столетия, наполнено было их присутствием - каждый раз, спускаясь с факелом в недра замка, он ощущал на себе взгляды

бесчисленных горящих глаз.

Разве самый последний листочек на дереве не есть посланец корней?

Бесконечно свободные в небе и на земле, неукротимые и почти неуязвимые - предки его были тем не менее рабами Закона, и несли свое рабство с радостью, и считали его привилегией.

Тысячелетиями они гордо выполняли ритуал, дающий им право бестрепетно смотреть в глаза соплеменникам. Они жили и умирали в согласии с собой, в мире со своими родичами и почитаемые потомством.

Не раз, щурясь от факельного дыма, проводя рукой по каменным письменам, Арман читал, с трудом разбирая знаки и слова:

“Юное существо, дева... венценосная добыча... украшение твоего промысла... Да укрепит тебя жизнью своей, и радостью, и младостью... Преуспей в промысле и выполни Ритуал, и поднимись к звездам, и жар гортани твоей сравнится с солнечным пламенем...”

Тысячелетиями драконы похищали юных пленниц из людских поселений - принцесс, дочерей воевод и вождей, великих и малых властителей.

В ритуальной комнате - круглом зале с отверстием в потолке - огнедышащие ящеры торжественно вкушали добычу.

Множество раз Арман брался читать описание этой трапезы, но так ни разу и не добрался до конца. Стена же покрылась таким толстым слоем факельной копоти, что знаки невозможно стало различить.

Однажды, как повествует летопись, пленнице удалось спастись - ее вызволил богатырь-колдун, вступивший в схватку с ящером и одолевший его.

С тех пор ритуал изменился - несколько уязвленные драконы уже не расправлялись с пленницами немедленно, но заточали их в башню, будто бы бросая вызов возможным освободителям. Узнав о похищении принцессы, рыцари округи отправлялись ее выручать; множество их трагически

погибало, однако история сохранила имена нескольких счастливиц, сумевших-таки добиться своего. Вероятно, на их долю выпадали совсем уж старые, или больные, или немощные драконы. Или?..

Много лет Армана мучил этот вопрос. Неужели та странность, тот болезненный изъян, который он ненавидел в себе и берег, прятал, загоня в потаенные уголки сознания - неужели изъян этот проявлялся когда-то в ком-то из славных его предков?

Обнадеженный и раздираемый сомнениями, он снова и снова спускался с факелом в подземный зал и вчитывался в каменную летопись; снова и снова он получал ответ: нет. Те сумасшедшие юноши, которым удавалось отвоевать заточенную в замке принцессу, были попросту счастливицами - ни один дракон не отдал пленницу добровольно. Он похищал ее, чтобы пожрать: “Преуспей в промысле и выполни Ритуал”...

Необузданные и могучие, они поступали так, как велел Закон. Они были счастливы, вступая в поединок, и досадовали, если противника хватало на один лишь язычок огня. Исполнив ритуал, они, воодушевленные, устраивали игрища, которые часто заканчивались смертоубийством, потому что высечено на древнем камне: “...Пращуров почитай, и теплый ветер поднимет крылья твои, и твои потомки будут почитать тебя... Но брат твой, чья молодость приходится на твою - беда твоя... Бейся, покуда не иссякнет огонь в глотке его...”

Теперь иссяк и сам род. Последний потомок парит над замком, последний потомок бродит с факелом в подземелье.

“Промысел твой - честь и сила твоя. Преуспей в промысле, и не угаснет твое благодатное пламя”...

Арм-Анн, привыкший называть себя Арманом, не преуспел в промысле.

Бывали дни, когда он совсем об этом не думал - небо и море в такие дни имели свой обычный цвет. Если бы таких дней было больше, он смог бы спокойно дожить до старости.

Но в другие дни - серые, сухие, подернутые мутной пеленой, когда накатывали раскаяние,

застарелое чувство вины, тоска и безысходность - в такие дни он ощущал свою неполноценность так остро, что не хотелось жить.

Он был выродком, одиноким уродом, отщепенцем - и он был последним листком на древе, чахлым посланцем могучих корней.

Двести поколений его пращуров смотрели на него с покрытых клинописью стен. Иногда ему казалось, что он сходит с ума.

Во что бы то ни стало он должен был исполнить требование древнего Закона, однако сама мысль о ритуальной комнате была ему страшна и противна.

Двести первый потомок был подвержен ночным кошмарам. Просыпаясь в холодном поту, он мог вспомнить только сладковатый цветочный запах, от которого слабели колени и подступала тошнота. Стиснув зубы, он пытался расшевелить свою память - и упирался в тупик, потому что вспоминалось всегда одно и то же - круглые комья глины, скатывающиеся по склизкому склону, деревянные пуговицы, скатывающиеся по наклонной доске, и голоса - возможно, отца, которого он плохо помнил, или матери, которую он не помнил совсем.

Каждый раз, вылетая из замка в обличье дракона и возвращаясь назад, он вынужден был передергиваться, попадая в ритуальную комнату - а миновать ее никак нельзя было, так как драконий тоннель брал там свое начало.

Измученный все нарастающей внутренней борьбой, Арман тысячу раз принимал решение и на тысячу первый понял, что отступить некуда.

В тот день он бесконечно долго кружил над морем, а море было так спокойно и прозрачно, что, скользя над солнечными бликами, покрывавшими его поверхность, он мог видеть далекое дно. Потом, свечкой взмыв к солнцу, он вдруг ощутил внутри безмерную легкость и столь же безмерную пустоту. Он решился.

План его был прост, с его помощью хитроумный Арман рассчитывал примириться с родом,

избежав при этом Ритуала.

Похищенная принцесса должна некоторое время томиться в башне, рассуждал Арман. Достаточно, чтобы хоть один витязь пожелал отбить ее в честном бою; Арман же позаботится, чтобы этому храбрецу повезло.

Нынешнее поколение витязей было, правда, трусовато и мелкогато в сравнении с прежними, зато имело достаточно слабое представление о драконах и могло не знать, что на самом деле даже великий воин обречен, вступая в схватку со здоровым и сильным ящером. Арман решил сыграть на этой неосведомленности.

Один витязь, одного достаточно! Одного глупого, наивного, храброго, расчетливого, доблестного, хитрого - лишь бы приехал и поднял копьё, вызывая дракона на битву.

Тут таился еще один секрет, на который Арман рассчитывал более всего. Дело в том, что по неписанному, но свято соблюдаемому человеческому закону освободитель должен был жениться на освобожденной.

Приманка, думал Арман, едва не касаясь воды перепончатым крылом. Кто не хочет жениться на прекрасной принцессе? А нужен всего один храбрец, и похищение закончится не в ритуальной комнате, а за свадебным столом...

При мысли, что тягостное чувство собственной вины и ущербности будет скоро забыто, он ощутил почти что испуг.

Приманка. Похищенная должна быть желанна, и не только королевским происхождением. Это очень важно - не ошибиться. Та, кому предстоит быть заточенной в башне, должна являться рыцарям в грезах, лишая сна...

Из магического наследия предков Арману достались только пара заклинаний да зеркало - мутное, покрытое сетью трещин, обладавшее способностью показывать в своей темной раме события, происходящие далеко за стенами замка. Отношения зеркала и его владельца складывались непросто

- виной тому был скверный нрав самого зеркала; порой оно отказывалось служить, и Арман много раз с трудом удерживался, чтобы не расколоть его окончательно.

Впрочем, в день шляпного карнавала магическое зеркало было достаточно милостиво; из пестрой предпраздничной суеты глаз Армана безошибочно выхватил юную принцессу Май.

Очаровательное, веселое, грациозное создание, рожденное, чтобы пленять сердца. Прекрасная принцесса. Та, ради которой рыцарь может отважиться на смертельную схватку. Драгоценный приз в опасной игре.

Арман тщательно запомнил шляпку с лодочкой - такую шляпку невозможно пропустить или перепутать с другой. Вздыхающаяся волна должна была послужить ему приметой, видимой с воздуха, путеводным маяком. Большое стечение народа, карнавал, суета и шумиха были как нельзя кстати - тем скорее разнесется слух о похищении, тем беспокойнее забьются сердца рыцарей, воинов и витязей, желающих прослыть героем и заполучить в жены прекрасную принцессу...

Он сделал все, как хотел.

Праздничная площадь казалась с высоты нарядным муравейником. Он видел, как оцепеневшие было люди кинулись врассыпную, и испугался было, что не найдет в водовороте цветных шляпок ту одну, единственную; но потом, опустившись ниже, увидел ее на королевском помосте, совершенно неподвижную - принцессу, похоже, парализовало страхом.

Он уже вытянул когтистые лапы, но принцесса опомнилась и побежала. Он несся над ней, примериваясь, чтобы ухватить жертву поаккуратнее. В последний момент она чуть не улизнула, но он рванулся - и ощутил в лапах драгоценную добычу.

Он нес ее осторожно, как мог. Вместо овечки в когтях его оказалась дикая кошка, отчаянная и коварная - однажды он упустил ее и потом едва поймал. Признаться, он не ожидал от юного хрупкого существа такого бешеного сопротивления.

Он втащил ее в замок через Драконьи Врата. В ненавидимой им ритуальной комнате столбом

стоял солнечный свет.

Он поставил ее на пол. Возможно, она хлопнется в обморок - это так естественно для принцессы.

Он впервые взглянул на нее - и сам едва не лишился чувств.

- Откуда у вас эта шляпка?

Юта молчала, забившись в угол у камина.

- Откуда у вас эта шляпка? Кто вы такая?

Юта шумно втянула воздух. Выдохнула со всей гордостью, на которую в этот момент была способна:

- Я принцесса!

Арман фыркнул. Когда он фыркал в драконьем обличье, из ноздрей его вырывались снопы искр. Сейчас он был в обличье человека, но Юта все равно не могла смотреть на него без содрогания.

Арман, глядя на нее, содрогался не меньше.

Да, витязь должен быть слеп, как крот, чтобы пожелать эту девку в жены! А уж поединок с драконом...

Перед внутренним взором Армана снова возникли бесформенные комки, скатывающиеся по склизкой поверхности. Усилием воли он отогнал видение.

- Я принцесса, - сказала Юта тихо и твердо.

Ничего, бодро подумал Арман. Ничего... Возможно, не все еще потеряно и, скажем, завтра удастся что-нибудь придумать. Или послезавтра... Но не сейчас, не теперь.

И, тщательно изгнав из головы все мысли, он сделал суровое, подходящее случаю лицо и сказал:

- Объявляю вам, принцесса, что отныне вы моя пленница. Сейчас я посажу вас в башню, где

вы будете заточены до тех пор, пока... - он проглотил застрявший в горле ком, - пока не отыщется смельчак, который решится вас освободить... Если он вообще отыщется, - добавил он тише.

Юта взглянула на него расширенными глазами. Всхлипнула. Прошептала в отчаянии:

- Вы... Вы - мерзкое чудовище...

Арман снова фыркнул.

В западной башне, наименее разрушившейся, бил из-под камня родничок. Глиняная чаша полна была сухих лепешек, а рядом с соломенным матрасом сиротливо стояли огромные деревянные башмаки.

- Здесь? - спросила Юта дрогнувшим голосом.

Арману на мгновение стало ее жалко, но жалость тут же уступила место раздражению - он снова вспомнил, в какую историю влип.

Подтолкнув принцессу - она гадливо отстранилась - он захлопнул за ней кованую дверь. Постоял в наступившей тишине, громко произнес запирающее заклинание:

- Хорра-харр!

Юта, стоящая с противоположной стороны двери, услышала его удаляющиеся шаги.

Она закусала костяшки пальцев, переступая с ноги на ногу и не чувствуя холода онемевшими босыми ступнями. Весь ужас ее положения доходил до нее постепенно, толчками, и с каждым толчком она все больше кусала пальцы, надеясь проснуться наконец и сказать с облегчением: какой странный кошмар!

Мелодично звучала вода, скатываясь по замшелым камням.

Юта угодила в темницу - глухую темницу дракона.

III

Полуденный воздух дрожит,  
И море зевает в скалах.  
Здравствуй, тоска.

Арм-Анн

Он проводил часы перед тусклым надтреснутым зеркалом, и в пыльной раме беспорядочно чередовались картины из жизни трех королевств.

В Верхней Конте царила растерянность и был объявлен траур; теребя подбородок, Арман смотрел, как бледная и постаревшая королева прикладывает платочек к глазам, как король сурово отдает какие-то распоряжения, как горько плачет маленькая Май и хмурится другая принцесса - Вертрана. Потом, подавшись вперед, он попытался расслышать, о чем там сообщают на площади глашатаи, но дрянное зеркало доносило лишь обрывки: “Отважится... закон... ее высочество... под венец...”

Глашатаи твердили одно и то же на всех площадях, как и вчера, как и позавчера, и так уже много дней. Но знатные юноши отворачивались и проходили мимо; лишь раз в зеркале обнаружился человек, готовый на подвиг - какой-то чумазый угольщик, у которого не было ни оружия, ни боевого коня, а только непомерные претензии и глупая мечта жениться на принцессе.

Арман подумал о пленнице почти с ненавистью. Сейчас он готов был поверить, что девчонка специально натянула чужую шляпку и подло поджидала его посреди площади, чтобы расстроить так тщательно продуманный и горько выстраданный план. Еще чуть-чуть - и он поверил бы, что она сама полезет ему в рот, лишь бы досадить.

Он застонал. Пусть посидит в башне, поделом.

Сначала все шло совсем неплохо.

Она сумела протиснуть в щель голову, плечи и половину туловища. Под окном башни проходил каменный карниз, довольно широкий, но во многих местах обвалившийся. Перед глазами Юты оказался кустик бурой травы, прижившейся на изъеденном временем камне; далеко внизу лениво ворчалось море.

Ступенька над бездной. Что в ней за польза для человека, совершенно не умеющего летать? Но Юта упорно лезла и пробиралась, рассудив, что, выбравшись из темницы, что-нибудь да придумает.

Придумывать ей не пришлось, потому что как раз на полпути удача изменила августейшей пленнице. То ли щель под решеткой была слишком узка, то ли принцесса оказалась не такой уж худышкой - но Юта застряла, причем голова ее осталась на свободе, а ноги - в заточении.

Из кустика жухлой травы перед Ютиным лицом выбрался пыльный серенький жучок. Ему, вероятно, удивительно было видеть принцессу, пытающуюся подлезть под решетку узкого башенного окна. Юта дернулась - жучок расправил тусклые крылышки и улетел прочь. На волю.

Отчаявшись продвинуться вперед, смелая принцесса выдохнула весь воздух из легких и попыталась отступить назад. Увы! Решетка не давала ей сдвинуться и на волосок, и похолодевшей Юте представился истлевший скелет, застрявший под железными прутьями... Картина эта была столь ужасна, что, рванувшись из последних сил, ободрав бока и исцарапав спину, она свалилась наконец на каменный пол своего узилища.

Отдышавшись немного, пленница уселась на соломенном тюфячке, горестно подперла щеки кулаками и в который раз глубоко задумалась.

Попытка к бегству снова сорвалась, и заточению не видно было конца-края. Конечно, ей пока хватало и лепешек, и воды, а в окошко по утрам заглядывал солнечный луч, но, в конце концов, разве это жизнь для человека? В особенности если этот человек - молодая девица, тем более - принцесса! К тому же - горгулья! - в любую минуту может появиться дракон, и если он ни разу не показывался с

самого дня похищения, то не значит же это, что он забыл о жертве! Нет, бежать. Бежать немедленно!

Юта решительно поднялась - и снова села. Все пути бегства были уже испробованы - и тщетно. Сквозь решетку не протиснешься, под решетку не пролезешь, а дверь окована железом и заперта заклинанием.

Заклинанием...

Юта обнаружила, что повторяет бездумно последние слова своего ужасного тюремщика: хорра-харт...

Очень грубое, некрасивое слово, и похоже на ругательство. Хорра-харт.

Сунув ноги в деревянные башмаки, Юта проковыляла к двери. Постояла, вслушиваясь. Ни звука. Где-то по окраинам Ютиного сознания бродила некая простая мысль.

С влажной стенки пялилась мокрица. Пробежал мохнатый паук, противно перебирая длинными суставчатыми лапами. Простая мысль все бродила вокруг да около, и Юта никак не могла ее ухватить.

Разозлившись, она собралась уже и отчаяться, как вдруг в памяти ее всплыл толстый дворцовый лакей, обучающий премудростям юную горничную: “Ключик направо - закрыли сундук... Ключик налево - открыли сундук...”

И прежде, чем Юта сообразила, причем тут “ключик налево”, губы ее сами собой произнесли: - Праха-ррох!

Длинный скрип огласил узилище. Кованая железом дверь помедлила и качнулась, и между ржавым ее краем и стеной, на которой сидела мокрица, возникла щелка. Из щелки потянуло сыростью, дверь приоткрылась еще, и обомлевшая Юта увидела в проеме коридор и ступеньки.

Коридор и ступеньки! Выход! Свобода!

Драконово заклинание оказалось похожим на ключик старого лакея - произнесешь задом наперед, и дверь откроется.

Ошеломленная своим счастьем, Юта нерешительно подтолкнула тяжелую дверь и выглянула наружу. Коридор оказалось сразу два - направо и налево, и имелась еще винтовая лестница, ведущая вниз.

Юта призадумалась было, потом сбросила деревянные башмаки - в них она грохотала бы, как порожняя телега по булыжной мостовой - и, босая, деловито зашлепала по лестнице.

Замок врос в скалы и был, пожалуй, древнее скал. Арман не знал толком, кто его строил - то ли предки его предков, то ли неведомые существа, жившие на земле в ту пору, когда на ней не было еще ни людей, ни драконов... Однако уже в бытность легендарного Сам-Ара замок представлял собой порядочную развалину.

Арман фыркнул. Из ноздрей его вырвались снопы искр, потому что Арман, мерно взмахивая кожистыми крыльями, кружил над морем.

К замку, угнездившемуся на скалистом полуострове, вела одна только дорога - узкая, петляющая в камнях, довольно зловещая. Почти добравшись до его подножия, дорога эта раздавалась, образуя круглую ровную площадку - традиционное место поединков. Спустившись ниже, Арман разглядел бы аккуратно сложенную в ее центре горку костей - памятник всем бывшим и будущим освободителям.

Арман не стал спускаться. Он взмыл так высоко, что земля внизу подернулась как бы туманом, и сквозь туман этот до боли в глазах всматривался в дорогу, в дороги, во все пути и тропинки ближней и дальней округи... Но они были безжизненны, пусты и покинуты, и нигде не поднималось облачко пыли под копытами скакуна, и не взблескивало на солнце оружие, и ни один рыцарь не спешил на выручку пленной принцессе...

И тогда он взревел, мощно, страшно, со столбом пламени из глотки и дымом из ноздрей, и рев его прокатился над морем, и в далеких прибрежных деревушках люди, бледнея, шептали заговоры и заклинания.

Драконий рев поверг Юту на четвереньки. В первую секунду она вообразила, что ящер обнаружил ее бегство и разъярился сверх меры; в следующий момент здравый смысл взял верх над страхом, и принцесса рассудила, что зверь кричит над морем, а побег произошел в замке, и значит, ужасный вопль не имеет к ней, Юте, прямого отношения. Уверившись в этом, она решила подняться и продолжила свой путь.

Она искала выход из замка - и то и дело возвращалась к порогу своего опустевшего узилища. Впору было отчаяться, однако она мужественно жевала сухую лепешку, хлебала воду из родника и снова отправлялась плутать в темных коридорах.

Вдали снова взревел дракон - но тише, слабее, печальнее.

На другой день он потеряно бродил по замку с бутылкой в неверной руке; темные коридоры чередовались с темными же лестницами, а комнаты были либо заперты, либо пустынные.

Наконец, он споткнулся о какой-то порог и встал, тупо разглядывая внезапно обнаружившееся перед ним помещение.

Комната эта с давних пор называлась Органной, хотя загромождавшее ее сооружение не было похоже на орган. Скорее на огромные пчелиные соты, или богатую посудную лавку, или мозаику - хрупкую игрушку великана.

Тем не менее, это был музыкальный инструмент - вернее то, что от него осталось. Громадина отжила свое и была бесполезна - но Арман все-таки любил бывать в Органной комнате, разглядывать серебряные завитушки, украшавшие остов инструмента, щелкать пальцами по толстым трубам из светлого металла и стирать пыль со множества хрустальных скляночек, шариков, причудливой формы сосудов, располагающихся поодиночке и гроздьями. Иногда он пытался извлечь из сооружения подобие музыки, но попытки эти не приносили ничего, кроме раздражения.

Арман зевнул. Бесконечное кружение над дорогами совсем доконало его; слезились воспаленные

от ветра глаза. Тусклые серебряные трубы музыкального чудища издевательски уродовали его отражение. Но зачем он, собственно, явился сюда?

Пошатнувшись, он повернулся и побрел туда, где толпились бутылки на черном от времени столе, где тлел камин, где пустовали два кресла.

Юта сидела на ступеньках винтовой лестницы, поджав под себя босые ноги, и тщетно пыталась прогнать охватывающее ее отчаяние.

Выбраться из замка не представлялась возможным; свобода лишь посмеялась над ней, приоткрыв дверь тюрьмы. Юта оставалась в заточении, только узилище ее стало больше, обросло тупиками и лабиринтами, и теперь обессиленной принцессе мерещился истлевший скелет, сиротливо притулившийся на изъеденных временем ступеньках.

Юта в изнеможении закрыла глаза. Перед ее мысленным взором замелькали лоскутки, обрывки видений и воспоминаний.

Она увидела почему-то старую добродушную гувернантку, научившую читать сначала ее, Юту, а потом и младших сестер; гувернантка рассказывала что-то, оживленно жестикулируя, взмахивая рукой с зажатым в ней гусиным пером. Потом это видение стерлось, а на смену ему пришло другое - дворцовый парк, раннее утро, тяжелые от росы листья, терпко пахнет мокрая трава, а она стоит на поляне и ждет кого-то, кто должен прийти - но все не идет... И когда ожидание становится нестерпимым - вздрагивают ветки в глубине парка, дождем опадает на землю роса, и тот, долгожданный, появляется.

Юта видит сначала только темный силуэт между стволами, потом стволы расступаются - и, улыбаясь победно и беспечно, на полянку выходит Остин.

Юта смотрит - и не может оторваться, замороженная. А Остин подходит все ближе, голубые глаза его сияют, он протягивает руки, как бы собираясь заключить Юту в объятия...

Сон оборвался.

Бессмысленно улыбаясь, Юта сидела на ступеньках винтовой лестницы, ноги ее онемели, посиневшая от холода кожа сплошь покрылась пупырышками - но все это было уже неважно.

Сон был вещим. Остин придет.

Прихрамывая, потирая то здесь, то там, Юта двинулась наугад, снова и снова петляя коридорами замка.

Арман оторвал щеку от стола - он заснул сидя и теперь не понимал спросонья, что его разбудило.

Он попытался подняться - и замер на середине движения.

Далекий звук, довольно приятный и тем более немыслимый в этих стенах, пробился из неведомого источника и заставил Армана приоткрыть рот.

Наваждение?

Он припомнил с удивлением, что в его сне этот звук уже присутствовал, но там он был понятен и уместен. Сон, однако, закончился. Звук же...

Звук повторился. Арман выдернул из затылка волосок.

Долгие минуты тянулись в тишине, прежде чем звук возник опять.

Тогда Арман с неожиданной легкостью покинул кресло и углубился в лабиринт переходов.

Он двигался уверенно и бесшумно, замирая, когда стихал звук, и вновь пускаясь в путь, когда звук возобновлялся и указывал ему направление. На подходе к Органной комнате его встретил мощный, дивной красоты аккорд.

Последний прыжок - и запыхавшийся, несколько оглушенный Арман ворвался-таки в обиталище музыкальной развалины.

Еще таяли в воздухе последние ноты. Перепугано раскачивались хрустальные скляночки, ударяясь одна о другую, но звук их столкновения совершенно не был похож на тот, удивительный,

приведший Армана в Органную комнату.

Он остановился, хищно оглядываясь. Громадина молчала, будто решив сохранить свою тайну; в комнате же на первый взгляд никого и не было.

На первый взгляд.

Арман свирепо сдвинул брови. Процедил страшным голосом:

- Выходи.

Ему ответом была тишина, и даже робко позвякивающие скляночки понемногу успокаивались.

- Выходи, - повторил Арман зловеще. - Лучше будет.

Никакого ответа. Арману показалось, что серебряные трубы музыкального чудища сдвигаются плотнее, чтобы укрыть кого-то, за ними притаившегося.

Арман повернулся, будто собираясь уходить, но на пороге комнаты снова резко обернулся:

- Ну?! Мне самому за тобой лезть, что ли?

Ему показалось, что в глубине сооружения что-то шевельнулось.

- Считаю до пяти, - заявил он голосом, не терпящим возражений. - После этого вызываю крыс, и они съедают тебя прямо в твоём укромном местечке. Раз.

Тишина.

- Два, - Арман скрестил руки на груди. - Три.

Да, там, за строем серебряных труб, кто-то прятался. Сейчас хитрец снова шевельнулся, и тут же качнулась гроздь хрустальных шариков.

- Четыре, - продолжал Арман.

Понемногу, неохотно, то и дело за что-то цепляясь и что-то задевая, на свет выбирался некто, измазанный пылью и паутиной с головы до босых пяток.

- Пять, - неумолимо закончил Арман, и перед ним предстала Юта - принцесса Верхней Конты.

Лохмотья, в которые превратилось бальное платье, могли бы принести своей владелице немалое

состояние, вздумай она просить милостыню на рыночной площади. Волосы растрепались, а длинное лицо исхудало, отчего длинный нос казался совсем уж непомерным.

Долго же я буду ждать освободителя, подумал Арман.

Принцесса смотрела на него исподлобья, и в темных глазах ее был страх, но не было паники.

- И что же мы будем делать? - поинтересовался Арман с фальшивым добродушием. - Как поступают обычно с пленниками, которые совершают побег? Кажется, их бросают в колодец к змеям?

Юта нахохлилась еще больше. Сказала тихо и с достоинством:

- Я что, давала вам обещание - не убегать? Это мое законное право... Любому узнику позволено убегать, если его плохо стерегут...

Арман нахмурился:

- Плохо стерегут? А как тебе удалось выбраться, принцесса?

Ответом ему было гордое молчание. Арман обошел пленницу кругом, размышляя вслух:

- Дверь была заперта заклинанием. Что ты можешь понимать в заклинаниях, принцесса? Может быть, ты пробралась через крысиную нору или еще какую-нибудь дыру, а?

Юта фыркнула - возмущение на некоторое время подавило ее страх:

- Могли бы и получше заклинание подобрать, драгоценный господин дракон! Я эту дверь открываю и закрываю, как у себя дома...

Конечно, она тут же пожалела о сказанном, потому что Арман неприятно оскалился:

- Вот как?

И, взяв Юту за плечо, подтолкнул к распахнутой двери Органной комнаты, захлопнул эту дверь перед ее лицом и пробормотал сквозь зубы:

- Хорра-харт...

Юта наблюдала за ним исподлобья.

- Ну, - усмехнулся Арман, - теперь покажи, принцесса, как ты это делаешь. Откроешь - пощажу. Юта пожалала плечами, насмешливо на него взглянула и сказала как бы нехотя:

- Праха-ррох...

Дверь скрипнула и приоткрылась. Юта шагнула в проем, будто собираясь гордо удалиться.

- У людей не пользуются этим заклинанием, - глухо сказал за ее спиной Арман. - Откуда ты знаешь?

Юта обернулась:

- Ключик налево - ключик направо... Ясно же, что надо все заклинание произнести наоборот!

Некоторое время Арман и Юта смотрели друг на друга в упор.

- Хорошо, - протянул наконец Арман, и Юта невесть почему ощутила вдруг некоторое облегчение. - Ладно. Обещал пощадить - и пощажу... Только... - тут в голосе его снова зазвучали суровые нотки обвинителя, - как ты посмела, принцесса, явиться сюда, и что ты здесь делала?

Юта втянула голову в плечи. Действительно, какая горгулья ее укусила, зачем было трогать эти хрустальные горшочки? Проклятое любопытство... Теперь она попалась, обидно и глупо, и в лучшем случае ее снова запрут, как овцу в загоне...

- Что я делала? - пробормотала она, стараясь говорить как можно наивнее. - Что я делала? Ничего... особенного. Я... играла.

- Играла?!

Арман развернул Юту за плечи - несколько грубо - и подвел вплотную к выжидающему, притихшему музыкальному инструменту.

- Играй сейчас.

Принцесса перепугалась не на шутку. По-видимому, она совершила нечто ужасное, по глупости в этом призналась, и теперь ее ожидают издевательства и кара.

- Нет... - пролепетала она побледневшими губами. - Я не то хотела сказать...

Арман воздел глаза к покрытому потеками потолку:

- Играй. Как ты играла? Так? - он постучал пальцем по ближайшей хрустальной скляночке.

Юта молчала, сжавшись в комочек. Арман с шумом втянул в себя воздух.

Двести лет он не разговаривал с особами женского пола, да и вообще ни с кем не разговаривал, кроме себя. Ему стоило большого труда придать своему хриловатому голосу оттенок, который с некоторой натяжкой можно было бы назвать мягкостью:

- Ну, послушай, принцесса, я тебя не пугаю, не бью тебя, не кричу даже... Ты же играла, пока меня здесь не было? Ну так сыграй сейчас, а я хочу на это посмотреть.

Юта всхлипнула и решила, что терять все равно нечего.

Дома она любила играть с хрустальными бокалами - водить влажным пальцем по их краю и слушать мелодичный звук, который при этом получался.

Она робко оглянулась - Арман отошел, чтоб не пугать ее.

Тогда она быстрым мальчишечьим движением запустила палец в рот, послюнила, потом шагнула вперед и провела по краю ближайшей скляночки.

Мягкий, чистый, необычный звук родился под замурзанным пальцем, наполнил скляночку, разбудил гроздь прозрачных шаров, которые откликнулись резонансом; разросшись и обогатившись, звук усилился серебряными трубами, отразился от каменных стен и совершенно потряс своего единственного слушателя - Армана.

Юта провела пальцем по краю другой скляночки - звук изменился, теперь это был аккорд. Арман, сбитый с толку, туго накручивал на палец выдернутый из макушки волосок.

Юта перестала играть и обернулась.

Она выжидающе смотрела на него - долговязая девчонка в лохмотьях, а музыкальная громадина за ее спиной все пела, не желая умолкнуть после тысячелетнего молчания.

Арман с трудом сглотнул. Спросил тихо:

- Ты когда-нибудь видела такой инструмент, играла на нем? Где?

Юта перевела дыхание - опасности, кажется, не было. Ответила несмело:

- Нигде не видела... У нас такого нет... Я просто, ну, догадалась, как вы на нем играете...

- Как Я на нем играю?!

Юта отшатнулась. Арман, пожалуй, мог напугать кого угодно.

Вечером она сидела в кресле, в зале, перед камином. Это было то самое кресло, в котором она впервые пришла в себя, оказавшись в замке и приняв Армана за освободителя. Воспоминание это теперь заставляло ее краснеть.

На смену Ютиным лохмотьям пришла теперь какая-то хламида из Армановых сундуков - тот справедливо рассудил, что принцесса не должна выглядеть, как бродяжка, это может отвлечь освободителя в самый последний момент. Юта помылась и причесалась; стакан выпитого вина окрасил ее впалые щеки здоровым румянцем и помог на время позабыть о своих злоключениях. Арман, сидящий по другую сторону стола, отметил с удивлением, что у пленницы довольно ясный и осмысленный взгляд - хотя, конечно, это не затмевает явных недостатков ее внешности.

- Так вы не бро... бросите меня в колодец со змеями? - бормотала Юта заплетающимся языком.

- Посмотрим, - задумчиво отвечал Арман. - Не брошу, если не будешь совать нос куда не следует... Запирать тебя, вижу, бесполезно, но входить будешь только туда, куда я разрешу... И не вздумай ослушаться! Помни о крысах, о змеях... - он подумал, не обернуться ли драконом для острастки, но у него уже не было ни желания, ни сил.

\* \* \*

Остин приснился ей еще раз - но как-то тускло, невнятно, и она не могла вспомнить свой сон. И

все же каждый раз, укладываясь вечером на соломенный тюфячок, она подолгу думала о контестарском принце и пыталась призвать его в сновидения.

Теперь она обувалась в старые веревочные сандалии - а в них гораздо приятнее шлепать по камням, нежели босиком. Сухие лепешки чередовались с вяленным мясом, а вместо воды было еще и вино. К тому же ей было позволено подниматься на верхушку западной башни - там была открытая площадка, окруженная зубцами, и можно было подставлять лицо солнцу и ветру, смотреть на море и на берег, по которому петляла дорога.

Первое время Юта пропадала на башне - ей то и дело казалось, что на дороге появился всадник. Она принимала за всадников камни, кусты, столбы пыли, поднятые ветром - и каждый раз горько разочаровывалась, чтобы снова всматриваться и вглядываться.

Время от времени ей случалось наблюдать, как из Драконьих Врат вырывается черное облако, а вслед за ним, окутанный дымом, как темным плащом, появляется дракон. Притаившись за каменным зубцом, Юта разглядывала горящую на солнце чешую, гибкий костяной гребень вдоль спины, длинный лоснящийся хвост, захлестывающийся петлями... Дракон изрыгал пламя, описывал круг в небе над замком, и Юта, полуоткрыв рот, смотрела, как величественно взмахивают перепончатые крылья, из которых одно было отмечено светлым треугольным шрамом. Потом ящер неторопливо пускался прочь, на глазах становился все меньше и меньше, пока не превращался в черную точку, тающую над горизонтом.

Полетел на охоту, думала Юта. Она знала уже, что ящер охотится в горах на диких коз - драконий организм требовал обилия сырого мяса.

Быт замка был прост до однообразия. Время от времени Арман завяливал нескольких коз, чтобы съесть потом перед камином, будучи в человеческом обличье. Вода добывалась из родника, вино - из необъятных, вмурованных в стены бочек, поивших, верно, не одно драконье поколение. Да и неперменные сухие лепешки, как предполагала принцесса, испечены были лет сто назад, не меньше.

Была и кладовая - туда, как и следовало ожидать, ход Юте был строго-настрого закрыт, и она, конечно, очень боялась послушаться.

Арман и в человеческом виде представлялся ей страшилищем - поначалу она пряталась в первую подвернувшуюся щель, едва заслышав его шаги в конце коридора. Когда же строгий голос повелительно звал: “Эй, принцесса!” - она не решалась послушаться и являлась, дрожа, перед страшными Армановы очи. И, хотя никаких неприятностей он ей не причинял, а только кормил, поил да следил, чтобы не нарушала запретов - относительно спокойно ей бывало лишь тогда, когда он покидал замок.

Потом она пообвыкла и даже несколько раз рискнула обратиться к Арману с вопросом: а здесь бывают шторма? а куда ведет та дверь? а что, если разогреть лепешку, сунув ее в камин?

Арман отвечал сухо, но терпеливо. Разогретая лепешка оказалась вкусна, и Ютин страх понемногу отступал, давая место пока еще робкому любопытству.

Из всех развлечений главным оставалась сторожевая башня; дороги же были пусты - и вскоре принцесса решила, что рыцарь-освободитель и без ее помощи отыщет замок, и что ожидание можно скрасить, придумав себе какое-нибудь занятие.

И умница-Юта его придумала.

Труднее всего было выпросить у Армана факел - заодно удалось приметить, где они хранятся. Благовидным предлогом послужила Ютина якобы боязнь темноты.

Снарядившись таким образом, принцесса наконец решилась.

Дождавшись на башне, пока Арман-дракон вылетит из замка, - а Юта до сих пор содрогалась при виде крылатого чудовища - негодница опрометью бросилась вниз, зажгла факел и принялась за исследование замка. Уж казалось бы: раз ты пленница, то сиди тихонько и не нарывайся на неприятности - но нет! Юта спускалась теперь в темную, подземную часть замка, куда вход ей был категорически запрещен.

Факел вздрагивал в решительно поднятой руке. Подол темного балахона волочился по волглым

ступеням - скользким, истертым до дыр.

Лестница привела на узкую площадку - теперь можно было выбирать, спускаться ли ниже или углубиться в коридор. Юта решила спускаться.

Стало заметно прохладнее; по стенам скатывались большие прозрачные капли. Юта остановилась - и спереди, и сзади, и сверху, и снизу была только темнота, плотная, веками слежавшаяся тьма, которую едва осиливал свет одинокого факела.

Принцесса хотела уже испугаться - но вспомнила почему-то о светлячках. Светлячок в траве тоже испытывает похожее чувство - кругом темно, а он хранитель единственного в мире тусклого огонька... Юта вспомнила, как собирала в парке светлячков и показывала их маленькой сестре Май, которая тогда только поднималась на ноги... А Вертрана - та боялась ходить ночью в парк, и мальчишки-пажи боялись, и Юте очень нравилось смеяться над их страхами... Мальчишки - даже совсем большие - дивились ее храбрости и признавали за ней право командовать в затеях, которые она же большей частью и выдумывала...

Плясали тени на мокрых стенах. Юта улыбнулась и двинулась дальше.

От лестницы отделился еще один коридор; на этот раз Юта свернула и, пройдя немного, сразу же столкнулась с проблемой выбора - коридор раздваивался.

Подумав немного, она копотью факела оставила на стене пометку и свернула вправо.

С потолка гроздьями свисали летучие мыши, Юта испугалась, когда на них упал свет - но мыши не почтили ее вниманием. Похоже, они давно привыкли к огню факела, и это дало принцессе повод немного призадуматься - кто здесь так часто ходит со светом? Уж не хозяин ли замка? Что у него тут, в подземном лабиринте - сокровища?

Частые развилки и тупики беспокоили Юту все больше. Она уже всерьез подумывала о возвращении, когда стены коридора вдруг раздались.

Свет уже не достигал их, хотя факел горел ровно и ярко.

Юта остановилась, тяжело дыша и слушая стук крови в ушах.

Это, похоже, был огромный зал - принцесса даже ощущала движение тяжелого, затхлого воздуха. Где же потолок? Что там, дальше?

Принцесса испугалась, что, потеряв из виду стены и не имея возможности делать пометки факелом, не найдет дороги назад. Поэтому, вернувшись немного, она продолжила свой путь, придерживаясь правой стены.

Что он хранит здесь? В старых легендах полным-полно упоминаний о драконьих кладах, на которых будто бы и стоят их замки... А здесь пусто, огромное пустое пространство в толще скал, это кто же его выдолбил и зачем?

Ее любопытство росло вместе с ее страхом.

Слева показалось нечто большое и бесформенное - кажется, приземистая колонна, не то иссеченная чем-то, не то узором разукрашенная... Юта, подумав, отступила несколько шагов от стены и осветила колонну своим факелом.

Гор-ргуля!

Колонна была покрыта письменами, да какими сложными! Юта обошла громадину кругом - письма заполняли ее до самого пола, а начинались, наверное, у потолка, которого не было видно. Клинописные символы кое-где поросли мхом, кое-где стерлись - сколько же им столетий? Значки теснились, прижимали друг друга - разные тексты, и почерк разный... А вот и рисунок - а на нем знакомый берег, и море, и... замок!

Юта присвистнула. Фрейлины всегда запрещали ей свистеть. Вспомнив об этом, она свистнула громче - в коридоре захлопали крылья летучих мышей, и Юта зажала себе рот ладонью.

Тысяча горгулий...

На следующий день Арман никуда не вылетал - и Юта маялась, шатаясь по коридорам и глазая

с башни на дорогу. Немного развлекли ее немыслимых размеров белые птицы, которые поселились в прибрежных скалах и теперь вели беспокойную шумную жизнь - вопили, ругались, по очереди высиживали птенцов и выдергивали друг у друга перья. Поколебавшись, Юта пошла с вопросом к Арману - тот скупно объяснил, что птицы называются калидонами, избегают людей и поэтому издавна селятся рядом с драконами. Бормоча удачно придуманную считалочку - “Раз - драконы, калидоны, два - драконы, калидоны” - Юта поплелась обратно на башню.

Спустя еще день Арман - о удача! - улетел с раннего утра, и Юта, прихватив из хранилища новый факел, поспешила в разведанный ею подземный зал.

Найти было непросто - но Юта наловчилась ориентироваться по своим же, копотью факела оставленным знакам. Летучие мыши снова не обратили на нее никакого внимания, да и Юта уже не удивилась, когда стены коридора неожиданно расступились и в лицо повеяло затхлым сквозняком.

Потом время, кажется, остановилась. Любопытная принцесса обнаружила еще четыре колонны, покрытые клинописью, а сколько их было вообще - горгулья знает! К тому же, стены во многих местах тоже были испещрены знаками, и рисунки встречались, да какие! Юта долго стояла, разинув рот, перед изображением неведомо какого чудовища, выбиравшегося из моря. Дракон рядом с этим зверем казался просто комнатной собачкой, а ведь рисовавший изобразил чудовище в таких деталях, которые наводили на мысль о том, что он не выдумал его, а видел, и совсем близко...

Азартно пританцовывая, Юта и дальше предавалась упоительному исследованию. В конце концов ее неистребимое любопытство было вознаграждено - продираясь сквозь незнакомые знаки, она наткнулась вдруг на обрывок совершенно понятного, обычным языком написанного текста: “У храброго Дин-Ара было двое сыновей, и когда достигли они лет и поднялись на крыло, настал день их поединка... Гортани юношей преисполнены были огня, и сами они преисполнены были доблести... Но пал в бою младший, Шан-Ан, а старший, Акк-Ар, утвердился, и заматерел, и преуспел в промысле, и крылья носили его до глубокой...”

Текст оборвался.

Юта, пораженная, стояла перед каменной книгой, и ей казалось, что, сделав только шаг, она попала в другой, совершенно невообразимый мир. “Тортани юношей преисполнены были огня”...

Что же, и храбрый Дин-Ар, и двое его воинственных сыновей в самом деле существовали? Они были драконы? Ну уж конечно, раз они с крыльями и вообще... А вот правда это или сказка, и кто это написал?

Забыв обо всем на свете, Юта водила пальцем по каменным строчкам, выискивая понятные буквы. Ну вот, опять!

“Юкка приходит из моря, и дети его, и внуки, и правнуки явятся из пучины... Береги свой огонь, и да защитит он тебя от ужасного Юкки, и от детей его, и внуков, и...”

Юта выпучила глаза. Вот это горгулья! Еще и ужасный Юкка, который... Постой-ка, а не тот ли это зверь с картинки? Тот, помнится, тоже из моря вылезал...

И Юта принялась разыскивать рисунок с изображенным на нем чудовищем, но найти уже не смогла, а вместо этого прочитала вдруг:

“Я поднимаюсь к небесам, и моя тень лежит в скалах, маленькая, как зрачок мышонка... Я опускаюсь на землю, и моя тень встречает меня, как мой брат...”

Факел затрещал, но Юта не обратила на это внимания. Она водила пальцем по последней надписи - та была высечена глубоко, четко и читалась куда легче прочих... Может быть, этот текст не такой уж старый?

Установить это Юте так и не довелось. То есть сначала все было хорошо, она разглядывала письма, почти ткнувшись в них носом, и факел светил даже ярче, чем прежде... Но потом за ее спиной шумно вздохнули, и в ту же минуту оказалось вдруг, что факелов уже не один, а два, и поэтому так светло.

Юта вскрикнула - рядом, в двух шагах, стоял Арман, стоял молча, неподвижно, как воплощенное

возмездие. В пляшущем огненном свете узкое лицо его казалось зловещим, как никогда.

- Я нечаянно, - быстро пробормотала Юта, и глупость этих слов открылась ей сразу после того, как они были произнесены.

Арман молчал. Молчание это было приговором.

- А что я такого сделала? - голос принцессы предательски дрогнул.

- А вот мы сейчас посмотрим, - с убийственным спокойствием пообещал Арман.

Из помертвевшей Ютиной руки изъят был факел. Арман постоял с минуту, глядя пленнице в глаза, потом швырнул оба факела на пол. Швырнул и наступил ногой - сначала на один, потом на другой.

Повалил дым, и стало темно - так темно, что Юта тут же перестала различать, где пол, а где потолок.

- Я ухожу, - сказал Арман в темноте, и голос его удалялся. - А ты останешься здесь. Вот и подумай, стоило ли совать нос, куда запретили!

Шаги его стихли прежде, чем Юта перевела дыхание.

Она стояла посреди полной темноты, и в голове ее бессмысленно повторялась последняя прочитанная фраза: моя тень встречает меня, как мой брат. Как мой брат. Мой брат.

У нее, Юты, никогда не было брата, но это неважно. Никакой брат не явится в это подземелье, чтобы вывести сестру на поверхность. Она ослепла, она умрет в темноте, она никогда больше не увидит солнца. Жестокий дракон будет наслаждаться ее стонами, ее слезами, ее отчаянием...

Но здесь он или все-таки ушел?!

- Эй, - голос Юты расстрогал бы и ледяную глыбу, - эй, вы здесь?

Никакого ответа.

- Послушайте, - она старалась говорить спокойно и мужественно, но то и дело пускала петуха, - я ведь не так виновата, как кажется... То есть виновата, конечно, но подумайте... Что плохого в том, что

я немножко почитала здесь надписи? Здесь же нет ни золота, - Юта всхлипнула, - ни драгоценностей... Ни алмазов, ни рубинов, ни этих... сапфиров... И я ничего не украла... - ей пришлось сделать паузу, чтобы унять всхлипы и вытереть кулаком нос. Вокруг стояла темнота - густая, как чернила; Юта плотно зажмурилась, чтобы ее не видеть, и продолжала:

- Вам, может быть, и нравится меня пугать... Но это плохо, это... жестоко, я же и так ваша пленница... Откликнитесь, пожалуйста...

Тишина.

Дрожащей рукой Юта нащупала шероховатую поверхность колонны и прижалась к ней всем телом.

- Может быть, все написанное здесь - тайна... Так я же никому не скажу... Ни про то, как они дрались, ни про этого Юкку, который все время вылезает из моря... Я же не знаю, может, и не было никакого Юкки... Да я же все равно ничего не понимаю! - выкрикнула вдруг она отчаянно и зло. - Тут же не по-человечески написано! Ну кому хуже, если я попробую прочесть?!

Тишина.

Юта сползла по колонне на каменный пол.

- "Гортани юношей... преисполнены были огня", - сказала она шепотом, сама не осознавая, что говорит. - "Я поднимаюсь к небесам, и моя тень лежит в скалах, маленькая, как зрачок мышонка... Я опускаюсь на землю, и моя тень встречает меня, как мой брат".

Жесткая рука легла ей на плечо - она вскрикнула от ужаса.

- Пошли, - глухо сказал Арман.

Юта семенила за ним, едва поспевая; когда они миновали лабиринт и поднимались по лестнице, она решила спросить:

- Вы видите в темноте?

- Нет, - отозвался Арман отрешенно.

Смеркалось.

- Что ты там искала? - поинтересовался Арман.

Юта потупилась. Пожала плечами:

- Ничего... Я хотела... Увидеть...

Арман молчал, и она решилась-таки спросить:

- А все эти... люди, то есть драконы... Они на самом деле были?

Арман отошел к окну. Над морем поднималась красная луна.

- Это летопись моего рода, - сказал, не оборачиваясь.

Горгуля, подумала Юта.

- А Юкка? Он тоже из... вашего рода?

Арман посмотрел на нее через плечо. Девчонка и девчонка. Притворяется? Или действительно настолько любопытна? Впрочем, что за беда... Странно, думал ли он, что будет, м-м-м... обсуждать... Ну, словом, что найдется собеседник, который вот так наивно спросит: “А Юкка?”

Он усмехнулся, и Юта, посчитав это добрым знаком, усмехнулась тоже.

- Юкка, - сказал Арман наставительно, - Юкка - морское чудовище... Издавна он и его родичи были страшными врагами драконьего рода... А появлялся он из моря, и единственное оружие против него - огонь. Ясно тебе, принцесса?

- А кто такой Дин-Ар? - спросила Юта немедленно.

Арман поразился: ну видано ли? Поди разбери теперь - сердиться, смеяться...

- Дин-Ар, - сказал он со вздохом, - мой славный предок, сто шестнадцатый в роду...

Глаза Юты сделались круглыми, как блюдца:

- Сто шестнадцатый? А сколько всего поколений ваших предков?

Арман в изнеможении закрыл глаза. Глупенькая принцесса, не спрашивай о том, чего не в

состоянии понять.

- Я двести первый потомок, - сказал он устало.

- Двести первый?! А сколько вам лет?

Он усмехнулся:

- Двести тридцать два.

Принцесса помолчала, прикидывая, может ли это быть правдой. Спросила осторожно:

- Да? А сколько живут драконы?

- Пока не умрут.

- Да?

Арман отвернулся.

Он был так мал тогда, что о гибели отца сохранилось не воспоминание даже, а, по сути, воспоминание о детском воспоминании. Грохот, вспышка - отец, пораженный прямым ударом молнии, рухнул в море... Ему было, кажется, чуть больше двухсот... А через двадцать лет умер дед.

Юта вывела его из задумчивости, процитировав страшным шепотом:

- “Акк-Ар утвердился, и заматерел, и дожил до глубокой”... Но ведь он своего брата убил, да?

Что ж, подумал Арман. Я сам виноват - пустился с жертвой в объяснения, позволил рассуждать о делах рода...

Он вспомнил, как в темноте подземелья вздрагивал насмерть напуганный принцессин голос: “...моя тень встречает меня, как мой брат”. И ведь что за странность, до этих ее слов он был ужасно зол, и сидеть бы девчонке без света не час и не два... Но уж очень необычно было услышать эти строки из ее уст. Необычно и... приятно, что ли? Он растрогался и вывел ее на поверхность...

- А... - начала было Юта и осеклась.

- Что?

Юта отчаянно засопела, не решаясь спросить.

- Ну, чего тебе, принцесса?
  - У вас... ну, в общем, у драконов бывают имена, как и у людей?
  - У людей, - сухо поправил он, - у людей, как и у драконов.
  - Можно узнать, как вас зовут?
- Он задумался. Выговорил с трудом:
- Арм-Анн.

- С двумя факелами было удобнее, чем с одним.
- Тут непонятно... - бормотала Юта. - Это драконий язык?
  - Древнее наречие.
  - А вы понимаете его?
  - Отчасти.

Залу не было видно конца-края, и все новые и новые колонны, покрытые письменами, выныривали из темноты.

- А что здесь написано? - Юта водила пальцем по влажному камню. Арман то и дело одергивал ее:

- Не руками, принцесса!
- Юта отшатывалась, чтобы тут же приблизится опять:
- Тут есть и знакомые буквы, и не совсем знакомые... Что это?

Арман снисходительно объяснял. Чередовались более или менее давние описания нравов, обычаев, летопись наиболее важных событий, которыми, как правило, были битвы, схватки и поединки: “...и встретил Дон-Ар брата своего старшего Дав-Ана, и была их схватка подобна огненному узлу... И стянулся узел, и погиб Дав-Ан, и Дон-Ар возопил победно - но раны его были глубоки, как море, и пролил он море крови своей и в море же рухнул... Погибли оба, и осиротел род...”

- “Осиротел род”, - шепотом повторила Юта. - Война между братьями? Одна и та же история повторяется и повторяется... Только тот, про которого я читала раньше, “заматерел” и “дожил до глубокой старости”, а тут, видите ли, “осиротел род”... Зачем же было биться?

- Это обычай, - сказал Арман сухо. - Род продолжает только сильнейший из братьев. Тебе не понять.

- Не понять, - пробормотала Юта.

И после минутного молчания вдруг заговорила быстро и убежденно:

- А помните те строки про тень, которая встречает, как брат? Помните? Тот, кто их писал, ХОТЕЛ встретиться с этим своим братом, и не для того, чтобы его убить. Как вы это объясните?

- Никак, - глухо отозвался Арман. Юта, ободренная, продолжала:

- Я думаю, что убивать братьев не так уж хорошо. Рано или поздно остаешься один-одинешенек, и тогда уже впору со своей тенью беседовать... Вот вы, - она осуждающе уставилась на Армана сквозь пламя своего факела, - вы тоже убили своего брата?

Арман молчал так долго, что она испугалась.

- У меня, - медленно сказал он наконец, - у меня никогда не было братьев.

“...Гибель рода!”

Его дед был кликушей. Малыша до обморока пугали обвиняющие выкрики и зловещие пророчества.

“Гибель рода, распад, конец! Кого ты выплодил, сын?! Где сильные внуки, где носители моего пламени, готовые сразиться во славу семьи? Или этот выродец, Арм-Анн, уцелеет?”

Отец молчал. Арман дрожал, забившись в угол.

“Наши предки не простят нам, сын. Роду нужны новая кровь, свежие крылья. Арм-Анн - хилая ветвь. Где его братья, рожденные для поединка?!”

Потом была молния, осиротившая Арм-Анна.

Он тряхнул головой. Факел Юты мерцал далеко впереди - принцесса стояла, разинув рот, перед черной глыбой плоского, вздыбленного камня:

- Горгулья, это что еще?

Арман приблизился, думая о своем. Кивнул отрешенно:

- Здесь заключено пророчество.

- Пророчество?

- Да... О судьбе рода и всех его колен.

- Вам известно ваше будущее?!

Он усмехнулся:

- Нет. Ты же видишь, пророчество зашифровано. Не знаю, пытался ли кто-нибудь его понять...

Если и пытался, то тщетно.

Юта стояла, замороженная. Хитросплетения линий пленяли ее, гипнотизировали, сулили неслыханную тайну другого, неведомого мира...

- А я смогу понять? Ну, прочитать, разобраться?

У Армана опустились руки. Факел его зашипел.

- Послушай, - сказал он проникновенно. - Этому камню много тысяч лет. Ты - девчонка, пигалица, песчинка, чешуйка... - он приостановился, подбирая слово, и Юте пришлось помочь ему:

- Скорлупка.

- Скорлупка, - согласился Арман, - Наглая, нахальная скорлупка с неистребимой тягой к неприятностям.

Юта часто заморгала:

- Знаете... Для дракона вы очень красноречивы.

Он онемел, а принцесса, воспользовавшись этим, поспешила добавить:

- Нет, я ничего такого не хотела сказать... Пожалуйста, разрешите мне ходить сюда самой. Пожалуйста. Ну, пожалуйста.

#### IV

Солнце - пастух без стада.

Утром - золото, вечером - медь. И кажется, будто не надо

Ни вспоминать, ни жалеть.

#### Арм-Анн

Теперь она дни напролет проводила в подземелье. Арман удивлялся, но и был доволен - так он, по крайней мере, знал, что принцесса занята делом и не замышляет очередной каверзы.

Он наблюдал за ней, как за диковинным, попавшим к нему в клетку зверьком. Иногда он спускался вслед за ней в подземелье - без факела, невидимый - и подолгу смотрел, как она водит замурзанным пальцем по древним замшелым отметинам.

С людьми - с теми, кто живет в деревенских домах под соломенной крышей, городских кварталах под черепицей или королевских дворцах - у Армана были долгие и сложные отношения.

В самом нежном детстве он имел несчастье пристраститься к пороку - а то, что это порок, да еще ужасный, ему впоследствии объяснил вооруженный розгой дед. Причиной всему было волшебное зеркало.

Родичи Армана пользовались им по необходимости либо от скуки, но никогда - из любопытства. Арман извлек его из хлама, почистил и установил в своей комнате; тогда еще целое, ясное и послушное

воле смотрящего, оно часами показывало мальчику картины чужой жизни.

Он был единственным ребенком в огромном замке; отец был горячо любим, но всегда угнетен и подавлен, деда же маленький Арм-Анн старался избегать.

Отец иногда ронял тяжелую ладонь ему на макушку, заставляя замирать от радости, и дарил мелкие ненужные вещи - камушки, пряжки. Дед занимался воспитанием внука - учил его и наказывал.

Стоя в огромном холодном зале, Арм-Анн до хрипоты повторял наизусть эпизоды из истории рода. Каждый урок начинался и заканчивался с перечисления многочисленных имен - пращуров тянулись перед глазами мальчика угрюмой нескончаемой вереницей.

Наверное, у каждого из предков была мать - в этом счастье последнему потомку было отказано. У предков были братья - те, с кем предстояло сразиться, возмужав. Арман был одинок с колыбели, и вся детская жажда общения досталась бездушному предмету - магическому зеркалу.

Зеркало нельзя было любить, но и наказывать оно не смело. Внешне безучастное, оно, развлекая, подсовывало малышу совершенно невероятные сведения.

Он видел, как орава мальчишек - а он не мог представить себе, что столько мальчишек может существовать на свете - зачем-то дразнит стайку других детей: он сначала принял их за странных мальчиков, и только потом услышал их истинное название - девочки...

Он смотрел, как делают сыр из овечьего молока, как степенно ужинает большое семейство, как пеленают младенцев, как обряжают мертвецов, как листают многослойные глыбы - книги... Те, в зеркале, были в чем-то мелочны и суетливы, но и многообразны на удивление - Арман не переставая удивлялся.

Так он удивлялся и в тот день, когда дед решил, наконец, полюбопытствовать, за каким же занятием проводит так много времени его единственный внук. Массивный подсвечник расколол зеркало, покрывшееся с тех пор сетью трещин, а Арман долго помнил последовавшее за тем

наказание.

Много позже он понял, чем прогневил деда. Возможно, именно зеркало когда-то изувечило его драконью суть... Или нет? Может быть, несчастное стекло невинно пострадало?

И вот теперь Юта удивлялась и пугалась, глядя, как интерес в глазах ее тюремщика время от времени подергивается пеленой давних воспоминаний.

Очень скоро он извлек ее из ее уголка и усадил за длинный стол в комнате с камином - чтобы была перед глазами. Поначалу принцесса дичилась; потом привыкла и изо всех сил старалась держать себя по-светски.

Впрочем, после дня, проведенного за работой в клинописном зале, светские манеры сами собой забывались. Она молча уплетала лепешки - руки черные от пыли и копоти, щеки горят, глаза азартно поблескивают - будто не принцесса вовсе, а довольный жизнью рудокоп. Наевшись, исследовательница откидывалась в кресло и оттуда, из лоснящейся глубины, смотрела на Армана долгим интригующим взглядом.

Выдержав необходимую паузу, он спрашивал с деланным равнодушием:

- Что же?

Юта усилием воли опускала уголки губ, уже готовые радостно расползтись к ушам, и сообщала как бы нехотя:

- Я поймала символ, означающий “огонь”.

Арману известно было, что символы “небо”, “несчастье” и “отважный” уже “пойманы”, изучены и тщательно перерисованы Ютой на стену у камина.

- Поздравляю, - говорил Арман серьезно, с трудом прожевывая вяленое мясо, - ты вычерпала из моря уже три горсти воды! Трудись, и дно обнажится.

Юта смотрела на него вызывающе и насмешливо, взгляд ее красноречиво говорил: посмотрим!

Правда, бывали дни, когда Юта теряла уверенность; глаза ее уже не светились вдохновенно, и к символам, уже нарисованным на стене у камина, не прибавлялось ни единой черточки. Поужинав, она сразу уходила на башню - высматривать освободителя в сгущающейся темноте.

Арман знал, что ночные бдения ее бесполезны. Давно охрипли глашатаи на городских площадях; давно вернулась в привычное русло жизнь в королевском дворце Верхней Конты, а в сопредельных странах размеренное течение будней и вовсе не нарушалось. Похоже, три королевства со спокойной совестью оставили Юту дракону.

Исследования Юты зашли в тупик, потом вырвались из него - были найдены символы “море” и “ужасный” - и опять застопорились, увязли в бесконечных хитросплетениях незнакомых знаков. Несколько поостыв, она снова проводила дни на башне, посвятив долгие часы разглядыванию пустой дороги.

И - странное дело! - вскоре она подметила, что и Арман занят тем же. Вылетая из замка в драконьем обличи, он подчас пренебрегал охотой и дальними полетами, чтобы покружить над дорогами, будто кого-то высматривая... Похоже, появления освободителя он ждал с не меньшим, а скорее даже с большим нетерпением, нежели узница... А зачем, собственно?

Юта задумалась.

До сих пор сам процесс освобождения представлялся ей достаточно туманно - явится, мол, рыцарь, победит дракона в битве... А что значит - победит, и как это будет выглядеть?

Арман кружил над берегом - освещенная закатным солнцем бронированная громадина. Юта посмотрела на дорогу и представила вооруженного всадника, бросающего вызов дракону.

У рыцаря копьё, каленый меч, и даже шипастая палица... Может он повредить чешую? Хотя сколько-нибудь значительно повредить, не говоря уже о снесении головы, как это утверждается в старинных легендах? Удастся ли вообще нанести разящий удар прежде, чем витязя сметет с лица земли огненный смерч?

Постойте-постойте, подумала Юта в панике, но не может же ящер быть неуязвимым? Сколько существует преданий о победителях драконов, которые приносили домой кто язык, а кто целую отрубленную голову!

Отрубленную голову... Юта сглотнула.

Арман кружил, нежась в восходящих потоках теплого воздуха; был он похож на геральдическое чудовище, сошедшее с гравюры; силуэт его на фоне розового неба был грозным и грациозным одновременно.

Может быть, он ждет рыцаря, чтобы пожрать его, как дикую козу? Может быть она, Юта, мысленно призывающая Остина, неосознанно желает принцу гибели?

Она тут же отбросила эту мысль, как непереносимую. Освободители являются, чтобы побеждать, а как же иначе?

Но мысль, отодвинутая в самый дальний уголок сознания, все же не желала уходить. Ночью Юте привиделось небо, сплошь закрытое перепончатыми крыльями, и потоки пламени, холодного и липкого, как кисель... Арман-дракон шерил зубастую пасть, и вываливался меч из чьей-то ослабевшей руки.

У Юты пропал аппетит, она бродила по замку поникшая, потерянная, опустошенная. Арман поглядывал на нее обеспокоено.

Спустя несколько дней он принес кого-то в когтях. Юта, дежурившая на башне, перепугалась до смерти - ей показалось, что дракон тащит еще одну похищенную принцессу. Но, присмотревшись, она заметила, что новая жертва крылатого ящера покрыта белой шерстью и четыре ноги ее, снабженные маленькими черными копытцами, беспомощно дергаются в воздухе.

Бросившись вниз, в комнату с камином, Юта застала там Армана-человека и при нем ошалевшую, напуганную, однако целую и невредимую дикую козу.

- Это молоко, - небрежно объяснил Арман в ответ на молчаливое Ютино изумление. - Хочешь молока? Вот и подои ее.

Юта и коза пристально друг на друга посмотрели. Принцесса огляделась в поисках подойника - и обнаружила на столе очень удобный для этой цели кувшин. Коза отступила на шаг, не сводя с Юты настороженного взгляда.

- Может быть, ее привязать? - осторожно предположила Юта.

- Я подержу, - предложил Арман все так же небрежно.

Теперь коза переводила встревоженный взгляд с одного на другого и все пяtilась, пяtilась, пока не наткнулась на кресло.

Арман решительно шагнул вперед - коза, зная его как ужасного дракона, заблеяла в тихой панике. Арман ухватил ее за миниатюрные рожки, а Юта накинулась сзади, грохнула кувшин на пол и обеими руками вцепилась в тощее козье вымя.

Коза завопила что есть силы. Вымя выскользнуло из Ютиных пальцев, а кувшин, громяхая, покатился по полу, ударился о стену и рассыпался грудой черепков.

- Что же ты... - пробормотал Арман. Вырвавшаяся коза забилась в угол и оттуда посверкивала круглыми от ужаса глазами.

- Милостивый государь, - сказала Юта горделиво. - Неужели вы думаете, что принцессы во дворце ничем другим не занимаются, только вот коз доят, да?

Арман не нашелся, что ответить.

После еще нескольких неудачных попыток подоить козу Арман предложил задрать ее и съесть. Впрочем, добросердечная принцесса сумела-таки отговорить его - животное было выпущено на вольную волю. Юта же осталась в заточении.

\* \* \*

Гигантские птицы - калидоны - вывели птенцов. Щурясь от ветра, Юта смотрела, как поднимаются над кромкой гнезда сиреневые головки, покрытые свалевшимся пушком, как разеваются желтые рты и как деловитые родители забрасывают туда мелкую рыбешку. Взрослые калидоны были белыми, как облака, и грациозными, хотя и крайне скандальными созданиями.

Однажды Арман спустился в подземелье, в клинописный зал, и не велел Юте беспокоить его.

Юта и не беспокоила. В последнее время она несколько охладела к тайнам клинописи, уединение же Армана показалось ей весьма удачным обстоятельством: теперь она имела возможность посетить давно интересующее ее место. Местом этим была комната, которую, и не без оснований, она считала обиталищем Армана.

Трудно сказать, почему ее так туда влекло. Она прекрасно понимала некоторую бестактность такой затеи и мучилась стыдом; ясно было также, что Арману не понравится ее визит, если он о нем узнает. Но любопытство ее, не утоленное загадками клинописного зала, оказалось сильнее и страха, и деликатности.

Тяжелая дверь не была заперта; воровато оглянувшись, Юта скользнула вовнутрь, оставив ее приоткрытой.

Комната оказалась неожиданно большой, пустынной, пыльной; одно узкое окошко под потолком едва пропускало свет дня.

Юта огляделась; вдоль стены тянулась узкая деревянная скамья, напротив, тяжело вдавившись в каменный пол, возвышался сундук - отшлифованный до блеска, но потускневший от времени. А в отдаленном, затянутом паутиной углу...

Юта встрепенулась. Там, в углу, стояло большое зеркало, тусклое, надтреснутое.

Горгулья, кто бы мог подумать, что в этом замке может оказаться зеркало! Даже такое пыльное... Неужели Арман имеет обыкновение глядеться в него, прихорашиваться?! По нему не скажешь, однако

зеркало - вот оно!

Юта шагнула вперед и лицом к лицу встретилась со своим отражением.

Она не видела себя уже невесть сколько времени; темная бесформенная хламида, небрежно стянутые в пучок волосы, да и обветренные губы - не украшение... Раздумывая, она провела рукой по запылившейся поверхности, и в ту же секунду зеркало осветилось изнутри.

Юта отпрянула, а в овальной раме замелькали вдруг лица, и крыши деревенских домов, и высокая трава, и снова лица... Что-то сердито спросил женский голос - он доносился прямо из зеркала, Юта даже ущипнула себя за руку! Но происходящее не было наваждением и не пропало от этого щипка, и мужской голос, тоже сердитый, громко ответил:

- Да почему я знаю?! В кладовке смотри!

Лай собаки. Мычанье коровьего стада, и сразу, без перехода - бой башенных часов.

Магическое зеркало! Вот и награда принцессе за страх и неловкость!

Она слышала о подобных чудесах с колыбели - няньки с удовольствием рассказывают детишкам сказки про Ложку-всех-накормешку, про Палку-всех-побивалку, Мальчика-из-морковки и Говорящее Зеркало; считалось, впрочем, что волшебные предметы хранятся далеко за морем. Но зеркало - вот оно!

Юта подалась вперед, жадно всматриваясь в обычную, будничную, но такую далекую и недостижимую для нее жизнь. Картины сменялись бессвязно и путано - некоторые из них, откровенно интимные, заставляли принцессу краснеть и отворачиваться. Звуки доносились то ясно, то приглушенно, то вообще невнятно, и Юта уже несколько ошалела от мельтешения красок и разноголосицы, когда вдруг стало тихо, и в раме появился изысканный интерьер, сразу же оказавшийся комнатой во дворце короля Акмалии.

Комната полна была народу, похоже, в ней происходил пышный прием. Король и королева мило беседовали с парой туго накрахмаленных послгов - Юта тут же узнала их, это были послы

Верхней Конты! Лакеи разносили вино в высоких бокалах, покачивались пудренные прически дам, кто-то непринужденно смеялся, но Юта не слышала ни звука - зеркало загадочно молчало... Рюшики, бантики, брошки и подвески - как она ненавидела их раньше, и какими милыми казались они теперь! Потом в унылую пустую комнату заброшенного замка ворвались и смех, и голоса, и звон бокалов, и все пространство внутри рамы заняло сияющее личико прекрасной принцессы Оливии.

Юта закусила губу.

Оливия, окруженная кавалерами, милостиво принимала знаки внимания. Вот рядом с ней мелькнула в толпе светловолосая голова - и Юта покрылась потом, но нет, это был не Остин. Контестарского принца не было на приеме.

- Ну для чего же существуют летние резиденции? - тонко улыбаясь, говорила Оливия. - Конечно, для пикников и прогулок при луне... Для романтических встреч, и не смейся, Вертрана!

Оливия повернулась - и Юта увидела сестру. Верта сдерживала смех; на платье ее, на плече, болталась тонкая траурная ленточка.

Юта обомлела.

Как же так. Как же так, послушайте! Она ведь еще жива... Они похоронили ее, но как же так! Как могут они смеяться, пить вино... Они ведь ДАЖЕ НЕ ПОПЫТАЛИСЬ спасти ее!

Оливия в зеркале поднялась - засуетились многочисленные поклонники. Акмалийка двинулась к двери, за которой виден был пышный экзотический сад, но приостановилась. Спросила вполборота:

- Кстати, Верта... Что слышно о бедняжке Юте?

Вертрана виновато пожала плечами:

- Ты знаешь, герольды вызывали рыцарей раз двести... Ни один не явился. И почему?

- Почему? - усмехнулась Оливия. - Очаровательная наивность... Да ведь по закону освободителя жениться заставили бы, вот почему. Ты представляешь, жениться на Юте! - и, развернувшись, пустилась прочь, сопровождаемая топотом воздыхателей.

Юта сидела застывшая, оцепеневшая; зеркало погасло, и в мутной его поверхности она увидела себя - некрасивую, нескладную, с крупными каплями слез на впалых щеках... А потом она увидела стоящего за ее спиной Армана.

- Никто не придет, - сказала Юта тихо.

Арман молчал.

- Никто не придет! - повторила она громче. - Зачем вы похитили меня, за мной же никто не придет!

- Это не твое дело, - сказал Арман сумрачно.

- Не мое? - пальцы Юты комкали и рвали подол балахона. - Не мое? Надо было сразу и сожрать меня, а не маяться самому и меня... морочить.

Арман смотрел в покрытую паутиной стену.

- Зачем... - голос Юты дрожал. - Если бы вы похитили красивую девушку... За ней бы явились, чтобы биться, сотни рыцарей... Вы же этого хотите? Я знаю, я давно поняла... Так зачем же вы похитили... меня?

Арман спросил медленно:

- Тебя, значиит, Ютой зовут?

Юта осеклась, и Арман отвернулся.

Как неуместен был весь этот разговор, особенно сейчас, после долгих часов, проведенных в подземелье, наедине с предками, с родом, с Законом... Он спрашивал у мертвого камня совета, и получал все один и тот же ответ: "Преуспеи в промысле..."

Значит, придется отвести Юту в ритуальную комнату. Она права - освободителя ждать уже бессмысленно. Возможно, это... к лучшему? Почему он, Арм-Анн, до сих пор остается недостойным предков, никчемнейшим, ничтожнейшим из рода? Он, чистокровный потомок Сам-Ара! Чем эта

принцесса лучше, или хуже сотен других таких же принцесс, нашедших в ритуальной комнате свой ужасный, но такой торжественный конец?

Что-то изменилось в его лице. Юта заметила это мгновенно, и сразу же перестала плакать. Новый страх, не похожий на прежние, ползущий и цепенящий страх возник вдруг по неведомой причине и в короткие несколько мгновений завладел принцессой полностью. Арман поднял на нее глаза - и в человеческих чертах его она увидела и костяной гребень, и кривые обнаженные зубы, и отблеск пламени из-под тяжелых надбровных дуг. Дракон.

- Юта, - сказал Арман. Голос его, обычно хрипловатый, сейчас прозвучал, как скрежет. - Юта. Она не могла произнести ни слова. Арман встал.

Сейчас? Прямо сейчас?

- Пойдем, - сказал он, и слова его упали, как занесенный топор.

Она поднялась, покорная, оцепеневшая под его взглядом. так смотрел отец его, и дед его, и двести поколений...

Но зрение его помутилось.

Перед ним стояла девушка, жалкая и беспомощная. Лицо ее подернулось дымкой, но он ясно, яснее чем следовало, увидел ее ресницы, стрелочками слипшиеся от слез.

Проклятье.

Юта качнулась, заколебалась, растворилась в накатывающей мути, и по жирному склизкому склону покатались бесформенные комья.

Резко, невыносимо пахло цветами; комья катились и катились, большие, маленькие, пульсирующие; каждый оставлял в покрывавшей склон жиге неровную дорожку, и дорожки эти пересекались, сходились и расходились, и Арман не мог уже на это смотреть.

Двумя руками держа себя за горло, он опустился на каменный пол; Юта, придя в себя, стояла над ним - растерянная, испуганная, дрожащая.

Двести первый потомок ни когда не сможет исполнить предначертанное. Род закончился бесславно, произведя на свет несомненного и презренного выроodka.

V

Рождается месяц - изогнутый коготь  
Первого в мире дракона.  
Ночь ненасытна. Небо бездонно.

Арм-Анн

Надвигался шторм.

Весь день море колотилось о скалы, а под вечер стало тихо и душно, и даже на верхушке башни не чувствовалось ни дуновения. Затишье было нехорошим, многообещающим.

Арман сходил с ума.

Бледный до синевы, отощавший, исполненный едкой иронии, он восседал в кресле перед камином, забросив ноги в сапогах на захламленный стол, прикладываясь к бутылке и вслух беседовал с самим собой. Юту, притаившуюся за дверью, бросало в жар от этой беседы.

- И явился на свет двести первый потомок! - провозглашал Арман, сдерживая дикий смех. - И остался в живых... И не подавился вином, вот... - он поднес горлышко к губам и сделал большой глоток, - и не свалился в море... И не околел ненароком, как это бывает с вы...выродками... И преуспел... преуспел в промысле, да в каком! Он проникся... преисполнился... возлюбил... голубую шляпку. Шляпку, да! Он задумал сам себя перехитрить... Явится, мол, дурень... недоумок, да... И освободит потомка от... от... Прокля-атье!

Скорчившись, Арман заколотил по столу кулаками. Юта, глядевшая в щелку двери, дрожала, но вот уже час не решалась уйти. Все, все давно стало ей понятно. История Ютиного похищения, лишившись недомолвок и прикрас, оказалась всего лишь глупой ошибкой.

- Он перехитрил себя! - орал Арман злобно. - Но судьбу... Не проведешь, ты... двести первый потомок!

Отчаяние Армана пугало Юту, что-то внутри нее сжималось болезненно, будто предчувствуя беду. Принцесса довольно быстро догадалась, что несчастье Армана связано с неким “промыслом”, но что это значит, ведь драконы не занимаются ремеслом?

Юта вспомнила тот жуткий взгляд, который так напугал ее перед тем, как с Арманом случился странный припадок. Почему-то ей стало казаться, что “промысел” и этот взгляд таинственным образом связаны, и по спине ее забегали противные мурашки.

Слово “промысел” встречалось в клинописных текстах, украшавших собой подземелье. Что оно означало? Как это связано с ее, Ютиной, судьбой?

- Потомок Сам-Ара! - выкрикивал Арман, захлебываясь вином. - Почему ты не окошел в младенчестве? Почему ты дожил до сего дня, и до этой шляпки, и до этой принцессы?

Юта грызла пальцы.

- Ты думал... - голос Армана ослабел, - думал спрятаться за спину глупого освободителя с мечом... Спрятаться от долга... От чести... От славы... Думал откупиться, подонок...

На минуту он затих, ткнувшись лицом в ладони - Юта осторожно переступила с ноги на ногу. Будто почувствовав ее присутствие, Арман обернулся к двери. В желтом свете надвигающейся грозы Юта увидела его лицо.

Это было лицо глубоко страдающего человека.

Юта растрогалась. Растрогавшись, потеряла бдительность, слишком сильно налегла на дверь - та скрипнула и отворилась. Юта опоздала отскочить.

- А-а, - пробормотал Арман, ничуть не удивившись. - Вот она, жертва.

Он попытался встать. Отступая, Юта вытянула вперед руку, будто защищаясь, и пробормотала:

- Арм-Анн...

Он ощерился:

- Как-как? Что ты сказала, принцесса?

И прежде, чем Юта успела ответить, он дунул на нее.

Не дунул даже -дохнул, так драконы дышат огнем.

Арман забыл, что он пребывает в человеческом обличье. А может быть, от вина и переживаний оба его обличья полностью слились в его сознании.

Как бы то ни было, но Армандохнул. В конец перепуганная Юта бросилась бежать. Арман, петляя, спотыкаясь и держась за стены, двинулся прочь.

Он был пьян, как никогда.

С третьего раза обернувшись-таки драконом, он шагом пробрался через тоннель и, только достигнув выхода, поднялся на крыло.

Вечер был воспаленный, кроваво-красный, абсолютно безветренный. Море глухо шумело; Армана бросило в сторону, он коснулся крылом воды и чуть не рухнул в волны, но в последний момент выровнялся, хоть и с трудом.

Быстро темнело. Немели крылья, голова шла кругом от выпитого, он никак не мог подняться повыше - тянуло вниз отяжелевшее брюхо. Море, которому полагалось быть внизу, норовило то подняться на дыбы, то опрокинуться набок. Замок то и дело лез в глаза, хотя Арман старательно поворачивался к нему хвостом.

Я трезв, грузно ворочалось у него в мозгу. Я вполне в состоянии... Проклятье!

Он снова зачерпнул воды и озлился, и эта злость помогла ему овладеть собой. Презирая себя и весь мир, он пустился прочь от берега и от замка, гонимый ненавистью и отчаянием.

Безветрие затягивалось. От горизонта напоздали темные бесформенные груды, больше похожие на кучи чернозема, нежели просто на тучи. Армана мутило. Суетливо взмахивая сразу уставшими крыльями, он летел и летел, будто пытаясь убежать от себя.

Стоячий воздух над морем дрогнул. Потом дрогнул еще, и сразу, без предупреждения, налетел ледяной вихрь. Стало совсем темно, только край горизонта вдруг ярко осветился, чтобы тут же и погаснуть.

Гроза.

Арману стало весело. Что ж, пусть. Это забавно. Это приключение. Только прочь от замка, от принцессы, от ритуальной комнаты, от клинописного зала, от такой жизни. Прочь.

Горизонт осветился снова, и снова, и снова, и вот уже чуткое ухо Армана уловило в мерном грохоте моря далекий отзвук: угу-гу...

Арман хотел улыбнуться, но зубастая пасть не была для этого приспособлена. Вихрь, вдруг совершенно озверев, ударил его по крыльям, завертел, осыпал солеными брызгами; в ту же секунду по чешуе дробно забарабанили крупные капли. Арман чувствовал, как они стекают в подбрюшье, огибая чешуйки, капая с поджатых когтей.

Надо возвращаться, подумал Арман. Ему все еще было весело, но уж очень он устал.

Вот тут-то все и началось.

Гроза налетела внезапно, злобно и беспощадно.

Арман метался среди молний; небо над его головой каждую секунду покрывалось сетью голубых вен. Небо, истязаемое, ревело, истошно кричало от горизонта до горизонта, и в этой каше из волн и туч не было уже ни верха, ни низа, и ни какого-либо твердого направления.

Он, кажется, протрезвел, но это уже не имело значения. Самое горячее желание вернуться не

могло помочь в мутной тьме, и Арман окончательно сбился с дороги. Тучи облепили его черной ватой, правое крыло свело судорогой, и оно отказалось подчиняться. Несколько долгих секунд он просто падал, как подстреленная лысуха; потом крыло вдруг захлопало с бешеной силой, и он выскользнул из-под гигантской волны, которая уже готова была слизнуть его, как лягушка слизывает прямо из воздуха зазевавшуюся мошку.

Но молния - молния не желала выпускать добычу. Некто безмерно более древний, чем все Армановы предки, некто, вооруженный сверкающим коленчатым копьем, беспощадно метил в темную спину с костяным гребнем. Он промахнулся раз и два, а третий раз едва не стал для Армана последним, и неминуемую погибель удалось отсрочить только судорожным, головоломным маневром.

Отец. Его отец кружил над морем, и его пронзила молния. В какую-то секунду Арману показалось, что призрак отца, призрак черного, убитого молнией дракона витает совсем рядом, что сквозь тучи смотрят его красные глаза.

Арман понял, что это смерть. Он не испугался и не испытал облегчения, только явилась, будто извне, торжественная мысль: так пришел конец славному роду...

Молния встала во весь рост - будто кто-то намалевал на небе огромное генеалогическое древо.

Юта смотрела на грозу сквозь решетку окна, ежилась от порывав ветра и вздрагивала от ударов грома.

Она не боялась грозы. Когда-то она бравировала своей храбростью в кругу прочих детишек; сейчас ей то и дело шли на ум слова седой няньки - воспитательницы маленькой принцессы Май.

- Молния, - говаривала старушка во время грозы, - молния драконов ищет... Не любит их, огнем выжигает. Как увидите молнию - знайте, это по драконью душу...

Юта вздрагивала, заслонялась от ветра и не знала, радоваться ей, горевать или пугаться.

Арман улетел пьяный, беспомощный; полчаса спустя налетела гроза, и вот уже столько времени

прошло, а дракона все нет и нет...

А в живых ли он еще?

Если нет, то Юта свободна. Неясно пока, как выбраться из замка и найти дорогу домой, но тюремщик погиб и, значит, Юте не угрожает темная опасность, связанная со словом “промысел”.

А если Арман жив? Сможет ли он вернуться, найти замок в кромешной тьме?

Если не сможет, то любой рыцарь, если он все-таки явится к ней на выручку, останется в полной безопасности. Конец страшным снам и тягостным мыслям. И замок, и сокровища - а вдруг в замке все-таки хранятся сокровища - принадлежат ей, Юте, и тому, кто придет ее спасать.

Что так, что сак - а выходит Юте большая выгода от этой грозы. Дракон гибнет в море - какой счастливый случай!

Хлестнула по глазам белая вспышка молнии.

Он рассказывал ей о своих предках. Он дал ей свою хламиду. Он поймал для нее козу.

Он может съесть ее, Юту. Он и освободителя съест.

Молния вспыхивала без перерывов - вокруг стало светло, как днем.

Он одинок и несчастен.

Замок сотрясался под ударами чудовищных волн.

На башне безумствовал ветер. Вцепившись в каменный зубец, Юта попыталась кричать - но ветер, глумясь над этой глупой затеей, заткнул ей рот. Она притихла, вжавшись в камень, слушая рев моря и удары молний. Что может сделать одна принцесса против разбушевавшейся стихии?

Он не найдет дороги домой. Он ослабеет. Молния убьет его.

Загрохотал гром, будто спеша подтвердить эти ее мысли. Тогда Юта высунулась из-за зубца и показала небу язык.

Она помнила, где хранятся факелы. За раз удавалось принести всего десять-двенадцать; Юта

боялась, что не успеет.

Факелы, горой сваленные на верхушке башни, немедленно промокли. Она не знала, займется ее костер или нет.

Упав в темноте, она ободрала колени, переломала все ногти на правой руке и больно ссадила щеку.

Огниво нашлось на камине; руки не слушались, искра не высекалась, факел не желал гореть.

Неконец, покачиваясь, она донесла огонь до башни. Ветер, расхохотавшись, тут же задул его.

Она повторила весь путь сначала, и, всем телом прикрывая огонь от ветра, сунула факел в грудь таких же факелов, но залитых водой.

Огонь задымил и, как показалось ей, погас. Она готова была уже заплакать, когда из-под горы сваленных на башне факелов выполз неуверенный дымок.

Юта отступила. Костер вдруг вспыхнул, немного опалив ей волосы. Факелы у Армана были на редкость хороши, и Юте пришлось уступить площадку, окруженную каменными зубцами, бушующему огню.

Ветер бессильно ярился, только раздувая пламя на верхушке башни. Хлестал дождь, пылала гряда осмоленных палок, Юта стояла внизу, на темной лестнице, и сжимала ладони.

Увидит? Или уже мертв? Увидит?

Арман увидел, но не сразу сообразил, что это не мираж и не видение.

Огонек казался далеким, слабым и маленьким. Но это был единственный маяк в этой мешанине из неба, воды и смерти.

И он полетел на огонек, бросаясь в сторону всякий раз, когда слышал над головой негромкий треск, предвещающий очередной разящий удар.

Море разевало сотни жадных пасть, окруженных пенными губами. Море хотело пожрать

дракона.

Но огонек близился, и рос, и оборачивался костром, и вставала из темноты громада замка, и, последним усилием увернувшись от молнии, он бросил измученное драконье тело во Врата.

\* \* \*

Утром небо очистилось. Площадка на вершине западной башни хранила следы пожарища - черные угли, черная копоть на камне, белесый пепел.

Арман прошелся по пеплу, и ноги его проваливались по щиколотку, оставляя за собой глубокие бесформенные следы - Арман хромал.

Руки его, особенно правая, болели и ныли от плечей до самых кончиков пальцев. Губы растрескались, глаза воспалились и едва выглядывали из припухших век. Горло потеряло способность издавать членораздельные звуки, и говорить поэтому приходилось шепотом.

- Я видел отца, - шепотом же сказал он Юте.

Та, сдержанная внешне, но изнутри переполненная сознанием собственного героизма, удивилась:

- Отца?

- Мне показалось... Отец погиб от удара молнии и рухнул в море. Я тогда еще чешуей не покрылся.

Помолчали. Арман осторожно двигал правым плечом, слушая, как стонут суставы.

- Отец иногда приходит ко мне во сне... Ты знаешь, у меня был очень суровый дед. Он воспитывал меня, когда я осиротел. Но он презирал меня. Он и отца презирал за то, что у него не было больше сыновей, моих братьев, способных убить меня в поединке...

Арман сипел, ему было трудно говорить.

- А мать? - спросила Юта, и тоже шепотом.
- Не помню... Отец рано... потерял мою мать.

Море, желтое после шторма, захлавленное обрывками водорослей и рваными медузами, неуклюже возилось у подножья башни. Юте вдруг представилась молчаливая, печальная женщина - дракониха в облике человека, и как она стояла на башне и ждала - мужа? сыновей?

- А... какие они, женщины-драконы?

Арман молчал долго, и Юта поняла, что он так и не ответит.

- А вам бы хотелось... иметь братьев? - спросила Юта тогда.

Арман смотрел на море.

- У меня две сестры, - сказала Юта, будто раздумывая о чем-то. - у Вертраны, конечно, скверный нрав, но она по-своему любит меня. И я ее. А Май добрая и веселая, мне было бы одиноко, не будь у меня сестер... Мне и так одиноко.

Она вдруг улыбнулась своим мыслям:

- А знаете, когда мне было лет десять, я умела подстрелить из рогатки муху...
- Да? - удивился Арман. - А что такое рогатка?

Сладостно щурясь, Юта смотрела вдаль:

- Рогатка... Пажи, и поварята, и все детишки дворца ходили за мной табуном, и не видели, какая я дурнушка, им было плевать...

- Ну, - протянул Арман в нерешительности, - не такая уж...

Принцесса усмехнулась:

- Вам-то зачем деликатничать? Из-за моего уродства много слез пролилось. И моих, и чужих... Знаете, как бывает, когда ребяташки, повзрослев, вдруг увидят во вчерашней предводительнице - посмешище?

- Не знаю, - сказал Арман со вздохом.

- И не надо, - согласилась Юта. И тут же, без перехода, спросила: - А что такое промысел?  
Арман смотрел, как рождаются над горизонтом облака, светлые, с округлыми мягкими боками и плоской подошвой внизу.

- Что такое промысел? - голос Юты дрогнул.

- Это, - медленно ответил Арман, - то самое, чем так прославились мои предки и в чем я совершенно не преуспел. Это древний обряд, связанный... ты уверена, что действительно хочешь об этом узнать?

- Я уверена, - чуть слышно пробормотала Юта.

Арман разминал кисть правой руки пальцами левой.

- ...связанный с похищением и последующим пожиранием принцесс.

Юта не побледнела, не закричала и не закрыла глаза.

- Что ж, - сказала она после паузы, - чего-то в этом роде я ожидала.

- Действительно? - удивился Арман.

Красавцы-калидоны плавно кружили над гнездом, то и дело вяло покрикивая.

- Значит, - спросила Юта тихо, - и доблестный Сам-Ар, и сыновья его, и Лир-Ир, и Нур-Ар, и Дир-Ар, и сын его Акк-Ар...

- Как ты запомнила? - удивился Арман.

- ...все они были людоедами? - прошептала Юта, не обращая на него внимания.

Арман размял кисть правой руки и принялся за локоть.

- Людоедами... Какое... неудачное слово.

Юта не слышала его. На лице ее застыла маска не страха даже, а отвращения.

- Я разбирала их письма... Я читала летопись их жизни... Они... Я думала, они были могучие, славные... А они ели людей, к тому же женщин!

- Не женщин, а невинных девушек, - пробормотал Арман. - Принцесс.

Юта обернулась к нему, и глаза ее исполнены были горечи и гнева:

- И тот, кто написал на камне эти строки... “Я поднимаюсь к небесам, и моя тень лежит в скалах, маленькая, как зрачок мышонка”... Это написал людоед?

- Нет, - быстро сказал Арман. - Это я написал.

Она уставилась на него, забыв закрыть рот.

- А я не людоед, Юта, - он сжал свой локоть до хруста, - я же сказал тебе, что не преуспел в промысле... Потому я выродок, потому я ничтожество, потому я себя презираю.

- Презираешь?! - от потрясения Юта перешла на “ты”.

- Послушай, у всякого рода свои законы... Твои сородичи презирают тебя, потому что ты некрасивая. Это считается изъяном. А мой изъян - в другом... Я... Ну, когда я был юношей, то я... Мой дед мог перешибить мне хребет одним ударом своего хвоста... Он... Я боялся его сильнее смерти, но это... Послушай, что ты так в меня вперилась? Сам не знаю... зачем тебе это... конечно, неинтересно.

Желая сгладить мучительную неловкость от своих нелепых слов, Арман вдруг протянул руку и с силой зашвырнул в море обгоревший факел.

Этот совершенно неожиданный и, конечно же, не представляющий угрозы жест исторг из ее груди крик, который по силе мог сравниться с предсмертным.

Удобно устроившись перед надтреснутым зеркалом, они молча смотрели на неторопливо сменяющие друг друга картины дворцовой жизни.

Сновали озабоченные горничные, прачки развешивали для просушки огромный флаг с кошачьими мордами; на кухне дрались повара, король беседовал с генералами, пажи играли в камушки на заднем крыльце. Норовистое зеркало то и дело ухитрялось втиснуть между вполне связными сценами какую-то чепуху; особую слабость оно питало почему-то к домашним животным и подолгу любовалось самыми разными подробностями из их жизни.

Крестьянка доила корову; дрались собаки, ковыляла по обочине утка, влача за собой целую вереницу утят. Потом мелькание, пестрая сумятица - и вот уже королева Верхней Конты прогуливается по парку в сопровождении фрейлины.

- Мама постарела, - тихо сказала Юта. Арман уловил в ее словах упрек и нахмурился.

Поверхность зеркала снова подернулась рябью, потом пошла цветными пятнами и, наконец, прояснилась. Юта воскликнула, оживившись:

- А это моя сестра Май!

Девчушка сидела в парке, на кромке фонтана с золотыми рыбками - как раз там, где Юта так любила беседовать сама с собой.

Арман тоже узнал принцессу Май - до чего хороша она была тогда, накануне карнавала, как шла ей шляпка с лодочкой! - и тяжело вздохнул.

- Она совсем на меня не похожа, - сказала Юта, - и хорошо. Правда?

Май пребывала в задумчивости. Рассеяно болтая рукой в воде и распугивая рыбок, она, казалось, не видела при этом ни фонтана, ни приближающуюся сестру Вертрану.

- Завтра устраивается купанье, - сказала Верта, подсаживаясь рядом на кромку. - Поедешь?

Май вытащила руку из воды. По ее пальцам скатывались прозрачные капли.

- Долго ты будешь всем показывать свое горе? - спросила Вертрана, понизив голос. - Неужели ты думаешь, что мне не жа...

Изображение заколебалось, помутнело и растаяло, а на смену ему после минутного мельтешенья пришло другое изображение - коровье стадо, забредя по колена в мелкую речушку, неспешно шевелило челюстями да хлопало хвостами по ребристым бокам.

- Та вторая - тоже твоя сестра? - спросил Арман.

Юта медленно кивнула.

Коровы не исчезали из зеркала минуты три; Юта смотрела мимо и думала о своем.

Потом зеркало снова помутнело, и сквозь этот туман проступили понемногу очертания птичьей клетки. В клетке вертелся крупный попугай, зеленый с красным; попугай беспрестанно болтал на только ему понятном языке, опасно отодвигаясь от унизанной кольцами руки, которая норовила просунуть между прутьями решетки тонкий, холеный палец.

- ...мна не по годам, - донесся из зеркала мужской голос, хоть рука, несомненно, принадлежала молодой женщине.

Мелодично засмеялся другой, слишком знакомый Юте голос. Юта заерзала:

- Велите зеркалу показать что-нибудь другое.

- Ты уже говорила мне “ты”, - усмехнулся Арман.

Юта залилась краской:

- Прикажи зеркалу...

Арман пожал плечами:

- Ты же знаешь, иногда ему совершенно невозможно приказывать.

Попугай в зеркале неистово раскачивался на жердочке.

- Тити - хороший, - нежно сказал голос принцессы Оливии. - Ну скажи: Тити... Тити - хороший...

Попугай разразился птичьей бранью. Холеный палец отдернулся.

- Если ты хочешь знать мое мнение, папа... Успокойся, Тити... Если ты хочешь знать мое мнение, то вся эта история с драконом, ну как тебе сказать... Немного фальшивая. Я не удивилась бы, узнав, что похищение Юты придумано для того, чтобы выдать бедняжку замуж. Ты ведь знаешь, как ее родители переживали из-за того, что Юта обречена на вечное девичество?

Клетка качнулась. Попугай, наклонив увенчанную хохолком голову, выкрикнул резким металлическим голосом:

- Церремонимейстер!

Унизанная перстнями рука тут же попыталась погладить попугая через прутья клетки. Птичка в панике забила крыльями.

- Может быть, я немножко цинична, - вздохнул звонкий голосок Оливии, - дракон, конечно, ужасен... Но, папа, чего не сделаешь ради счастливого замужества? Юта уродлива, к сожалению, и помочь ей мог только ореол жертвы. Предполагалось, что кто-нибудь попробует ее “освободить”, если это слово тут уместно. Увы... Теперь, я думаю, Юта придет домой сама, в лохмотьях, и заявит, что ей удалось бежать... Бедняжка.

- Осторожно, - обеспокоенно проговорил мужчина, - Тити клюнет тебя в палец.

Оливия звонко хохотнула. Потом продолжала серьезно:

- Нет, правда, как тебе эта версия - сватовства с помощью дракона?

- Трудно сказать, - неуверенно протянул мужской голос. - Дракон-то не игрушечный?

- Не знаю, не знаю... Может быть, наемный?

Оглушительно заверещал Тити.

- Мне всегда было жаль Юту, - сказала Оливия. - Но до тех пор, пока она не открывала рот. Если уж ты уродлива, стоит хоть вежливости научиться! Девушку украша...

Зеркало замигало, вспыхнуло и тут же, без перехода, показало поросенка с хвостом-пружинкой, взбирающегося на кучу отбросов.

Арман молчал. Юта улыбалась, но от этой улыбки у нее болели губы:

- Каково?

- Кто это? - тихо спросил Арман.

- Соседская принцесса... Вот бы кого тебе похитить - от рыцарей бы отбоя не было.

Поросенок деловито копался рыльцем в мусорной куче.

- А идея у нее неплохая, - сказала Юта как могла весело. - Ты бы хотел работать свахой?

Арман посмотрел на нее невидящим взглядом. Юта забавлялась изо всех сил:

- Если по две принцессы в месяц, но можно и три... Ладно, если две, то это двадцать четыре свадьбы в год! А если похищать сразу нескольких...

Она осеклась, не сводя глаз с зеркала. В зеркале был принц Остин.

Он медленно ехал на лошади темной масти, и лошадь горестно опускала голову, потому что принц то и дело отпускал поводья.

Дорога - незнакомая Юте, посреди леса проложенная тропа - была пустынна. Принц ехал один, угрюмый и мрачный, с непривычными вертикальными складками над переносицей. Вот Остин глубоко вздохнул и поднял голову, Юте показалось, что глаза их встретились, и она едва удержалась, чтобы не окликнуть его. В ту же секунду зеркало помутилось на миг, чтобы тут же показать петуха, подминающего под себя курицу.

- Друг? - быстро спросил Арман.

Юта промолчала.

- Кто он тебе? А, Юта?

- Да никто, - буркнула она нехотя. - Это принц страны Контестарии по имени Остин.

- Принц, - Арман встал. - Как он к тебе относится?

Юта подняла на него измученные глаза:

- Какая разница, Арман?

Он расхаживал по комнате:

- Принц... Он не трус, надеюсь?

Тогда Юта тоже встала:

- Прекрати. Остин не будет освободителем. Я не позволю тебе дышать на него огнем! Раньше, чем ты успеешь сделать Остину какую-то гадость, я кинусь с башни, понятно?!

Она почти не повышала голос, но Арман, пораженный столь неожиданным и бесстрашным напором, смутился:

- Ерунда какая... Да не собираюсь я обижать этого твоего парня, ну что ты!
- Он такой же мой, как и твой, - гордо провозгласила Юта.

Старинный музыкальный инструмент звучал величественно и сурово. Юта искала все новые и новые аккорды, Арман же не решался прикоснуться к хрустальным ободкам из суеверного страха, что у него ничего не получится.

- Может быть, ты умеешь петь? - насмешливо поинтересовалась принцесса.
- Арман по своему обыкновению выдернул из затылка волосок:
- Только над морем. Под завывания ветра.

\* \* \*

Почувствовав себя немного увереннее, Юта первым делом стянула у Армана связку ключей.

Если бы ее спросили, зачем - она, пожалуй, не смогла бы ответить. Ключи хранились в заросшем паутиной углу Армановой комнаты, справа от входа. Что ими можно отпереть и с какой целью - было совершенно непонятно, но как раз это обстоятельство, быть может, и подстегнуло негодницу-Юту. Арман ключами не пользовался, и пропажу заметил поначалу только паук, которому не на что стало крепить свою сеть.

У Юты по-прежнему было много свободного времени - Арман повадился летать в сторону людских поселений, где старался всячески напомнить о себе - поджигал деревья, ревел, кружил над обезумевшими от ужаса поселками. Таким образом он надеялся растормошить местных храбрецов, хотя пока что получалось наоборот - витязи, напуганные, боялись даже подумать о схватке с огнедышащим ящером.

Юта не знала о похождениях Армана - возвращаясь каждый раз обессиленным и злым, он

не открывал ей подлинную цель своих полетов. Предоставленная сама себе, принцесса занялась исследованием запертых комнат.

Висячие замки изрядно заржавели, и ключи, как не чистила их Юта камушками и песком, не становились от этого новее. Ключей было много, и почти все размером с набольшую кочергу. Насаженные на стальное кольцо и похожие от этого на неопрятную железную бороду, они были ужасно тяжелыми и неудобными в обращении, а ведь надо было еще догадаться, какой замок каким ключом отпирается!

По вечерам она прятала от Армана руки. Горгулья, это вряд ли были руки принцессы - все в царапинах и несмывающихся пятнах, с обломанными ногтями и ободранными костяшками пальцев!

И вот в один прекрасный день - а с утра он вовсе не казался таким уж прекрасным, было пасмурно и Юта чуть не повздорила с Арманом из-за какой-то мелочи - в один прекрасный день увесистый замок, сотни лет украшавший собой неприметную дверцу в одном из боковых переходов, щелкнул.

Юта не поверила бы ушам, если бы сразу вслед за первым щелчком не послышался второй и ключ в ее натруженной руке не повернулся бы на два оборота.

Десять тысяч горгулий! Дужка замка помедлила и отвалилась, как отваливается пуговица от добротного на вид, но ветхого камзола. Массивное тело замка грохнуло на каменный пол, и попади оно на ногу Юте - принцесса охромела бы до конца дней своих.

Грохот падения долго гулял по коридорам, прыгая от стены к стене; у Юты не было времени его слушать. Сколько раз за все дни, проведенные в жилище Армана, ей приходилось открывать двери, и каждый раз она испытывала при этом ни с чем не сравнимое чувство победы. Сейчас это чувство было даже острее, нежели тогда, когда ей удалось выбраться из башни.

Замок упал, но дверь не спешила открываться. Юта подумала, не произнести ли заклинание, но до этого не дошло - поддавшись толчку, дверь качнулась вовнутрь, и Юту окатила волна тяжелого,

застоявшегося воздуха.

Принцесса струхнула - раньше ей как-то не приходила в голову мысль, что находки ее в столь странных и запрещенных местах могут оказаться не столько забавными, сколько ужасными. Некоторое время она раздумывала, не отступить ли с честью, пока не поздно; однако чем дольше она стояла, тем свирепее требовало дани ее врожденное любопытство. В конце концов, с трудом подняв перед собой тяжелую связку ключей - свое единственное оружие - Юта протиснулась в щель приоткрытой двери.

Впервые за сотни лет ворвавшийся сюда сквозняк развеивал под потолком полотно древней паутины, в которой колыхались ссохшиеся тела древних пауков, когда-то умерших от голода.

Ветерок ворошил древний хлам, горами сваленный вдоль стен. Прижимая к груди связку ключей, Юта шагнула вперед и осторожно наклонилась над ближайшей грудой.

Из самой ее верхушки выглядывал наполовину истлевший деревянный сосуд. Длинное его горлышко носило следы огня, а из трещины на боку вытекала застывшая струйка черной жидкости.

Юте стало не по себе. Превозмогая робость, она на цыпочках пересекла комнату из угла в угол.

Покрытый застарелыми потеками, у стены лежал небольшой, с виду хорошо сохранившийся ящичек. Поверхность его покрыта была резьбой - треугольники, косые квадраты, круги.

Защелка, некогда запиравшая ящичек, валялась тут же, рядом - причудливой формы крючок, совсем не ржавый - наверное, золотой. Юта изловчилась и поддала ящичек ногой, надеясь откинуть крышку.

Удар был, пожалуй, даже слишком силен - крышка отлетела, но за ней последовали все четыре стенки ящичка, так что он совершенно развалился, подняв столб сухой и зловонной пыли.

Юта спрятала лицо в хламиду. Пыль осела, и среди деревянных останков ящичка обнаружили разлетевшиеся в беспорядке фигурки.

Конечно, это была настольная игра; фигурки были четырех видов и, наверное, разных цветов,

но утверждать это наверняка было теперь невозможно. Выточенные из кости, с черными тусклыми глазами, они никак не напоминали ни драконов, ни людей - у некоторых из них было крыло, но только одно; другие сжимали в огромный кулак единственную руку, а третьи зато были устроены так сложно, что Юта, как ни пыталась, так и не смогла сосчитать их головы и хвосты.

Затаив дыхание, Юта наклонилась и двумя пальцами поддела ближайшую костяную фигурку. Та оказалась неожиданно тяжелой, и, отзываясь на прикосновение, глухо звякнула, будто в тулове ее перекатился бубенчик.

Принцесса испуганно уронила находку - та упала без малейшего звука. Воистину, у драконов все не как у людей...

Заинтригованная, она поборолла желание сбежать и продолжила осмотр. Крадясь вдоль стен и разглядывая груды хлама, она, сама не зная почему, вдруг совершенно уверилась, что попала в детскую. В бывшую детскую.

Коврики и скляночки... А это, кажется, остатки подвесной кровати... Интересно, а были у Армана игрушки? Какой-нибудь тряпичный дракончик, с которым он засыпал в обнимку, или мячик, или кубики... Впрочем, зачем дракону кубики?

Юта вспомнила ту, в розовых занавесочках комнату, которая переходила от Юты к Вертране и потом к Май. Как бы она, эта заваленная куклами комната, выглядела после нескольких столетий под замком?

В углу под окном была клякса - будто кто-то расплескал горячий сургуч, а он так и застыл. Юта вздрогнула и прищурилась. Нет, не показалось - на краю кляксы ясно различим был присыпанный пылью отпечаток. Отпечаток детской руки.

Глухо зашумели крылья в драконьем тоннеле - это Арман возвращался в замок.

А вечером он обнаружил пропажу ключей.

Юта сидела на корточках перед камином. Он видел только половину ее щеки и кончик носа - остальное были растрепанные волосы да складки грубой ткани. Тень от каминной решетки оплела комнату причудливой сетью, подрагивающей в такт колебанию огня.

Юта повернула голову, и Арман встретился взглядом с плутовскими принцессиными глазами.

Она тут же придала лицу нарочито невинное выражение, и Арману пришлось признать, что притворяется принцесса ловко. Он ничего не сказал, но, прежде чем усестся на привычное место, развернул Ютино кресло и пододвинул поближе к своему.

Принцесса не знала, как расценить произведенную Арманом перестановку, и на всякий случай сделала вид, что ничего не заметила. Не оглядываясь уже на Армана, она продолжала задумчиво подкладывать дрова, так что скоро камин был завален доверху и огонь начал задыхаться под невыносимым грузом.

Арман молчал. Принцесса занервничала и принялась дуть в камин, чтобы исправить свою неловкость. Поднялась пыль. Юта прервалась, чтобы чихнуть и протереть засоренные пеплом глаза.

- А ты смелая девчонка, оказывается, - заметил Арман.

Юта опасливо уставилась на него одним глазом - второй приходилось ожесточенно тереть кулаком:

- Почему смелая?

Арман разглядывал теперь ее руки с обломанными ногтями. Ей, наверное, нелегко было управиться со всей связкой. Но какова бесстыдница! Смотрит на него покрасневшими от пепла, но совершенно смиренными глазами, а ведь весь день провела, нарушая его запреты!

Арман не выдержал и хмыкнул. Юта удивилась:

- Ты чего смеешься?

Некоторое время они смотрели друг на друга, и Юта почему-то смутилась.

- Садись-ка, - Арман указал Юте на кресло.

Юта вытерла руки охламиду, поднялась, бочком обошла Армана и попыталась передвинуть тяжелое кресло туда, где оно стояло до вмешательства Армана. Увы, это было ей явно не под силу.

Некоторое время тишина нарушалась только пыхтением принцессы да потрескиванием огня, с трудом пробивавшегося сквозь воздвигнутую ею пирамиду из дров. Потом Юта сдалась.

- Устала? - спросил Арман, когда она, опять-таки бочком, влезла в кресло и отодвинулась в дальний его угол.

Она не ответила.

Волосы ее, подросшие за время заточения и небрежно сплетенные на спине в некое подобие косы, спереди растрепались и прикрывали лицо, так что вся принцессина прическа напоминала сейчас диковинный рыцарский шлем с забралом и щитками по бокам. Из прорези шлема глядели два смущенных, но и насмешливых глаза.

- Тебе не скучно? - спросил Арман.

Юта, никак не ожидавшая такого вопроса, заерзала:

- Скучно?

- Ты, верно, не привыкла к одиночеству, живя во дворце?

Юта пытливо на него уставилась - знает или нет? Арман умело изобразил чистосердечное неведение, и Юта успокоилась. Усмехнулась, посмотрела искоса. Шлем качнулся.

- Это спрашиваешь ты? Ты, пребывающий в одиночестве целую жизнь?

- Я - другое дело...

Он хотел продолжить, но она, конечно, бесцеремонно перебила:

- Почему?

Тут и Арману настало время смутиться.

- Почему ты - другое дело? - продолжала принцесса. - Где сказано, что драконы должны жить в одиночестве?.. Послушай, отодвинь кресло. Я не могу разговаривать вот так - нос к носу.

- Почему? - спросил Арман мстительно.

- Потому что я принцесса... Потому что ты чужой мужчина... То есть не мужчина даже, а...

Юта покраснела, как варенный рак, и выскочила из кресла. Прическа ее совсем рассыпалась.

- Интересно, - протянул Арман. - А кто же?

Юта не нашлась, что сказать, рассерженно махнула рукой и убежала.

Ночью ей приснился Остин, окровавленный, нанизанный на ужасный изогнутый коготь. Во сне она бежала, обливаясь слезами, и слезы ее обильно орошали соломенный тюфячок. Она проснулась, дрожа, и долго лежала в темноте, не смея заснуть. А когда снова задремала, то увидела Армана, прикорнувшего перед камином. Она видела, как спокойны опущенные веки, как расслаблена рука на подлокотнике, как доверчиво откинулась голова, обнажая шею... А рядом, на столе, Арманов нож, тот самый, которым он резал обычно вяленое мясо... Юта увидела нож в своей руке и представила дракона, парящего над морем. Убить дракона невозможно...

Арман спал. Сухие губы полуоткрылись, дыхание оставалось глубоким и ровным. Юта сжимала нож...

Затекшую руку ее свело судорогой, и она проснулась. Не было ножа, не было Армана. Сквозь решетку окна пробивался рассвет.

Он сказал ей, что устал и проведет день в своей комнате.

Опасения, что Юта не решится продолжить запрещенные отпираания замков, не подтвердилось. Выждав для приличия целых полчаса, принцесса извлекла из тайника свое богатство - ключи - и двинулась в авантюрное путешествие.

Сегодня ей везло - первая же запертая дверь покорилась почти без сопротивления. Юта переступила порог - и поняла, что наткнулась на нечто в самом деле любопытное.

Выражая свой восторг радостными возгласами, Юта не могла предположить, что у нее появился зритель. Зрителем был Арман, удобно устроившийся перед магическим зеркалом.

Он видел, как Юта опасно вошла в зал, который оказался первым в длинном ряду комнат, расположенных анфиладой. Дверей между комнатами не было, и, оказавшись на середине первой из них, обрадованная Юта смогла увидеть последнюю - далеко и неясно.

Связка ключей, прикрепленная к веревочному поясу, волочилась за Ютой, как слишком легкий якорь за слишком тяжелым кораблем. Арману то и дело хотелось окликнуть принцессу и приспособить ключи поудобнее.

Первая комната была пуста. Вторая оказалась маленькой и тесной, зато третья раздалась вдруг огромным залом.

- Горгулья, - сказала Юта вслух. Арман услышал и усмехнулся.

В дальнем конце зала маячил, едва различимый в полутьме, не то помост, не то гигантское кресло ; Юта подошла ближе - каменные ножки кресла, похожие на средней толщины колонны, изукрашены были резьбой.

Юта глянула вниз - и еле сдержала крик. Прямо ей в глаза смотрела разверзнутая белая пасть - к счастью, тоже каменная. Голова фантастического зверя оказалась основанием ножки-колонны.

- Это что же такое? - спросила Юта хрипло. - Прямо в чешуе, прямо с крыльями... Они усаживались... Вот так?

Арман мрачно улыбнулся. Неумолимый старый дракон, черный с медным отливом, любил, угнездившись в кресле, подолгу слушать стоящего перед ним мальчика - щуплого, кажущегося карликом рядом с чудовищем, покрытым лязгающей чешуей... Старик очень ценил тщательно и в срок выученные уроки.

Он был во всем прав, подумалось Арману. Он видел дальше. На его глазах могучий, процветающий род иссяк, а он ничем не мог помочь ему. Возможно, если бы отец вовремя его

послушался...

Его мысли были прерваны возгласом Юты.

Принцесса протиснулась в скрытую за креслом маленькую дверь и теперь стояла посреди небольшой светлой комнатки, и комнатка эта завалена была блестящим, искрящимся хламом.

Юта по щиколотку утопала в жемчужной россыпи. Между жемчугами посверкивали бриллианты, кое-где пересыпанные золотыми монетами. Вдоль стен высились сундуки, возведенные один на другой, причем нижние кое-где треснули от тяжести, и из трещин этих смотрели на Юту драгоценные камни.

Ага, подумал Арман.

Ему почему-то стало грустно. Драконья сокровищница - предел мечтаний даже для принцессы. Он знал, что сейчас произойдет - человек, набредший на груды золота, тут же впадает в безумие и в восторге принимается кататься по драгоценным россыпям.

Принцесса наклонилась и зачерпнула жемчуг горстью. Ну, подумал Арман, теперь разглядывание, глупая улыбка, пересыпание в ладонях и счастливый смех...

Юта глупо улыбнулась... и высыпала жемчуг прочь. Не высыпала даже, а уронила. Огляделась. Вытерла нос рукавом хламиды.

Арман подался вперед.

Но принцесса - удивительное дело! - не спешила радоваться вожаделенной грудке золота. Фыркнув - и Арманову уху почудилось в этом фырканье презренье - Юта принялась исследовать сокровищницу так же деловито, как до этого клинописный зал и Органную комнату.

Бесформенные золотые самородки, как не представляющие художественной ценности, небрежно отбрасывались в дальний угол; в монетах интересными оказались гербы и профили властителей. Встречались среди них и такие, которых не видывал даже дворцовый звездочет, а уж он-то был знатоком древней истории и в свое время давал принцессам уроки... В Ютиных глазах полыхало

то же неутоленное любопытство, какое Арман увидел впервые внизу, в подземелье, когда принцесса впервые пыталась разобрать древние тексты. Вот она добралась до особняком стоящего сундука, взялась за крышку...

Крышка была тяжела, но и Юта была упряма. Пыхтя, она распахнула-таки сундук - и отпрянула.

Внутри сундука все сияло - даже она, принцесса, выросшая при дворе, в жизни не видывала таких сокровищ. Не просто граненые камни, не просто золотые слитки - сундук был полон готовых украшений, из которых каждое стоило того, чтобы на него обменяли половину королевства Верхняя Конта.

Юта сунула обе руки в сундук и, как два пучка соломы, ухватила два вороха ожерелий. Приложила к своей хламиде - не понравилось, бросила. Вытянула из общей кучи венец - ее голова проскочила сквозь него так легко и незаметно, что Юта очень удивилась, обнаружив вместо венца - ошейник. С трудом стянула, поцарапав ухо. Раздраженно отшвырнула. Наклонилась вперед, перевалилась через стенку сундука так, что только ноги замелькали в воздухе. Выпрямилась, потрясая целым клубком чего-то блистающего, невероятно драгоценного, звящего и путающегося в руках...

И вздрогнула. В клубке сокровищ рука ее наткнулась на что-то теплое. От неожиданности она выронила драгоценности, и все сразу со звоном грянуло на грудь золота,

Юта наклонилась. Чуть поодаль от прочей мишуры лежали четки - нанизанные на тонкую золотую нить цветные шарики, причем каждый будто светился изнутри.

Принцесса протянула руку - да, они были теплые, как живая, согретая кровью плоть. И они точно светились - Юта увидела отблески на своей ладони.

Волшебство. Горгулья, это волшебство!

Осторожно, будто котенка, она взяла четки на руки. Они были необыкновенно приятными на

ощупь, и пальцы ее сами собой принялись перебирать светящиеся шарики.

Розовый... Лиловый... Голубой... Зеленовато-голубой... Нежно-зеленый...

Зазвучала музыка.

Это не был дворцовый оркестр - разве могут медные трубы играть так трогательно, так ласково? Теплый туман, мягкий, как самая нежная пена... Ярко-оранжевое над зеленым... Ослепительно-белое над голубым... У нее крылья, она летает. Она видит землю сверху, но вот это уже не земля, а морское дно... Вокруг нее снуют золотые рыбки с красными хвостами, над головой вдруг вспыхивают звезды, и она дотягивается до них рукой...

...Арман мчался коридорами замка.

Слишком поздно. Почему он не увидел сразу? Почему он позволил... Теперь поздно.

Но, уверенный, что опоздает, он все-таки бежал, ударяясь о стены и скатываясь по ступенькам.

...Она берет звезду в руки. Звезда покрыта серебряной шерсткой, и вот открываются два вишневого глаза, улыбаются принцессе Юте... Юта улыбается в ответ, золотые рыбки рукоплещут красными плавниками... Дивный зверек-звезда открывает ротик...

Ротик оборачивается вселенской дырой.

Юта не успела даже закричать, а ее уже тянуло в немыслимую слюнявую пасть, а с нею рыбок и звезды... Она цеплялась за небо, небо рвалось, как мешковина, Юта даже слышала треск... Мир сворачивался рулоном, но судорожно бьющаяся принцесса все время видела боковым зрением девочку, спокойно сидящую на стуле. Девочка пришивала к подвенечному платью черные пуговицы.

- Юта!!

Ее дернуло в сторону. Девочка на стуле удивленно подняла голову, но в этот момент Ютино лицо обожгла пощечина, голова ее мотнулась назад, и все пропало.

- Юта!!

Еще удар. Юта вскрикнула и попыталась оттолкнуть того, кто цепко держал ее в объятиях, но не отпустил, а тряс ее и теребил, и она то и дело ударялась лицом о его грудь.

- Н-нет... - выдохнула она.

Тот, кто держал ее, замер. Юта сумела отстраниться и посмотреть на него - Арман. Он показался ей разъяренным - бледный и даже, кажется, вздрагивает от гнева.

Она не придумала ничего лучшего, как разрыдаться. Арман подержал-подержал ее, да и отпустил.

- Запри меня, - она всхлипывала.

- Запру, - обещал он устало.

- На три замка...

- На четыре.

- Можешь побить меня, если хочешь...

- Побью...

- Нет, правда, я заслужила!

- Заслужила. Ну хватит, не плачь.

- Мне плохо... Голова...

- Пройдет.

Он осторожно уложил ее на соломенный тюфячок. Она еще раз всхлинула и спросила шепотом:

- Что это было, Арман? Кто и зачем сделал эту вещь?

Арман пожал плечами:

- Никто не знает... Одно время такие штучки было принято дарить врагам на большие

праздники. Та, что в сокровищнице, погубила невесть сколько жизней... Может быть, это растение или животное. Может быть, это сосуд для кого-то алчного, стремящегося пожирать и пожираться... Я уж было распрощался с тобой, Юта.

Глаза ее от ужаса сделались огромными, как у всеми признанной красавицы.

\* \* \*

Некоторое время после истории с четками Арман не отходил от Юты ни на шаг.

Ему это было странно и непривычно, да и она чувствовала себя не в своей тарелке. И все же Арман твердо решил не упускать ее из виду - мало ли что может случиться, а ведь он за нее отвечает.

Он за нее отвечает. Ну ни бессмысленное ли сочетание слов? Он в жизни ни за кого, кроме себя, не отвечал. Но очень уж страшным был путь по лестницам и коридорам, когда он спешил ей на помощь - и боялся опоздать...

Впрочем, пади принцесса жертвой несчастного случая - разве это не избавило бы Армана от лишних хлопот? Разве вопрос мучительного выбора, который никто не отменял, не исчерпался бы сам собой?

Он занес волшебные четки далеко в море и утопил в глубокой впадине. Возвращаясь, он терзался тревогой - в какую переделку принцесса угодила на этот раз? Но она встречала его, стоя на башне, и темный балахон ее развевался, как пиратский флаг.

Больше он никуда надолго не вылетал.

В кладовой нашлись иголки с нитками. Иголки пришлось долго драить песком, но Арман был рад - все какое-то занятие для Юты.

Потом она села шить. Он сидел напротив и ревниво наблюдал за этим непростым процессом. Принцесса то и дело роняла иголку, прыскала со смеху и под конец ухитрилась пришить край полотна

к подолу хламиды.

- Чему тебя учили во дворце? Чем ты собираешься порадовать будущего мужа?

Она раскромсала полотно ножом - только в центре оставила целый лоскуток, остальное - лохматая бахрома. Скрутила бахрому в живописные жгуты, приспособила в центре веревочный бантик и, ловко орудуя камнем вместо молотка и железной шпилькой вместо гвоздя, укрепила произведение над камином. Шпилька прочно вошла в щель между камнями; со стороны все вместе смотрелось, как экзотический цветок.

Арман удивился. Юта вздохнула насмешливо:

- Вряд ли какой-нибудь муж захочет этому обрадоваться. Как ты думаешь?

- По-моему, великолепно, - признался Арман.

Через несколько дней она спросила, вертя иглой:

- Помнишь, ты признался, что написал те строки, про тень?

- Да? - Арман, кажется, думал о своем.

- "Моя тень лежит в скалах, маленькая, как зрачок мышонка..."

- Ах, это...

- Разве ты видел, какой у мышонка зрачок?

- Нет. Попробуй поймай мышонка, да еще посмотри ему в глаза!

Она продолжала вертеть иглой, не глядя на шитье. Взгляд ее подернулся некой пеленой - она казалась растроганной и озадаченной одновременно.

- Арман... Ты не мог бы мне объяснить, вот... Ну, с чего бы это тебе сочинять подобное... ну, стихи, что ли?

Арман поднял брови:

- Стихи?

Юта развела руками:

- У нас во дворце был придворный поэт, он писал стихи на праздники и сочинял по заказу любовные послания... Но то было другое. “Благодеяния, светочу дивному много подобны”...

Оставив полотно, она вдруг подалась вперед:

- Арман, ты огромный, огнедышащий ящер... Ну что тебе до зрачка мышонка?

Он пожал плечами:

- Тебе не нравится?

- Нравится, - отозвалась она тихо. - Очень.

Помолчали.

- По-твоему, стихи, это как? - спросил Арман тоном провокатора.

Юта воспряла, вдохновенно сверкнув глазами:

- Это то, чего нельзя увидеть, можно только почувствовать...

- Хорошо, - сказал он серьезно. - Вот я говорю: “лепешка растворяется в моем животе”. Это стихи.

Юта, которая к этому времени уже парила в эфирных высях, чуть не поперхнулась от возмущения

- Ерунда! При чем здесь лепешка!

- Но ведь я никогда не видел, как она растворяется. Но уж зато чувствую это великолепно!

Некоторое время Юта пыталась прислушаться к тому, что происходило в ее животе. В задумчивости укололась иглой, сунула пострадавший палец в рот и попросила смиренно:

- Не притворяйся, пожалуйста. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Если бы ты сказал: “вот рассвет ласково прикоснулся к морю”, или “вот калидон нежно поцеловал подругу”...

Юта прервалась. Новая мысль, неожиданная и дерзкая, заставила ее замереть с открытым ртом.

- Арман... - спросила она шепотом. - А ты кого-нибудь когда-нибудь... целовал?

Она смотрела на него в упор и глаза ее оказались карими, с черными ободками по краям. Как обручи, подумал Арман.

В детстве он любил забиваться в темный уголок и там тихонько мечтать о чем-то неясном, расплывчатом, но бесконечно добром и ласковом. Наверное, так он представлял себе мать, которую не помнил. Доведя себя до счастливых слез, он нежно гладил кого-то, кто был виден только его заплаканным глазам, и ощущал, как этот кто-то ласкает его и целует... Слюнявое детство без женской ласки! Правда, сентиментальные приступы с возрастом быстро прошли.

- Арман... Я что-то не то сказала?

Ни с того ни с сего он положил ей руку на плечо. Она замерла, не зная, как расценить этот знак внимания.

- Послушай... Там, в подzemелье, я хотел еще кое-что высечь на камне. Тебе интересно?

Она кивнула, стараясь не шевельнуть плечом, накрытым его ладонью.

Арман покусал губу и сказал хрипло:

- “Одинокое небо спрятало в тучи лицо.

Наверное, с горя -

Устало гримасничать в зеркало моря.”

Помолчали.

- “Черный бархат ночей - изголовье мое, - сказал Арман. - Цепь далеких огней - ожерелье мое...

Будет временем пожрано имя мое”.

Принцессино рукоделье давно соскользнуло на пол и теперь тосковало там, забытое.

- И ты не высек это на камне? - спросила Юта шепотом.

Арман поморщился:

- Места, знаешь, мало на тех камнях... Да и как-то все это... Мелко.

- Мелко?

- По сравнению с историей моих предков... На фоне всех этих братоубийственных схваток, и войн, и битвы с Юккой, морским чудовищем... Какое-то небо, которое гримасничает, да цепь огней...

Юта серьезно посмотрела ему в глаза:

- Знаешь... Мне не кажется, что убивать братьев или даже сражаться с Юккой... Что это почетнее, нежели рассказывать про одинокое небо.

Арман усмехнулся:

- “Летящие гроздья седых облаков,

Их темные тени на зелени трав...

Немой хоровод веков, эхо забытых забав.”

- Это хорошо, - немедленно признала Юта. - Это... - и она тут же повторила все три строчки на память - медленно, будто пробуя на вкус.

Арман наблюдал за ней с интересом, накручивая на палец случайно подвернувшуюся ниточку. Как ни прячься и ни мнись - а ему неожиданно приятно оказались и похвалы ее, и горячая заинтересованность.

А Юта повторяла, нахмутив лоб:

- “Летящие гроздья седых облаков”... - и вдруг подняла на Армана азартные глаза:

- Послушай, тебе не кажется... А что, если “летящие клочья седых облаков”, а?

Он не понял сразу, и она пояснила, ерзая от нетерпения:

- Ну, “гроздья” - это что-то тяжелое, массивное, уверенное в себе... Гроздья, ягоды, урожай, достаток... А “клочья”... “Клочья” - это что-то рваное, неустроенное, раненое... Понимаешь? И все меняется сразу, ты послушай...

Она повторяла строки так и эдак, меняла слова, а он молчал и слушал. Ее правота стала понятна ему сразу же - и теперь он просто смотрел, как шевелятся ее губы, и тихо удивлялся. “Рваное,

неустроенное, раненое”...

Она замолчала, заметив какую-то перемену в его лице. Сказала неуверенно:

- Понимаешь, это же очень любопытно... Одно только слово сменить... Правда?

- Правда, - отозвался он медленно.

Помолчали. Юта усиленно думала о чем-то своем, сдвигая брови и потирая пальцем уголок рта.

- “Немой хоровод веков”, - прошептала она наконец, драматически расширив зрачки. - Тебе, значит, два века и тридцать два года?

Он едва сдержал смешок - такого благоговения был полон ее голос.

- Это значит... - продолжала Юта шепотом, - значит, что самый первый твой предок... А когда он жил, Арман? Может быть, он видел самое начало мира?

Арман молчал, и улыбка его становилась все загадочней по мере того, как распалось любопытство Юты.

- Нет, правда, Арман... Такой древний род... Может быть, ты знаешь, откуда взялось море, и небо, и все... Что было раньше, в самом начале?

Он откинулся на спинку кресла и продекламировал, полузакрыв от вдохновения глаза:

- С тех пор, как воздвигнуты своды небес,

Что злее зимы и дотошнее лета?

О, знаю я, это - любопытство принцесс!

Она фыркнула возмущенно. Притихла. Попросила вдруг тихо и трогательно:

- Арман... Ты дракон и потомок драконов... “Я поднимаюсь к небесам”... Ты видишь все это по-другому... Мне так завидно, что ты летаешь, а я... Сделай мне подарок, Арман!

Он почуял недоброе.

- Покатай меня на спине! - выдохнула принцесса.

Он вглядывался в ее лицо, пытаясь понять: нагличает? шутит?

Юта истолковала его молчание по-своему:

- Нет, конечно, на драконьей спине... На драконьей, Арман!

Ей пришлось убегать очень быстро. Он решил ее выпороть, чтобы не молола чепухи.

\* \* \*

Спустя несколько дней Арман решился-таки вылететь - на охоту. Юта пообещала ему вести себя смиренно как ягненок.

Во исполнение своего обещания, едва проводив Армана, послушная принцесса взялась за уборку.

Неловко размахивая метлой, Юта вспомнила дворцовую горничную, которая любила провозглашать по поводу и без повода: “Ну что бы тут делалось без моей руки!”

- Ну что бы тут делалось без моей руки! - укоризненно бормотала Юта, выгребая вековую пыль из углов и из-под стола - такого знакомого стола в комнате с камином.

Орудя своей лохматой метлой, принцесса - вот горгулья! - обнаружила прямо под столом деревянный круг, очень похожий на крышку от бочки. Искушенная Юта сразу догадалась, что это точно крышка - только не бочки, конечно, а потайного люка.

С потайными люками Юта пока не сталкивалась.

Конечно, она не такая дура, чтобы нырять в неизвестный люк, где наверняка темно, грязно и полно паутины. Арман ей запретил, да и разве забылась уже история с магическими четками?

А раз она все равно не будет туда спускаться, то почему не попытаться открыть крышку и просто заглянуть?

Стол отодвинуть так и не удалось - приходилось работать на четвереньках. Вооружившись

кочергой, Юта, хотя и не сразу, но поддела-таки крышку люка, приподняла ее и откинула.

Люк был, конечно же, совершенно темен. Вниз уходила железная лестница с ржавыми перекладинами. Юта подумала, выудила из вечно тлеющего камина головешку, раздула на ее конце хилое пламя и сунула в темную пасть люка.

Колодец оказался не таким уж глубоким - лестница насчитывала каких-нибудь двенадцать ступенек, а потом упиралась в прочный каменный пол. Потайной ход не был особенно грязным и особенно зловещим - так, хозяйственная пристройка.

Юта подумала, не сходить ли за факелом. Отругала себя за легкомыслие и все-таки сходила.

В свете факела потайной ход представлялся прямо-таки нарядным - аллея для прогулок, а не потайной ход. И, в конце концов, если она попросту спустится вниз и пройдет два шага, это не будет нарушением данного Арману слова.

Она спустилась вниз и прошла два шага. Коридор был низким, неровным, но не разветвлялся - значит, заблудиться невозможно. Что ж, до возвращения Армана она успеет немного его осмотреть.

Она пошла вперед, все же несколько терзаясь угрызениями совести и для самоуспокоения бормоча себе под нос: ну что бы тут делалось без моей руки!

Коридор резко свернул - ох! - оборвался, и Юта едва успела притормозить, чтобы не свалиться куда-то вниз.

Потайной ход, исследуемый любопытной принцессой, в этом месте вливался в другой - но не ход даже, а гигантскую трубу, круглый тоннель такой ширины, что на середине его можно было бы поставить трехэтажный дом, и еще осталось бы место. Это был Драконий Тоннель - через него влетали в замок и вылетали из него двести поколений драконов.

Юта осторожно втянула в себя воздух. Пахло гарью, и еще пахло драконом - этот резкий необычный запах она хорошо помнила со дня похищения. Юта принюхалась - на что похоже? И вспомнила - такой запах бывает после фейерверка, когда выдохлись все шутихи и петарды...

А вот интересно, в каком направлении находятся Драконьи Врата?

Она посмотрела вниз и увидела у своих ног железную лесенку - такую же, как та, по которой она спустилась в потайной ход. Здравый смысл тут же заявил, что следует возвращаться, но Юта резонно возразила ему: стоило забираться так далеко, чтобы найти самое интересное и тут же повернуть назад! А так как в тоннеле был собственный, хотя и слабый, свет, то Юта пристроила факел у стены и принялась спускаться, цепляясь за перекладины обеими руками.

Она спускалась медленно и осторожно, но на последней ступеньке нога ее соскользнула и Юта, повиснув сначала на руках, свалилась на дно тоннеля, прямо в тысячелетнюю копоть.

Счастье, что она не задохнулась. Закрывая лицо полами хламиды, она задержала дыхание, как ловец жемчуга, и одним прыжком выскочила из черного облака. Облако последовало за ней - Юте приходилось бежать изо всех сил, спасаясь от него, а из-под ног ее, увязающих в шлаке, поднимались новые и новые тучи пепла.

И вот, когда она запыхалась и отчаялась, откуда-то спереди дунул свежий ветер и отогнал облако назад, глубоко в тоннель. Юта пробежала еще несколько шагов и остановилась. Навстречу ей бил солнечный свет.

Драконьи Врата располагались ниже западной башни, на вершине которой Юта, бывало, коротала время. Но оттуда, с башни, нельзя было увидеть этой части полуострова - так человеку трудно разглядеть, что делается у него на затылке. Принцесса несмело приблизилась к краю проема - и обомлела.

Внизу лежало море - гладкое, как кусок голубого атласа. Полосами чередовались под его поверхностью темные и светлые пятна - там сменяли друг друга подводные леса и поляны. Юта видела спины носившихся над водой чаек; подножье замка срослось со скалой, и скалой казалась отвесная стена, уходящая вниз из-под Ютиных ног. Нагромождения камней, поднимающиеся из воды, казались развалинами сказочного города - принцесса различала купола и башни, мосты, флюгера... Медленный

прибой то обнажал их, то снова увлекал в пучину.

Юте смертельно захотелось стать драконом и броситься в небо из Драконьих Врат. Раскинув руки-крылья, она поднялась на цыпочки и извергла из груди воображаемый столб воображаемого пламени:

- Х-ха!

Счастливая, она уже увидела себя парящей в небе - как вдруг на высокое солнце набежала тень, совсем как тогда, на площади.

Дракон возвращался в замок. Юта увидела его снизу - чешуйчатое брюхо, перепончатые крылья, гибкий изящный хвост. Арман дохнул огнем и устремился в Драконьи Врата.

Юта стояла, парализованная ужасом. Сейчас и она, и дракон окажутся в одном тоннеле. Ящер разгорячен, дышит огнем и дымом; принцесса или изжарится, или задохнется, или попросту будет раздавлена в лепешку.

Арман приближался - Юту ударила волна горячего, пахнущего драконом воздуха.

Выйдя из оцепенения, она вскинула над головой руки, закричала, стараясь перекрыть драконье дыхание и свист крыльев:

- Арма-а-а...

Дракон летел на нее со скоростью пущенного из пушки ядра. Она ясно увидела покрытое ороговевшими чешуйками лицо, то есть морду, и горящие глаза под нависающими надбровными выступами. Юта снова закричала - и глаза эти вдруг расширились, как столовые блюда.

Дракон, не в состоянии остановиться, резко запрокинулся назад, будто поднимаясь на дыбы. Перепончатые крылья забились, изо всех сил пытаясь оттолкнуться от замка потоками воздуха. Юте показалось, что сейчас Арман налетит на стену плашмя, всем телом, и разобьется насмерть. Но в последний момент дракон приостановил-таки свое движение, но не смог совсем избежать столкновения и тяжело ударился о стену чешуйчатым хвостом.

От удара вздрогнула скала.

Неделю Юта пряталась.

Арман почти не ходил - лежал в своей комнате на сундуке, и даже в кресле перед камином не мог сидеть - так болела поясница. Юта приносила ему еду, но незаметно - выбравшись ненадолго из комнаты, он по возвращении находил на сундуке мисочки и кувшинчики, тарелочки и бутылочки, а рядом с ними - неременный знак внимания: то салфетка с неумело надерганной бахромой, то затейливый веревочный бантик, то кособокое сердечко, вырезанное из огарка свечи.

Арман не подавал виду, что замечает эти немые извинения. Он съедал и выпивал все и после совершенно не интересовался, куда пропадает опустевшая посуда.

Спустя несколько дней ему стало легче, и, выйдя однажды из комнаты, он притаился поблизости.

Принцесса не заставила себя долго ждать. На самодельном подносе она тащила миску разогретых лепешек и бутылку охлажденного вина; на плече у нее болталось опять-таки самодельное полотенце с вышивкой.

Убедившись, что Армана в комнате нет, принцесса шмыгнула вовнутрь. Арман выждал минуту и вошел следом.

- Ах! - Юта едва не выронила миску.

Арман стоял в дверях, прислонившись к косяку, и на невозмутимом лице его не было гнева, но не было и прощения.

- Ах! - повторила Юта и, как белый флаг, развернула перед собой полотенце. Крупными торопливыми стежками на нем был вышит огнедышащий дракон.

Коварная принцесса была прощена. В знак своего расположения Арман принес ей огромный

ломоть земли вместе с росшими на нем травой и цветами. Прийдя в совершеннейший восторг, Юта оборудовала на вершине башни “сад”, где любовно поливала цветы и расчесывала траву, а когда среди зеленых стебельков обнаружился росточек настоящего клена, радости принцессы не было границ.

Однажды вечером, когда Юта с Арманом проводили время в “саду”, замок дрогнул. Качнулись башни, откололась откуда-то глыба и рухнула в море, образовав в нем воронку. У подножия замка родилась волна и покатила к горизонту. Второй толчок - вторая волна.

- Землетрясение! - закричала Юта и вцепилась в Армана, решив, что тут ей и конец пришел.

Арман засмеялся и обнял ее за плечи. В этом покровительственном жесте было столько спокойной уверенности, что Юта прекратила панику и удивленно на него воззрилась.

- Это Спящий, - сказал Арман небрежно.

- А? - Юта решила, что не расслышала.

- Спящий, - повторил Арман. - Под фундаментом замка много тысячелетий спит неведомо кто. Другого имени ему пока не придумали - Спящий, и все... Иногда он шевелится во сне, и тогда замок трясется.

Юта обладала богатым воображением и сразу представила себе замурованное в скалах чудовище, от одного движения которого дрожит земля.

- И ты так спокойно об этом говоришь? - прошептала она, будто боясь потревожить покой Спящего. - А если он возьмет да и проснется?

- Тогда я вас познакомлю, - серьезно пообещал Арман.

Магическое зеркало чудило и мудрило, подолгу любовалось струйкой воды в городской сточной канаве, пестрело радужными пятнами и время от времени насмеялось над Арманом и Ютой, демонстрируя их искривленные отражения.

Юте страшно хотелось увидеть Остина. Остина не было; вместо него заседал Королевский

Совет Акмалии, и принцесса узнала бы немало государственных тайн, если бы зеркало не приглушило звук - словно из предусмотрительности.

- Голова болит, - сказал Арман. - На погоду.

- Раньше у тебя ничего ни на какую погоду не болело, - заметила Юта.

- Это на серьезную погоду, - объяснил Арман. - Тайфун или смерч.

- А-а-а... - протянула Юта безо всякого интереса. Но после паузы спросила:

- Ты что, умеешь предсказывать смерчи?

- Ну да.

- А ту грозу почему не предсказал? Ну, ту ужасную грозу, помнишь?

Арман помнил. Сначала его передернуло при мысли о молнии, а потом он благодарно коснулся Ютиной руки, вспомнив о маяке, этой рукой зажженном:

- Я был пьян тогда... Мне было... не до того.

Королевский Совет в зеркале продолжался. На трибуну вышел маленький, в седых буклях, политик, изрядно ссохшийся от радения о государственном благе. Открыл рот, и зеркало вдруг донесло:

- Аше велич...

“Ваше величество”, - подумала Юта. Король, отец противной Оливии, сидел тут же, на возвышении, покрытом потертым бархатом.

- Господа! - продолжал оратор. - Хочу напомнить, что, говоря о внешней политике соседней Контестарии, следует прежде всего учитывать тот факт, что король Контестар Тридцать Девятый тяжело болен, и, по сути, главой государства уже сейчас является принц Остин...

Юта напряглась. Ссохшийся политик перевел дух:

- Ориентируясь на личные вку...

Зеркало издевательски подмигнуло и показало двух мальчишек, пытающихся с помощью сачка

изловить одну толстую жабу. Первый, конопатый, оступился и рухнул в тину, из которой лениво поднялся рой мошкары. Второй изловчился и накрыл жабу сачком, но сачок оказался дырявым, и ловкой рептилии удалось скрыться.

- Голова болит, - сказал Арман. - Думаю, будет волнение на море... Остин - это, кажется, тот самый принц?

Юта хмуро молчала.

Поверхность зеркала затуманилась и тут же прояснилась. Плавно покачивались широченные листья пальм, дрожал нагретый воздух, и вместе с ним дрожали цветники, искусственные водопады, гроты, бассейны. Потом в зеркале возник залитый солнцем золотой пляж, облизуемый волнами с той нежностью и тщательностью, с которой кошка вылизывает новорожденного котенка.

Посреди пляжа пестрел куполом круглый навес, под навесом на широченных коврах радовалась жизни шумная компания, душой своей имевшая принцессу Оливию.

- Опять, - процедила Юта сквозь зубы.

Оливия облачена была в пышный пляжный костюм, открывающий локти и колени. Кожа прекрасной принцессы была гладкой, как алебастр, и чуть золотистой, хотя о вульгарном загаре, конечно же, не могло быть и речи. Показывая точеной ручкой куда-то в море, принцесса что-то весело рассказывала кавалерам, отчего те заливались счастливым смехом.

- Вот... жизнь, - тихо сказала Юта.

Арман удивился:

- Ты ей завидуешь?

Юта вздохнула. Улыбнулась грустно:

- А ты посмотри на нее - и посмотри на меня. Завидую, конечно.

Тем временем из парка на пляж вынырнула фигурка дуэньи. Огляделась, махнула принцессе рукой и снова скрылась среди пальм. Оливия поднялась, что-то со смехом объясняя, раскрыла над

головой ажурный зонтик и поспешила туда, где в тени огромных листьев притаилась ее наперсница.

- Разведка донесла, - дуэнья усмехнулась, - разведка донесла, что сегодня принцу Остину предложили освободить принцессу Юту.

У Юты взмокли ладони. Сцепив пальцы, она подалась вперед.

- Кто? - бросила Оливия.

- Один из королевских советников. Это, мол, укрепит международный престиж принца и сделает его популярным в народе.

- Вздор, - губы Оливии сошлись в тонкую ниточку. - Остин и так популярен. Глупышка Юта на это, конечно, и рассчитывает, но, господа, существует же обыкновенный здравый смысл!

- Контестария рассчитывает на династический брак с принцессой из Верхней Конты.

- Ерунда... Если на то пошло, для династического брака там созрели еще две дурочки.

Юта скрипнула зубами.

- У них традиция, - тихо заметила дуэнья. - Каждый король, поднимаясь на трон, должен совершить подвиг.

Зависло молчание. Там, в зеркале, мелодично шумело море.

- Эта горбунья не так уж глупа, - прошептала Оливия. - Весь фарс с драконом продуман был на двадцать ходов вперед.

- У Юты нет горба.

- Так будет! Она вечно гнет спину, как вопросительный знак... Бедный Остин, его хотят принести в жертву, но не выйдет, господа! Я поговорю с отцом. Если понадобится, Акмалия вышлет на дракона армию с пушками и метательными машинами. Посмотрим! Дракона привезут в железной клетке, а Юту притащат прямо за ее жиденькие волосенки... Остин...

Оливия вдруг совершенно не королевским жестом схватила дуэнью за плечи:

- А Остин-то что? Что он сказал этому своему советнику?

- Он сказал, что не может рисковать...

Зеркало подернулось рябью.

- Эта мерзавка просто злобствует, - медленно сказал Арман. - У тебя прекрасные волосы.

- Не может рисковать... - прошептала Юта. - Не может рисковать. Жизнью? Троном? Не может рисковать...

- И спину ты давно уже держишь прямо, - продолжал Арман, - у тебя прекрасная осанка... А что, в королевстве этого принца действительно подвиг - это традиция?

- Да... Но, может быть, он не может рисковать, пока отец болен? Может быть...

- Отвлекись, - усмехнулся через силу Арман, - Не морочь себе голову... Хороший мальчик и традиции хорошие, возьмет да и явится... Освободить...

С трудом отрываясь от мыслей об Остине, Юта вымученно улыбнулась:

- Кстати, как ты относишься к пушкам и этим... Метательным машинам?

Арман щелкнул зубами, прожевал воображаемую пищу и смачно сглотнул, продемонстрировав тем самым, как он относится к пушкам. В этот момент зеркало снова прояснилось, и оба увидели тот же золотой пляж, лодку под белым парусом и капитана с золотым шитьем на мундире, который церемонно подавал руку принцессе Оливии, поднимающейся по трапу. Море понемногу успокаивалось.

- Ага! - воскликнул Арман, озаренный внезапной мыслью.

В голосе его звучало облегчение, как у человека, только что принявшего лекарство от головной боли. Юта удивленно оглянулась.

- Это где же у нашей красавицы летняя резиденция? - поинтересовался Арман.

- На острове Мыши, - ответила Юта, не понимая, к чему он клонит.

- Это тот самый островок у побережья Акмалии, который похож на запятую?

- Да, с хвостиком...

- Смывает в море.

- Что? - отшатнулась Юта.

- Смоет в море, - Арман, морщась, коснулся рукой головы. - Сейчас я точно могу предсказать. Идет волна-одиночка высотой с башню... То-то у меня так затылок ломит... Берегу ничего не сделается, потому что там скалы. А островок низенький, пологий - ему-то больше всех и достанется. Все пальмы, орхидеи, фонтаны и тенты, паруса и золотое шитье - в море... Дай мне что-нибудь холодненькое на голову.

- Погоди... - Юта хлопала глазами. - Ты серьезно? Это же бедствие...

- Конечно, бедствие... Знаешь, сколько бедствий я видел за одно только последнее столетие? Послушай, намочи мне тряпочку, к затылку приложить...

- А люди? Жители?

- Ты человеческий язык понимаешь? Там ска-лы! Жители отделаются перепугом.

- А остров?

- Остров после этого приключения будет лысый, как пятка. Что ты так нахохлилась? Может быть, кто-нибудь и спасется.

Юта вспомнила драку в дворцовом парке накануне шляпного карнавала, вспомнила сцену, увиденную в зеркале: "Вся эта история с драконом немного фальшивая... Юта уродлива, к сожалению, и помочь ей может только ореол жертвы... Чего не сделаешь ради счастливого замужества..."

Оливия... Ну и горгулья с ней.

Ночью Арман был разбужен чьим-то присутствием.

Юта, босая, стояла перед его аскетическим ложем, и свечка оплывала в ее тонких пальцах.

- Арман... - в голосе ее была отчаянная мольба.

Он ничего не мог понять. От того, что Юта пришла к нему ночью, от того, что она стояла так близко, от того, что на ней не было привычной хламиды, а только наброшенная на плечи рогожка,

прохуdivшаяся во многих местах - от всего этого Арману почему-то стало не по себе. Сам не понимая, для чего, он надвинул плащ, заменявший одеяло, до самого подбородка:

- Зачем ты пришла?

Она всхлипнула.

Его обдало жаром.

Она снова всхлипнула:

- Арман... Сделай что-нибудь...

- Что... случилось? Тебе плохо?

Она стояла, шмыгая носом, бледная, дрожащая, и тогда он решил, что у нее горячка, или припадок какой-нибудь, одна из страшных и непонятных ему человеческих болезней, от которых, как он слышал из зеркала, и умирают... Ему стало страшно.

- Спаси их... Они ничего... не знают, там, на острове... Не подозревают даже...

- Тьфу ты, проклятье!

Он окончательно проснулся, и ему стало стыдно за свое замешательство и за свой страх.

- Какой горгульи... Вот, подцепил твое ругательство... Какой горгульи ты меня будишь и пугаешь?

- Спаси их...

- Как? Я не морской царь, чтобы останавливать волны.

- Предупреди... Они еще успеют...

Он раздраженно сел на своем сундуке. Плащ соскользнул с его плечей, и Юта увидела голую смуглую грудь с туго выдающимися мышцами. А как же, попробуй, помаши широченными перепончатыми крыльями!

Она отвела взгляд и прошептала:

- Пожалуйста, Арман...

И горько заплакала.

Слезы прокладывали по ее щекам прямые, блестящие в пламени свечи дорожки. Нос принцессы жалобно сморщился, а губы беспомощно шевелились, невнятно повторяя просьбу.

Арман растерялся.

Он сидел на своем сундуке, заспанный, полуголый, а принцесса Верхней Конты стояла перед ним босиком и лила слезы, упрашивая о чем-то совершенно невероятном. Да кто он такой, чтобы вмешиваться в обычный ход вещей? Разве можно справиться со всеми бедами на свете?

- Ты понимаешь, что говоришь? - спросил он устало.

Она заплакала еще горше.

Под утро в маленький ажурный дворец на острове Мыши - летнюю резиденцию акмалийского короля - вломился незнакомец.

Совершенно непонятно, как незнакомец добрался до острова, расположенного довольно далеко от берега - при нем, как оказалось после, не было ни шлюпки, ни плота. Он кутался в черный измятый плащ, низко натягивал широкополую, тоже измятую, шляпу и размахивал приказом короля в свитке и с печатью на веревочке.

Он вертел ею перед носом заспанного лакея, потом дворецкого, потом фрейлины, занимавшей на острове пост главнокомандующего. Но прежде, чем печать была вскрыта, дворец уже проснулся, разбуженный страшной вестью.

- Спасайтесь! Скорее! - отрывисто выкрикивал незнакомец. Голос у него был чуть хриловатый.

Принцесса Оливия, едва продрал глаза, засомневалась было - незнакомец ссылался на королевского звездочета, который обычно предсказывал погоду неправильно; печать на свитке оказалась больше, чем обычно - но уже заворочалось в темноте море, уже окреп ветер, доносящий от

горизонта глухой, невнятный гул.

Хлопали двери и окна. Спешно паковались чемоданы, чтобы тут же быть оставленными на произвол судьбы. Лодок на всех не хватало. Полетели за борт мешки, бочонки, ковры и тенты. Из причала соорудили плот.

Незнакомец суетился больше всех - бегал, как сумасшедший, и торопил, подгонял, а то и просто запугивал, хотя необходимости в этом уже не было - на море явно начиналось что-то невообразимое.

А когда принцесса Оливия с фрейлиной и дуэньей, все ее подруги и кавалеры, два десятка слуг, повар с выводком поварят, плотник и прачка отбыли к берегу, ведомые капитаном в мундире на голое тело - тогда незнакомец потихоньку отошел за постройки, в минуту покрылся чешуей и взмыл в еще темное небо.

Флотилия двигалась медленно, слуги гребли неуклюже. Времени для спасения почти не оставалось. Занимался рассвет.

Когда лодка с парусом, шедшая впереди, достигла маленькой пристани у подножья скал, острые Армановы глаза увидели на горизонте белый гребень.

Когда плотник посадил прачку на нижнюю площадку деревянной лестницы, волна занимала уже полнеба.

Вереница людей медленно, очень медленно преодолела десять пролетов деревянных ступенек и скрылась, как червяк в норе - в скале был пробит сквозной проход, прикрытый со стороны моря круглым валуном, и потому невидимый для Армана.

Арман оглянулся - и сразу же рванулся ввысь.

Волна прошла прямо под ним, он видел ее гребень так же ясно, как собственные когти. На гребне развевались ленты шипящей пены, похожие на алчные языки. Дно на мгновение обнажилось, и у Армана закружилась голова от разверзшейся под ним пропасти.

Волна перекатилась через остров Мыши, не заметив его, и ударила в берег, как в гигантский

бубен. Берег содрогнулся и застонал.

Когда котел, бурливший в море, немного поостыл, Арман увидел остров Мыши. На нем уцелели две пальмы - одна с двумя ветками, а другая - даже с четырьмя.

Долго еще рыбаки, чьи лодки волной разможило о скалы, выживали из моря бочонки с дорогим вином, обрывки шелка, а порой и золотые украшения.

## VI

Зубчатые скалы - хребет Прадракона.

Слепящее солнце - гортань Прадракона.

Замок - его корона.

Арм-Анн

В один из дней Юта долго разглядывала причудливые знаки, некогда перерисованные ее рукой на стену около камина. Знак “небо”, знак “море”, знак “несчастье”... Подумав, принцесса решила возобновить изыскания в клинописном зале.

- Зачем? - удивился Арман.

Юта посмотрела на него пристально и серьезно:

- Я хочу прочесть пророчество. Если там есть строки о тебе, то обо мне тоже найдутся. Иначе как же мы узнаем, чем все это закончится?

Она ушла, а Арман долго и горестно раздумывал.

Он вспомнил, как нашел в сундуках и подарил Юте серебряный гребень. Принцесса обрадовалась

и долго прихорашивалась, используя магическое зеркало, как обыкновенное... А однажды, задремав в кресле перед камином, он проснулся от Ютиного страха. Она стояла в двух шагах, бледная, дрожащая, и переводила взгляд с Армана в кресле на нож для разделки мяса, валявшийся тут же, на столе... “Что с тобой?” - спросил Арман. “Ничего, - отвечала она через силу, - я вошла, а ты... спал”. “И что же в этом страшного?” “Ничего. Но я видела такой сон...” Какой именно сон видела Юта, осталось тайной - она ни за что не захотела его пересказывать.

Пожалуй, принцесса права, пытаясь разобрать пророчество. Маленькая заговздка в другом - никому еще не удавалось этого сделать.

Исследования Юты значительно продвинулись. Однажды она выбралась из подземелья раньше обычного и, отбросив прогоревший факел, отправилась искать Армана.

В комнате с зеркалом его не оказалось. Покрикивая “Арман! Арман!”, напевая и насвистывая одновременно, принцесса двинулась на поиски.

Разгуливая знакомыми коридорами, Юта вдруг обнаружила незамеченный раньше поворот. Как он смог укрыться от зоркого принцессинового взора - неизвестно, но Юта, конечно же, поспешила восполнить потерю.

Впрочем, в этом коридоре не было ничего примечательного - Юта хотела повернуть назад и возобновить поиски Армана, когда ход вдруг уперся в закрытую дверь. При Юте не было верной связки ключей - но инструмент и не понадобился, потому что дверь оказалась незапертой.

Юта, которой после всех приключений море было по колено, смело шагнула вперед.

Помещение, куда она вошла, было Ритуальной комнатой. Для Юты спокойнее было бы считать ее порождением бреда.

Как и в день похищения, откуда-то сверху бил столб света. Как и в день похищения, Юта задрожала, потому что в этом свете ритуальный зал предстал во всех ужасающих подробностях.

В центре помещался круглый стол, похожий одновременно и на алтарь, и на жертвенник. Не стол даже - глыба. Из середины его торчал железный заостренный шип; солнце безжалостно посверкивало на остриях трехгранных, круто загнутых крючьев, бахромой свисающих по краю круглого стола. Каменный пол хранил следы копоты, и копотью были покрыты отвратительные приспособления, сваленные тут же неопрятной грудой.

Юта стояла, не в состоянии сдвинуться с места. Потом подняла глаза - и увидела письмена, покрывавшие стены под самым круглым потолком. После долгих часов, проведенных ею в клинописном зале, текст был даже более понятен, чем следовало.

“Ты славен, сын... и славна твоя добыча. Исполни волю отцов и праотцов своих, вкуси венценосную пленницу в согласии с ритуалом, как подобает носящему пламя...”

И вкушали. Ютиному лихорадочному воображению явились молчаливые драконы, неподвижно сидящие вдоль стен. Сколько их тут помещалось за раз? Три? Четыре? Вон через ту чудовищную дыру, ведущую в драконий тоннель, вводили пленницу... Или нет? Ведь до этого она томилась в заточении, в башне... Может быть, ее вводили через ту самую дверь, куда Юта и вошла?

Она затравленно оглянулась. В Ритуальную комнату вело множество дверей - и один драконий тоннель... Значит, Арман бывает здесь всякий раз, когда вылетает наружу? Погоди, при чем тут Арман... Арман совершенно ни при чем. Этот зал не имеет к нему отношения, он не может отвечать за дела предков своих.

Ей горячо захотелось немедленно увидеть Армана, она уже повернулась, чтобы бежать прочь - но что-то ее удержало.

Как замороженная, почти против своей воли, она шагнула вперед, приближаясь к каменному столу. На поверхности его лежало косое солнечное пятно, и Юте казалось, что оно движется, медленно ползет по древнему, кое-где замшелому камню.

Шип, торчащий из середины стола, был ростом с Юту. Вокруг него вязью змеился текст;

прочесть его можно было, только обходя стол кругом.

Принцесса двинулась в обход, стараясь поменьше смотреть на бахрому из трехгранных крючьев.

“Здесь творили свой славный промысел... здесь вкушали царственную добычу... поколения...”  
Далее следовала вереница имен. Юте бы остановиться, но знаки и слова приковали ее, подчинили своей воле, и она ходила кругами, то приближаясь к ужасной груди инструментов, то снова удаляясь от нее: “Им-Ар, Сам-Ар... Дин-Ар, и сын его Акк-Ар... Дон-Ир, Дан-Ан, Дар-Ар... Хар-Анн, Хен-Анн...”

В ушах у Юты зарождалась, усиливалась торжественная, ритуальная музыка, и шаги ее невольно укладывались в жесткий, беспощадный ритм: “Лир-Ир, Лак-Анн... Сан-Ир, Зар-Ар, Зон-Анн...”. У принцессы закружилась голова, крючья слились в одно железное кольцо, а Юта все читала и читала: “Ган-Анн, Гар-Ар... сын его, могучий... и сын его... и сын...”

Сколько имен. Каждое имя - ритуал, и не один. Неудивительно, что так живучи страшные сказки. Каждое имя - гибель невинной девушки, и даже не одной. Каждое имя... Но вереница подходит к концу...

“Ард-Ир, Акр-Анн, и сын его...”

В голове у Юты стоял гул, она покачивалась, пытаясь удержать равновесие, и все старалась понять, что за слово, такое неприятное, царапает ее изнутри, какая тень ходит вокруг да около, никак не достигая ее сознания.

Вот и все, она сейчас уйдет. Уйдет и больше никогда сюда не вернется. Надо только перечитать последние имена, неизвестно, зачем, но этого требует кто-то посторонний, вселившийся в Юту и пробующий там, внутри, свои острые коготки...

Ей не хотелось перечитывать. Медленно, через силу, она подняла глаза...

Глаза слезились. Ничего не видно, подумала Юта, но посторонний, поселившийся в ее душе, снова завозился и заставил.

Ард-Ир... Кто это, не знаю... Акр-Анн... и сын его... сын его... сын...

У Юты подкосились ноги. Пошатнувшись, она ухватилась за трехгранный крюк.

Сын его Арм-Анн.

Он творил здесь свой славный промысел. Он вкушал здесь царственную добычу. А потом он врал Юте, и Юта поверила.

Он входил сюда, ведомый отцом и дедом. Пленница... Такая же девушка, как она, Юта. Может быть, он и не хотел... Даже наверняка... Но законы рода...

Юта сложилась пополам, и ее стошнило. Скрипнула, распахиваясь, дверь. Ой, нет, подумала принцесса. Уходи.

- Юта? - Арман, встревоженный, широко шагал через зал к каменному столу. - Что ты здесь де...  
- и осекся.

Принцесса с трудом выпрямилась. Вот он идет, и глаза ясные. И все, как прежде... Горгулья, она позволяла ему дотрагиваться до себя.

Принцесса с трудом подавила новый припадок тошноты.

- Юта?! - он остановился.

- Как... - она откашлялась, возвращая себе голос, - как это было на вкус, Арм-Анн?

Темно-зеленые Армановы глаза стали совсем темными - так расширились зрачки.

- Наверное... - Юта облизнула губы, - человеческое мясо очень питательное... Без прожилок...  
Мягкое...

- Ты рехнулась? - спросил он отрывисто.

- Посмотри, - Ютин палец безвольно ткнул в надпись на камне, - посмотри, как интересно...  
Твоего дедушку звали Ард-Ир, а папочку - Акр-Анн... И какой бы ты был дракон, в самом деле, так и не отведав...

- Замолчи.

- Конечно... Я не собираюсь вступать с тобой в объяснения... Будь добр, выйди. Я... видеть тебя не могу.

Арман хотел что-то сказать, но не издал ни звука.

Имена его отца и его деда в устах принцессы звучали почти оскорбительно. Она стояла перед ним, негодующая, исполненная ужаса и отвращения, причем отвращение это превосходило и ужас, и негодование. Она метала молнии сузившимися темными глазами. Она не желала, да и не могла сейчас его слушать. Сунув нож в его давнюю болезненную рану, она сейчас деловито проворачивала острие.

Арман снова открыл рот, но не для слова, а для судорожного вдоха.

- А ты нежная, - проговорил он с кривой усмешкой. - Даже видеть не можешь? Жаль... Уж придется посмотреть, дорогуша. Я ведь еще не решил, может быть, и скушаю тебя?

Юта отшатнулась. Арман расхохотался:

- Да, какой бы я был дракон, не отведав... Да-да... Мягкое, и без прожилок... Питательное... Молоденькое, невинное... Что ты смотришь, как оскорбленная добродетель? - Он поднял плечи, из которых туго выстрелили перепончатые крылья.

- Нежное розовое мясо! - ударил по полу чешуйчатый хвост. - Теплое, ароматное! Да, принцесса?! - последние слова было трудно разобрать, потому что зубастая пасть плохо его слушалась.

Едва справившись с оцепенением, Юта рванулась. Проскочив между Арманом и столом, она оставила на железном крюке обрывок темного балахона. Вслед ей летели леденящие кровь звуки - как человек, Арман еще мог смеяться, а как дракон - ревел и захлебывался пламанем. Горячий воздух ударил Юте в спину, и кончики ее волос завились, обожженные.

Многие из дней, проведенных ею в замке Армана, посвящены были поискам выхода. Теперь, трясясь на холодной лестнице, Юта еще и еще раз проворачивала в памяти расположение комнат и коридоров. Драконьи Врата пригодны для крылатых ящеров, но должен быть другой выход. Выход для

людей. Ворота.

Она закрыла глаза. А если нет? Существа, жившие в замке, прекрасно обходились огромной круглой дырой, расположенной высоко над морем. А пленницы - пленницам ход на волю был закрыт...

Думай, сказала она себе. Ты или убежишь немедленно, или кинешься с башни - и не мечтай, голубушка, что возможен третий выход. Сама виновата, поступилась королевской честью, вошла с чудовищем в фамильярные отношения... Думай.

Она зажмурилась плотно-плотно и сдавила виски ладонями.

Арман сидел на плоском камне, безвольно привалившись плечом к остову корабля, когда-то выброшенного штормом на эти скалы.

Теперь несчастное судно походило на обглоданный рыбий скелет - крутые ребра переборок, судорожно вытянутые мачты, истлевшие тряпки на месте парусов. Над головой Армана угрожающе потрескивала высокая корма. Он представил на секунду, как корма рушится, погребая его под грудой подгнившего дерева... И остался сидеть.

От моря дул холодный ветер - надсадный и непрерывный, как зубная боль. Арман вжимался в склизкие доски.

Его обвинили в верности традициям рода. Он сам всю жизнь стремился им следовать - и терзался своей несостоятельностью. Почему же принцессины слова обернулись горьким оскорблением? Отчего так тошно, так пусто и так не хочется жить? Оттого ли, что никогда не преуспевал в промысле и ни разу не исполнил ритуала? Или оттого, что принцесса ему не поверила?

Глухо ударил медный колокол на носу погибшего корабля.

Они боялись, что он умрет в детстве, вслед за своей матерью. Дед подсказал решение - вырезать имя младенца на ритуальном столе, и жизненная сила, заключенная в камне, поможет мальчику выжить.

Потом старик не раз жалел об этом...

Арман выбрался из-под нависающей над берегом кормы и побрел прочь, трогая запятнанные лишайником скалы.

Когда он отошел на два десятка шагов, гнилая корма протяжно заскрипела и рухнула, извергнув облако трухи.

\* \* \*

Была ночь - безлунная. Юта стояла у окна кладовой с внешней его стороны, вцепившись в редкую решетку. Только что она протиснулась между прутьями и теперь смотрела с замиранием сердца вниз. Внизу не было ничего - темнота, но принцесса знала, что там, у нее под ногами, ворочается море.

Это свобода, внушала себе принцесса и стискивала зубы, чтобы унять выбиваемую ими дробь. Один шаг отделяет ее от свободы.

Вряд ли принцесса решилась бы шагнуть в бездну при солнечном свете. Но в темноте еще страшнее - будто проваливаешься в бездонную дыру... Она изо всех сил зажмурила глаза и представила себе Армана-дракона, как он хохочет дико, а из пасти сыплются искры... Представила, охнула и полетела вниз.

Море заглохло принцессу с негромким хлопком, обняло, сдавило, залило уши и глаза, и у Юты перехватило дыхание от внезапной холодной ванны - но еще в воздухе она принялась отчаянно работать руками и ногами, и поэтому мокрая голова ее очень скоро вынырнула на поверхность.

Одежда облепила тело и стесняла движения. Вода свободно гуляла между подошвами сандалий и Ютиными ступнями, и ощущение это было неудобным и неприятным. Юта хватала воздух ртом и мелко гребла ладонями перед грудью.

Моретяжелодышало-навдохепринцессуподнималовверх,и,запрокинувголову,онамоглаувидеть высокое окно, светящееся красным. На выдохе Юта проваливалась в глубокую яму, и тогда рядом с ее лицом шевелились водоросли - ими, как бурым ковром, укрыты были стены замка, уходящие вглубь, древние величественные стены, у подножия которых барахталась сейчас мокрая принцесса.

Надо обогнуть замок, но в какую сторону лучше плыть? Юта хлебнула морской воды и закашлялась. Самое трудное позади, позади, позади. Она на свободе, свободе, свободе. Обогнуть замок, выбраться на каменную косу, дойти по ней до берега, и пусть он попробует поймать ее в такой темноте... Добраться до человеческих поселений - она снова хлебнула - и через два-три дня явиться домой... Увидеть маму, отца - она гребла изо всех сил и уже немного продвинулась - Май, Вертрану...

Лениво плеснувшая волна отбросила принцессу на исходную позицию.

Восходящее солнце застало Юту в сутолоке скал.

Всю первую половину ночи она пыталась обогнуть замок вплавь и добраться до твердой земли. В конце концов море сжалилось над ней, и волна небрежно швырнула принцессу на узенькую полоску каменистого пляжа, где она и провела вторую половину ночи, дрожа и собираясь с остатками сил.

Когда небо стало светлеть, принцесса опомнилась. Кровожадный ящер рядом, она все еще под стенами замка; надо было немедленно и спешно отправляться в путь.

И она отправилась. Мокрые сандалии жестоко натирали ноги, и пришлось бросить их по дороге. Балахон, тоже мокрый, нещадно облепил принцессино тело, но снять и его Юта не решалась.

Понемногу светало. Юта оскальзывалась на камнях, обламывала ногти, оступалась и скользила, и розовые ступни ее скоро стерлись до крови.

Самое трудное... позади... Свобода...

Ей было немного непривычно идти под небом и под ветром, и скоро она начала задыхаться. Впору было подумать о привале, когда камни вдруг расступились и под ноги принцессе легла дорога.

Дорога! Забыв об усталости, Юта бодро заковыляла вперед, судорожно подмечая, что скорость ее возросла и до большого берега рукой подать.

Ей припомнился вид сверху - так и есть, это та самая дорога, которая тянется вдоль косы и скоро уведет ее прочь от замка, от дракона, от всех этих ужасов... Но тут же подумалось - а ведь дорога просматривается, как на ладони!

Было уже совсем светло. Юта оглянулась - вот он, замок, совсем еще близко, будто и не сбивала она пятки в кровь, стараясь поскорее от него отделаться.

Спрятаться? У Юты помутилось в глазах от мысли, что целый день до наступления темноты придется сидеть в какой-нибудь щели. Но здравый смысл был неумолим - Арману достаточно просто подняться в небо, чтобы увидеть принцессу, влачащуюся по пустынной дороге.

Как бы отвечая на ее мысли, над замком взвился дракон. Юта прекрасно видела его точеный силуэт в косых лучах восходящего солнца.

Не успев и подумать как следует, Юта метнулась в сторону ближайшего нагромождения камней.

Глыбы, похожие на покосившиеся каменные столбы, сразу же загрохотали ее от неба и от Армана, но принцесса пробиралась и продиралась вперед, гонимая инстинктом жертвы - спрятаться. В какой-то момент ей почудилось, что камни под ногами вздрагивают, шевелятся - она не придавала этому значения.

Внезапно валун, на который она смело встала ногой, качнулся и провалился вниз. Юта едва успела отскочить - но в этот момент камни пришли в движение.

Юта видела в детстве, как в болоте тонула корова. Десять человек бегали вокруг и суетились, пока один из них сам не угодил в трясину и сразу провалился по пояс. Пока вытягивали его, корова утонула, издав перед смертью длинный рев, от которого волосы шевелились на голове...

Камни, в которые угодила Юта, подобны были зыбучей трясине. Один уходил в землю - на его

место выползал второй, мокрый, склизкий. Мелкие камни погружались почти мгновенно, крупные валуны - медленно, но неуклонно.

Она не знала, куда бежать. Все ее мысли, желания, возможности были сосредоточены на одном - перескочить на другой камень. Не поскользнуться. Не оступиться. Не угодить ногой в расщелину. Выскочить. Увернуться.

Но камни - камни играли с ней, как кошка с мышью. Неспешный ритм, которому подчинялись все эти тонущие и возникающие валуны, незаметно ускорялся.

Она путалась в мокрых полах балахона. Камни уходили в бездну, как заглатываемые сладеной леденцы, и выскакивали на поверхность, как поплавки удачливого рыболова. Куда не падал затравленный Ютин взгляд - везде ходором ходили серые спины валунов, вызывая в памяти толчею на рыночной площади.

Очередной раз извернувшись, она кинулась грудью на круглый камень размером с большого быка. Камень издевательски качнулся и медленно, по волоску, стал уходить в землю.

- Помогите! - закричала Юта.

У нее почти не было голоса. Суетились камни, оттесняя друг друга. Кругом стоял невыносимый скрежет - будто сама земля, мучимая горячкой, скрипела зубами.

- Помогите!

Большой камень ушел в землю до половины. Вокруг него, как пузырьки в кипящем котле, возникали и проваливались камушки помельче.

- Помогите... - сказала Юта шепотом. - Кто-нибудь...

Камень провалился на две трети. Она лихорадочно оглядывалась - перескочить куда-нибудь было совершенно невыносимо. Там и тут удовлетворенно чавкала трясина, глотая валуны и выплевывая их, как вишневые косточки.

- Ой, мама... - прошептала Юта. - Ой, Арман...

Мелкие камушки, стирая бока в порошок, наваливались на тонущий большой камень. Юта уходила в землю вместе с ним, а солнце поднималось, а небу было наплевать, а принцесса проваливалась, затягиваемая чем-то или кем-то, засасываемая в трясину, гибнущая так бездарно и так отвратительно...

- Помоги... - и не звука. Хрип. Снова: - Помоги...те...

Тень закрыла Юту от солнца, равнодушно смотрящего на ее смерть. Рванул ветер, пахнувший резко и необычно. Захлопали широкие, загораживающие небо крылья. Мелкие камни навалились на Ютины ноги, но в ту же секунду огромные загнутые когти подхватили ее за плечи. Рывок... Юте показалось, что со ступней ее содрали кожу. Валун ухнул вниз, ушел в землю, но Юта, уносимая прочь, уже не могла этого видеть.

## VII

Туда, где солнце, никто не летает при свете дня.

Крылья устали. Внизу ожидают

Меня.

Арм-Анн

В Ритуальной комнате он принял человеческий облик, и тащить принцессу Юту стало совсем тяжело.

Юта вырывалась. Она царапалась и кусалась, она изворачивалась и кричала срывающимся голосом:

- Ненавижу! Смердящий ящер! Мерзкое чудовище! Пусти меня, людоед!

А он тащил ее и волок, и перебрасывал через высокие пороги, и тянул по ступеням бесконечных лестниц, и не пытался понять - зачем. Куда, собственно, он ее ведет? И что теперь с ней делать?

Чтобы не задаваться этим вопросом, он тащил ее все быстрее и жестче. Она сопротивлялась все меньше - берегла силы.

Когда, в конце концов ввалившись в комнату с камином, он оторвал свои онемевшие пальцы от ее воротника, принцесса, встав на четвереньки, сразу же оказалась в самом дальнем углу. Прокричала оттуда, причем голос ее хрипом стал подобен голосу самого Армана:

- Ты, чудовище, кровожадный змей! Лучше умереть, чем принять помощь из твоих рук... Из твоих грязных когтей! Ты... - и не нашлась, какое бы еще оскорбление вернуть.

Он ощутил смертельную усталость. Неведомо зачем сунул руку в глубокий карман, извлек оттуда обломок ржавой пряжки. Уронил на пол:

- Слышишь?

Принцесса примолкла, удивленная. Арман поднял стальной обломок и снова уронил. Железо тускло звякнуло о камень.

- Слышишь, принцесса Юта? Дзеннь... Мои слова для тебя значат столько же, сколько этот звук.

Юта молчала. Арман снова поднял железный обломок и вдруг изо всей силы швырнул им о пол. Тонко взвизгнув, кусочек металла брызнул в сторону и врезался в стену.

Арман не произнес ни слова. Юта съежилась. Некоторое время они просто смотрели друг на друга - Арман холодно, непроницаемо, Юта - смятенно.

- Я расскажу тебе сказку, - медленно предложил Арман. - Хочешь?

И, не дожидаясь принцессиного согласия, он взгромоздился прямо на стол. Зачем-то вытер ладони об одежду.

- Жила-была принцесса, - заговорил он тихо и глухо. - Давно уже, лет сто пятьдесят назад.

Стройная, как тополек, и веселая, как жаворонок... Впрочем, память может меня подвести. Возможно, это была мрачная толстушка... Дело не в этом. Дело в том, что однажды утром... Или днем, неважно... ее похитил дракон.

Юта прерывисто вздохнула.

- Это был молодой дракон, - сквозь зубы продолжал Арман. - Можно сказать, юный. Как раз в тот день он достиг своего совершеннолетия. Ты слушаешь, Юта?

Принцесса сидела в своем углу, подтянув колени к подбородку - оцепеневшая, покрытая гусиной кожей.

- Он был один, - Арман медленно, как бы лениво, сполз со стола и принялся бесцельно кружить по комнате. - Он остался один в своем замке, но старшие, умирая, высказали веру в его будущую доблесть... И он, преисполненный доблести, умыкнул в соседнем государстве королевскую дочку, тоже юную...

Остановившись перед каминной решеткой, Арман зачем-то несколько раз ткнул в нее ногой. Камин безмолвствовал - черный, пустой, холодный.

- Она стояла близко, как ты, - Арман обернулся и направил Юте в лицо длинный обвиняющий палец. - Она была...

Подавшись вперед, Юта оказалась вдруг стоящей на коленях и умоляюще протягивающей руки:

- Не рассказывай... Не надо никаких ужасов, я тебя... Арман, пожалуйста... не рассказывай, я сойду с ума, пожалуйста...

Арман слушал ее бормотание, механически накручивая на палец вырванный волосок. Потом бездумно протянул руку и взял с каминной полки кочергу. Юта замолкла на полуслове.

- Дракон есть дракон, - сказал Арман занудным менторским тоном. - Принцессе надлежит кушать, жрать... Он поставил ее посреди ритуального стола, спиной к железной спице... У нее были

голубые глаза и рыжеватые волосы. Одна бровь редкая, видно, выщипывала неумело... На подбородке - родинка, и еще одна на шее. Он...

Арман вдруг сильно размахнулся и ударил кочергой в стену. Из камня посыпались искры, а стальной прут сразу же изогнулся дугой. Юта с опозданием заткнула уши. Арман огорченно посмотрел на изуродованную кочергу, на выбоину в камне, помедлил и ударил еще раз, и кочерга сломалась с надрывным звуком лопнувшей тележной оси. Он оглянулся - и Юта с ужасом увидела, что глаза его выдают глубокую истерику.

- Я не помню, что там было, - сказал Арман спокойно. - Но зубы мои никогда не знали человечины. Никогда, - уронив обломок кочерги, он вдруг ударил о стену кулаком.

Юта вскрикнула. Арман стоял молча, на стене темнела кровавая клякса, а он разглядывал свою новую, будто чужую, странно большую и неповоротливую руку.

- С тех пор, - он обращался к разбитому в кровь кулаку, - с тех пор...

Арман содрогнулся.

...И снова этот сон.

Над верхней губой девушки бисеринками выступили капельки пота. Она стоит, прижимаясь спиной к уродливому стальному шипу, белокожая, и поэтому бледность придает ее лицу оттенок синевы... Иссиня-бледное лицо в обрамлении рыжих, колечками слипшихся волос. Глаза распахнуты так, что светлые ресницы впиваются в кожу изогнутыми остриями. Губы, распухшие, искусанные, полураскрыты, и дыхание жертвы достигает ноздрей Армана, его огромных драконьих ноздрей... И запах. Резкий цветочный запах, будто целая похоронная процессия бросает букеты на свежую могилу... Он должен совершить ритуал, это неотвратно, как приближение ночи, как наступление зимы...

И тогда, угодив в тиски неотвратимости ритуала и полной невозможности его свершения, сознание Армана больно исказилось.

Страх. Тошнота. Склизкие комья, катящиеся по воглому склону.

Он провалился в горячке три дня. Юта сидела над ним, как бессонный сторож. Его разбитая рука лежала поверх плаща, служившего одеялом, и Юта то и дело бережно касалась ее, удобнее устроявая в грубых складках темной материи.

Он бредил. Днем и ночью ему являлась та роковая Ютина предшественница, рыженькая принцесса полуторавековой давности, встреча с которой привела Армана к окончательному осознанию своей никчемности.

- Уйди... - шептал Арман, не открывая глаз. - Я ничего тебе не... Ни волоска твоего рыжего... Не буду... Не желая...

Юта вздыхала и обтирала его горячее лицо влажной тряпочкой.

На четвертый день он пришел в себя. Очнувшись от короткого чуткого полусна, Юта увидела его еще воспаленные, но уже вполне осмысленные глаза.

- Прости, пожалуйста, - сказала она, едва встретившись с ним взглядом. - Я ужасно перед тобой виновата, от меня одни неприятности, и я все время плачу тебе злом за добро.

Арман чуть заметно усмехнулся. Пробормотал одними губами:

- Да... Уж. Что бывает добрее... похищения из дому.

\* \* \*

На следующий день она сбегала на башню, где на глыбе земли, принесенной некогда Арманом-драконом, отцветал “сад”. Принцесса безжалостно повыдергивала все восемь еще уцелевших цветов и, соорудив из них кокетливый букет, потащила вниз, намереваясь украсить им Арманову комнату.

Он сидел на своем сундуке и меланхолично разглядывал разбитую о стену руку. Усмехнулся навстречу Юте - и сразу же насторожился. Помрачнел отчего-то. Отвернулся.

Принцесса смутилась. Чем она снова ухитрилась вызвать его недовольство?

Губы Армана страдальчески искривились, и Юта решила, что ему опять нездоровится. Из всех снадобий ей известна была лишь вода, поэтому она тут же поднесла Арману ковшик, изо всех сил желая, чтобы лекарство помогло.

Но выпитые несколько глотков не принесли, по-видимому, облегчения. Арман поперхнулся, и вода пролилась:

- Запах... Проклятье... Юта, уйди.

Ненавистный цветочный запах, густой, как патока, насильно втискивался в его ноздри. Ему очень не хотелось делать ее свидетелем своей тошноты.

Принцесса нерешительно переступала с ноги на ногу, терзая в руках невесть как подвернувшийся букет.

Арман принялся дышать ртом, и ему стало немного легче. Юта посмотрела на свои руки - и обнаружила вдруг, что вертит в пальцах три тонких стебелька, а еще пять цветков - бывшие ромашки - валяются на полу среди лепестков, с них же и оборванных.

Два из трех еще уцелевших цветиков были колокольчики - здорово помятые. Третий оказался невзрачным, блеклым сиреневым пятилистником.

Повинуясь внезапному наитию, Юта поднесла его к носу.

О да! Городской парфюмер, так часто выполнявший прихоти и фрейлин, и принцесс, и даже самой королевы, очень хвалился духами под громким названием "Истома", каковые духи сам же и готовил из лепестков...

- Томник, - сказала Юта громко. - Этот цветочек называется томник. Считается, что запах его рождает сладостную истому, потому деревенские девчонки носят его за пазухой, а знатные дамы заказывают парфюмеру духи...

Арман кисло на нее покосился, прогнусавил с закрытым носом:

- Чдо ты говоришь? Одкуда ты здаешь?

Юта держала цветок томника за кончик стебелька - двумя пальцами, вниз головкой, как дохлую птичку.

- У той твоей жертвы были духи из томника. Тебе не мерещится, Арман. Ты не бредишь, а действительно чувствуешь...

- Дичего я де чувствую!

Он хотел вскочить, но вместо этого лишь тяжело поднялся, задев поврежденной рукой о ребро сундука и зашипев от боли.

- Знаешь, - сказала Юта шепотом, - моей сестре Май в детстве часто снился волк. Знаешь, такой страшный волк из детских сказок. Она вскакивала по ночам, кричала... Мне тогда было лет двенадцать, я была сорвиголова, моя рогатка была величиной с маршалский жезл... Я сказала Май: не убегай от своего волка. Давай вместе его встретим - лицом к лицу! То есть лицом к морде... Дело было вечером, Май заснула, а я села рядом с рогаткой наизготовку... И вот, когда Май завозилась и застонала...

Арман слушал ее, остановившись посреди комнаты и по-прежнему зажимая пальцами нос. Когда Юта натянула воображаемую рогатку, он, забывшись, ослабил хватку и тут же закашлялся.

- Я закричала: Май, целься между глаз!.. И как пальну орехом, подсвечник - на пол... Нянька проснулась... А Май - ничего. Спала... Утром только пришла ко мне, счастливая, околел, говорит, волк-то... Понимаешь?

Арман переводил взгляд с серьезного Ютиного лица на обмякший цветок у нее в руке.

- Кдо тебя даучил этобу?

- Чему? А, в ненастоящего волка стрелять из всамделишной рогатки? Никто. Само получилось.

- Сожги цведок, - потребовал Арман.

- Нет, - сказала Юта тихо, но твердо. - У тебя свой волк, но ты же не маленькая девочка. Ты все

твердишь этой древней принцессе: уйди, я тебя не трогал... А ты не гони ее, вспомни все-таки, что там случилось, и тогда...

Арман в два прыжка выскочил из комнаты. Оказавшись на лестнице, куда не достал еще душный запах томника, он крикнул в дверь:

- Перестань разговаривать со мной, как с ребенком! Твой прадедушка еще марал штанишки, когда я похитил ее! Я просто обязан был ее сожрать, а не сумел! Мне двести тридцать два года, я могу за час дотла спалить пять больших деревень... Я могу опустошить столицы трех королевств, но что от этого?

- Камни, - тихо сказала Юта.

За дверью стало тихо.

- Что - камни?

- Которые катятся.

- Откуда...

- Ты же бредил три дня.

- А ты подслушивала?

- А кто бы тебя водичкой поил?

- Водичкой?

Слышно было, как Арман фыркнул. Продолжения беседы не последовало - через пять минут над развалинами башен тяжело поднялся дракон, немного припадающий на одно крыло.

Было тихо и темно, понемногу оплывала свеча, прилепившаяся к стене. Свету от нее было, как от гнилушки в дремучем лесу.

- Ты спи, - в который раз сказала Юта. На коленях у нее лежала бутылка с закупоренным в ней цветком томника.

Арман видел в темноте только ее силуэт - силуэт девушки с распущенными по плечам волосами. Волосы у нее красивые - так мягко струятся, так величественно падают... А лица не видно. Нет, лицо у нее бывает даже симпатичным, веселым и задумчивым... Но сейчас его не видно. Только глаза поблескивают и зубы.

- Ты спи, Арман. И вспоминай тот день.

Тот день... Легко ли - всю жизнь гнать от себя воспоминания, чтобы теперь попытаться призвать их...

- Что ты делал утром?

Утро было серенькое, дождливое, и он решил, что не будет ждать рыцаря-освободителя. Это его первая принцесса, и он сожрет ее сразу. Вот почему утром он с таким трепетом ожидал вечера.

Он еще не привык быть один. Отец его покоился на дне моря, да и дед тоже - почувствовав приближение смерти, старик успел залететь так далеко от берега, как только смог... Арман спустился в подземелье и снова с трепетом прочитал напутствие рода: преуспей в промысле.

- Как ты ее похитил, помнишь?

Просто, быстро и совсем буднично. Она прогуливалась по саду в сопровождении служанки; он схватил было служанку, да вовремя увидел маленькую декоративную корону, венчавшую прическу ее спутницы. Выпущенная на травку, служанка проворно забралась под куст и оттуда кричала: “Вот, вот принцесса! Не я, не я! Вот ее высочество!”

Принцесса не сопротивлялась. Она висела в когтях, как тряпочка, но он все равно нервничал - боялся упустить или придавить слишком сильно.

Корона ее потерялась в поднебесье, рыжие волосы растрепались; он поставил ее на ритуальный стол, как и учил когда-то дед.

- ...Ты спишь, Арман?

- Нет, - отозвался он глухо. - Давай... цветок.

- Сейчас?

- Да.

Юта завозилась, пытаясь вытянуть пробку из пустой бутылки; пробка не поддавалась, и Юта пустила в ход зубы. Наконец раздался негромкий хлопок, и струйка запаха, запаха цветка под названием томник, змеей заструилась из узкого горлышка.

Арману казалось, что он видит эту струйку в темноте. Вот она достигла его лица; он на мгновение задержал дыхание, чтобы в следующую секунду сделать глубокий вдох.

Тошноты не было. Картины из его памяти разом ожили, приблизились, обрели цвет, звук и плоть.

Он видел свои когтистые лапы вблизи ее лица. Лицо было совсем белым, безжизненным, но губы шевелились, и он даже мог различить полустертое слово...

Он хорошо знал, что надо делать дальше. Его изогнутые когти - всего лишь идеальной формы ножи. Его передние зубы остры, как костяные иглы.

От нее пахло томником. Духи "Истома", а может быть, тогда это называлось по-другому. И еще - она была теплая. Он чувствовал это, даже не касаясь ее кожи.

Она всхлипнула - длинно, прерывисто. Одна когтистая лапа протянулась к ее груди...

"Юное существо... дева... венценосная добыча... Да укрепит тебя жизнью своей, и радостью, и младостью"...

...Арман оттолкнул цветок томника и Ютину руку. Его трясло, опустив глаза, он с удивлением разглядел в полутьме собственные колени, подскакивающие, как крышка на кипящем котле - такая их колотила дрожь. Пятки его выбивали по сундуку плясовой ритм, и он ничего не мог с этим поделать.

- Арман? - спросила Юта испуганно.

Он хотел ответить, но чуть не прикусил язык отчаянно лязгающими зубами.

- Ты вспомнил? - Юта старалась не выдавать своего страха. Он помотал головой в темноте.

Мокрый, как мышь, с головы до ног покрытый холодным потом, он слышал, как сердце его, переместившись почему-то к горлу, отстукивает беспорядочную дробь.

- Что же делать? - Юта чуть не плакала. - Тебе плохо? Ну вспомни, постарайся!

Он крепко взял за запястье ее руку, сжимающую цветок. Поднес к своему лицу, снова вдохнул и заставил себя закрыть глаза.

Черно. Черно. Красные пятна. Темень.

...И когти его сомкнулись! Сомкнулись, сжали жертву и поволокли вон...

Он нес ее - о позор! - нес прочь от замка, а она вырывалась, почему-то только сейчас решив сопротивляться. Он принес ее в брошенный песчаный карьер на окраине какого-то поселения, и опустил в размытую дождем глину. А по склону рыжей ямы, липкому, грязному склону скатывались бесформенные комья. Комья глины, всего-то...

-...Арман!

Юта сжимала свечку в кулаке, не замечая потеков горячего воска на пальцах.

- Я испугалась... У тебя было такое лицо...

Соскользнул на пол вялый невзрачный цветок.

Арману было легко, так легко, как в детстве, как в хмельном счастливом сне. Все хорошо, все еще может быть очень неплохо... Кошмар забудется. Комья глины? Скатились, упали на дно, сравнялись с землей... В сознании больше нет занозы, и колоссальная тяжесть рухнула с плеч, придавив мимоходом страх перед Ритуальной комнатой.

Арман глупо рассмеялся, обнял Юту за плечи и по-братски поцеловал ее в щеку, у самого уголка губ.

Она смотрела на него круглыми восхищенными глазами, но в темноте он различал только две светлых искорки.

\* \* \*

На Юту снизошло прозрение.

Труды ее в клинописном зале, дни и ночи при свете дымного факела, воспаленные глаза и озябшие ноги, радости открытий и отчаяние тупиков, и даже та толстая крыса, которая, выскочив однажды из неведомой норы, перепугала принцессу насмерть - все это чудесным образом проросло в Понимание. Взглянув на текст Пророчества, Юта с благоговейным страхом осознала вдруг, что чужие символы понятны ей и она может читать.

Она разволновалась так, что чуть не выронила факел. Потом, будто испугавшись, повернулась и бросилась бежать - прочь из клинописного зала, на поверхность.

Арман не поверил.

Он привык уже к ее фантазиям и не желал ничего слушать. Прочла? Расшифровала? Вытри сначала копать из-под носа, а то извозилась, как мышь в каминной трубе...

Она была на грани гневной истерики, когда он выбрался-таки из удобного кресла и бросил с усмешкой:

- Что ж, покажи...

Набрав факелов, они вместе отправились вниз, и по пути Юта становилась все спокойнее и увереннее, а Арман, напротив, невесть почему разволновался и, ругая себя за пересохшее горло и взмокшие ладони, нервничал все больше и больше.

Пришли.

Плоский, вертикально поставленный камень с начертанным на нем Предсказанием отбрасывал две тени - от Ютино факела и от факела Армана. Начертанные на нем знаки слились в красивую, но неразборчивую вязь - так, во всяком случае, могло показаться неопытному глазу.

Арману так и виделось. Он покосился на принцессу насмешливо и подозрительно.

- Тут не про всех, - сказала Юта шепотом. Сначала - “слава доблестному Сам-Ару”.

- Это понятно, - сказал Арман как мог небрежно, стараясь, чтоб голос его не дрожал. - Это и я могу “расшифровать”.

- А потом, - Юта перевела дыхание, - потом - по номерам... Сорок третий потомок Хар-Анн.

Розыгрыш, подумал Арман. Шутка. Пусть даже Хар-Анн и был сорок третьим потомком - что с того?

- Тут, - Юта кусала губы, - как бы предсказание... предостережение... ты знаешь, что случилось с этим... Хар-Анном?

- Знаю. Но тебе не скажу. Прочитай прорицание.

- Сейчас... Поднеси факел ближе... Значит так... Удача... И еще, кажется, доблесть. Старость, жизнь... А, доживет до старости, если...

Она запнулась. Арман молчал. Потрескивали факелы.

- И это все, предсказательница? - усмехнулся он наконец. Юта обернулась, и он увидел две складочки между ее бровями, придававшие принцессе необыкновенно серьезный вид:

- Тут... Я читаю, но не могу понять. “Предок драконов.” Хар-Анн доживет до старости, если не захочет посетить этого... Предка.

Она замолчала, озабоченная и чуть виноватая. Арман смотрел на нее, на камень за ее спиной, на пляшущие тени - и ощущал благоговейный ужас.

Неужели?

- Предок драконов, - услышал он собственный хриплый голос, - это легендарный Прадракон. Посетить Прадракона - значит, совершить паломничество за море, в страну, откуда, по преданию, явились прародители. Хар-Анн, сорок третий в роду, не вернулся из такого паломничества, и вообще мало кто вернулся из него... - он перевел дыхание. - А теперь скажи, откуда тебе об этом известно? Я рассказывал или прочитала где-то?

- Прочитала, - сказала Юта тихо. - Здесь.

Арман окинул покрытый письменами камень долгим недоверчивым взглядом. Коротко потребовал:

- Читай дальше.

Юта прокашлялась. Подалась вперед, шевеля губами. Пробормотала наконец:

- Значит, Хар-Анн доживет до старости, если не... отправится в паломничество. Дальше - сорок девятый потомок, Лир-Ир. Этому... суждено несчастье.

Стало тихо.

- Все? - спросил Арман после паузы.

- Все, - кивнула Юта. - Что с ним случилось?

- Погиб в юности, едва успев победить в схватке младшего брата. Разбился о скалу. Лихач был и забияка.

- Ясно... Арман, а ты знаешь все о каждом из двухсот своих предков?

Он стоял, опустив факел, и глаза его смотрели мимо Юты, через ее плечо, на причудливо изукрашенный камень.

Значит, это правда. Он осознал это внезапно и с опозданием, и весь его опыт возмущенно сопротивлялся такому осознанию, но Прорицание - вот оно. А вот девчонка с радостно посверкивающими глазами, а ведь он смеялся над ней, когда на стену у камина углем наносились знаки "небо", "несчастье", "радость", "смерть"...

- Ты действительно прочитала это? - спросил он шепотом.

- А я тебе о чем твержу! - воскликнула она нетерпеливо, явно не понимая невероятности собственного открытия. - Смотрим дальше: пятьдесят восьмой потомок... Сан-Ир. Здесь знак смерти... Рано... А, наверное, рано умрет, раньше времени, если... будет непочтителен с... отцом отца отца... прадедом, что ли?

Она вопросительно воззрелась на Армана, ожидая рассказа о судьбе Сан-Ира, но Арман молчал, водя рукой по письменам и повторяя пальцем их очертания. Наконец, Юта услышала приглушенное:

- Не верю. Покажи, как ты это делаешь.

Она тряхнула головой - несколько раздраженно. Указала на вереницу сложных знаков энергичным жестом школьной учительницы:

- Палочки - это цифра. Я научилась разбирать цифры сразу же, там в глубине зала есть колонна, где числа написаны и по-нашему, и по-древнему... Здесь - пятьдесят пятый потомок... Имена пишутся похоже, присмотришься, и сам разберешь: Зар-Ар... Тройная птичка - "будет". Эти петельки - "смерть".

Лицо Армана казалось безучастным, но принцесса, успевшая узнать его достаточно хорошо, без труда угадала скрываемую за этой безучастностью бурю Армановых чувств.

- Вот забавно, да? - спросила она небрежно. За все насмешки и подначки был теперь взят блистательный реванш, и Юта упивалась победой, когда Арман спохватился вдруг:

- Смерть? Зар-Ару - смерть? Но ведь он правнуков пережил и умер в дряхлости и довольстве!

Юта поперхнулась, наклонилась ближе к камню, быстро зашевелила губами, обернулась. Круглые глаза ее светились восторгом первооткрытия:

- Тут есть условие! Зар-Ар умрет, если... Видишь, черточка вверху - это "если". Если... на крыло его сядет... птица... белая... Я этого знака не знаю, чайка, что ли? Белая чайка... А чайка-то и не села, вот он и дожил до старости!

- Читай дальше! - снова потребовал Арман. Юта часто замигала, ближе поднесла факел, хлопнула по камню ладошкой, будто стряхивая невидимую пыль... И вдруг замерла. Он увидел, как поникли вдруг ее узкие плечи.

- Арман, - сказала она, не оборачиваясь, и в голосе ее не было уже ни радости, ни веселого напора. - Это можно читать много дней подряд. Но последние строки...

Она нерешительно замолчала. Он понял.

- О двести первом потомке? - во рту у него пересохло.

Она кивнула, по-прежнему на него не глядя.

- Ты хочешь прочесть сейчас? - спросил он шепотом.

Она медленно обернулась. Нет, она не хотела - иначе откуда эта совершенно мертвенная бледность, различимая, наверное, даже в полной чернильной темноте?

- Решай сам... Твой замок, твоё подземелье... Твои предки... Судьба, между прочим, тоже твоя...

- Раньше ты говорила, что там сказано о тебе тоже.

Она облизала губы. Кивнула:

- Если тут есть даже о чайке... Жить дракону или умереть - зависит от глупой птицы, которая то ли сядет ему на крыло, то ли не сядет. А я не чайка. Я - человек.

- Человек, - отозвался он бессмысленно, как эхо.

Принцесса вдруг выдохнула:

- Знаешь, давай-ка выберемся из этой сырости наверх... Поужинаем... Я, кажется, есть хочу... Ну и решим... Надо нам это читать или нет... Можем вернуться завтра, можем вообще не прийти... Тысячелетия этот камень ждал нас - подождет еще. А?

Он отрешенно кивнул.

Повернувшись к плоской глыбе спиной, они зашагали прочь. Тяжелые, испещренные текстами колонны выныривали из темноты, как некие окаменевшие чудовища, чтобы тут же снова провалиться во мрак. Тени их, черные, пляшущие, прятались за их грузными каменными телами, как, по преданию, лесные духи прячутся за стволами деревьев.

Оба молчали. Из невидимого коридора впереди едва ощутимо потянуло сквозняком.

Арман приостановился, будто в нерешительности:

- Зачем нужны пророчества, Юта?

- Откуда мне знать? - отозвалась она глухо. - Нам не так-то много известно... Но у людей, я знаю, пророков не любят.

Над головами их скользнула летучая мышь.

- Понимаешь, - сказала Юта тихо, - пророчества ведь тоже разные... Одно приказывает: то-то и то-то случится непременно, хоть из шкуры лезь... Другое... Другое говорит: случится, если... И тогда от тебя тоже что-то зависит. Понимаешь?

- Чего уж тут непонятого, - Арман качнул факелом, метнулись тени.

Юта помолчала. Усмехнулась вдруг:

- А то у нас по королевству шляется один... Вроде странник, какой-то отшельник из норы... Все предвещал: мор, пожар и землетрясение, королевский дворец в пятницу в землю ухнет... И ни-че-го! Урожай, солнышко и хорошая погода.

Он кружил над морем и день, и вечер, и Юта, обеспокоившись, поднялась на башню с факелом... Утром он сказал, чуть усмехнувшись:

- Я предопределил это, когда принес в замок вещунью.

Помолчали.

- Все? - спросила Юта.

- Все, - Арман вздохнул. - Дракону не пристало прятать голову под крыло, подобно петуху...

- Курице.

- Курице. Тем более. Дракону не пристало. Дракону и... мужчине. Пойдем, посмотрим, что там нацарапано.

Касаясь друг друга локтями, но стараясь не встречаться взглядами, они побрели в подземелье - туда, где поднимался на дыбы плоский камень, покрытый письменами.

Текст обрывался всего в пальце от каменного пола - Юте пришлось встать на колени, почти

лечь. Арман держал над ее головой оба факела.

- Твой дед... - начала Юта потухшим голосом, - Ард-Ир... Слава в молодости, потом испытания... Его потомство... похоже, принесет ему горе. Умрет в старости, но будет несчастен.

- Все верно, - шепотом подтвердил Арман.

Юта завозилась на каменном полу, и Арман увидел, что она зажимает последние строки ладошкой, прячет от себя, старается смотреть в сторону:

- Дальше твой отец, Акр-Анн... Злая судьба... Горе при жизни... Смерть от небесного огня.

- Все правильно, - голос Армана похож был на деревянный стук. - Читай дальше.

Юта прерывисто вздохнула, резко отняла руку от камня.

- Двести первый потомок, Арм-Анн... - она говорила даже решительнее, чем сама от себя могла ожидать. - Двести первый... - и замолчала. Низко-низко наклонилась над полом, подметая холодные плиты пышными волосами, почти касаясь пророчества кончиком носа.

- Ну? - спросил Арман хрипло.

Она подняла на него круглые, сумасшедшие, совершенно счастливые глаза:

- Радость и счастье! Негодяй ты драконий, дурья башка, змеюка с крыльями, камин летающий! Долгие годы жизни... В ранней юности - метания и тревоги, но только в ранней! Потом - любовь... Я даже знак этот разобрала не сразу, перепугалась, тут так редко эта любовь встречается... Любовь, удача, покой, радость, благополучие... Умрешь совсем-совсем стареньким, если... - она набрала побольше воздуха, и Арман, успевший похолодеть, вставил в эту паузу:

- Если?!

Юта пренебрежительно махнула рукой:

- Конечно, есть условие... Тут везде условия... Чайка сядет - не сядет...

- Ну?!

- Условие - не водиться с порождениями моря. Погоди-ка, сейчас скажу точно... - Она

снова склонилась, разбирая текст. - Не связываться. Не дружить. Не ссориться. Ничего не делить...  
Порождения моря - это кто?

Арман смеялся. Он смеялся так счастливо, как никогда в жизни, даже в детстве, и каменный зал ухал ему в ответ удивленным эхом.

- Да это же... Юта, глупая... Это же для всех драконов заповедь... Остерегаться потомков Юкки...  
Тоже мне, условие...

Он заливался и закатывался, и принцесса впервые видела, как он смеется. Она смотрела на него снизу, с холодного пола, и он, освещенный двумя факелами с двух сторон, вдруг показался ей таким же вечным и несокрушимым, как море или солнце. Что люди? Родятся-умрут, а что за существо несет свой рок через тысячелетия, и чье рождение предваряет бесконечная череда предков, таких же мощных и могущественных? Что для мира она, Юта, и что - Арм-Анн... С ним не сравнится ни один король и ни один колдун, а он приносит с охоты диких коз и пишет трехстишия, и вот теперь...

Мысли ее были прерваны неожиданным образом. Арман отбросил один факел и освободившейся рукой поднял ее с пола, ухватил поперек туловища и забросил на плечо:

- Ну-ка... Я твой должник, принцесса. Выполняю желание. Чего хочешь?

Он уже волок ее к выходу, факел прыгал и качался, и Юта прыгала и качалась на его плече, цеплялась за одежду, колотила кулачком в твердую от мышц спину:

- Отпусти!

- Это твое желание?

- Нет!

- Выполняю только одно! Думай!

Приземистые колонны мелькали справа и слева, Арман шагал легко, будто не человека нес, а белку или котенка. Юта понемногу затихла, устроившись поудобнее, ткнувшись щекой в Арманову шею...

Когда вышли на поверхность, прошептала ему в самое ухо:  
- Покатай меня на спине. Пожалуйста, Арман! Ты обещал.

\* \* \*

Тяжесть ее была неощутима, но костистый гребень вдоль спины, окаменевший и почти лишенный чувствительности, содрогался от непривычного прикосновения. Принцесса сидела у дракона на холке, привязавшись тремя крепкими веревками.

Он поднимался неспешно, кругами; день был тихий, безветренный, но в поднебесье холодно - он заставил Юту натянуть на себя все тряпки, которые только нашлись в замке. Теперь, в небе, он постоянно находился в напряжении - не слишком ли резко взмахивают кожистые крылья, не ранит ли принцессу ороговевшая чешуя, не закружится ли голова? Подсознательно он каждую секунду готов был кинуться вниз вслед за свалившейся всадницей.

Принцесса поначалу притихла; может быть, ей неприятно было воспоминание о путешествии в драконьих когтях? Как ни вслушивался Арман, преодолевая шум ветра в ушах - ни звука. Обеспокоенный, он то и дело поворачивал клыкастую голову на длинной шее - но принцессу удавалось увидеть лишь мельком, боковым зрением. Она будто застыла, прижавшись к ороговевшим пластинам на его шкуре.

Потом он спиной ощутил некую возню, шевеление, и, наконец, сквозь рев ветра пробился длинный восторженный клич.

В том, что клич был именно восторженный, сомнений быть не могло. У Армана отлегло от сердца; уже не так осторожничая, он принялся кругами набирать высоту.

Берег уходил вдаль изломанной зубчатой линией; прибой казался кокетливой кружевной оторочкой на кромке моря, а само море, выгибающееся на горизонте дугой, было подобно смирному,

расслабленно развалившемся зверю; далеко-далеко белел парус.

Арман повернул - и перед глазами оказался длинный серп скалистого полуострова с развалинами замка на самом краю. Еще поворот - замок показался другой стороной, отчаяно тянулись в небо уцелевшие башни, чернела дыра - Драконьи Врата. Снова берег, и дальше, в острых камнях, остов погибшего судна - обнаженные мачты торчат, как иглы дохлого ежа.

Земля качнулась. Арман отвернул от берега и направился в море, навстречу низкому вечернему солнцу, прямо по искрящейся дорожке света на невидимых сверху волнах. Крики восторга стали громче.

А ведь он никогда не задумывался, что может испытать тот, кто поднялся в небо впервые. Именно впервые, вряд ли стоит принимать во внимание то сумасшедшее путешествие в судорожно стиснутых когтях... Сам он не помнил своих первых полетов - они принимались, как нечто само собой разумеющееся, даже тягостное. И сейчас, повинаясь внезапному наитию, он вдруг увидел небо и землю глазами принцессы Юты. Он увидел, и радостное потрясение едва не исторгло из его глотки столб пламени.

В небо - свечкой. Юту вдавило в панцирь, ветер вздыбился тугой и холодной стенкой, так, что перехватило дыхание. Пальцы ее изо всех сил цеплялись за драконий гребень, три веревки натянулись, удерживая принцессу в костяном седле... Море опрокинулось, как блюдо, и ухнуло вниз; в голове, перемежаемые звоном, заворочались когда-то слышанные строки: “Будто случайно оброненный кубок... Земля ускользает...”

На секунду все пропало, заволокло туманом, Юта закашлялась, но в следующее мгновение туман уже остался внизу - облаком, маленьким круглым облаком. Сверху оно виделось комочком туго взбитой пены в чашке брадобрея. Поворот - и дракон снова нырнул в него, как в вату, прошел сверху донизу, и Юта успела удивиться - почему же облако не мягкое и не теплое наощупь...

Дракон распластался, раскинув крылья. Замерев, стал соскальзывать по наклонной линии, и

Юта снова увидела впереди землю, на этот раз - коричневую, каменистую, кое-где поросшую бурими кустами. Среди камней и кустов панически метались белые спины диких коз.

Дракон скользил и скользил, и крылья его чуть вздрагивали, ловя потоки теплого воздуха; Юта ощутила вдруг, как тело ее теряет вес, как, невесомые, взлетают над головой волосы, и вот уже не принцесса - новое крылатое существо парит у дракона за спиной...

Арман спускался все ниже и ниже, кусты и редкие деревца пригибались от ветра, сравнимого разве что с диким ураганом; взметались в воздух целые комья земли, летели оборванные листья, козы разбегались по равнине, как бумажные шарики, гонимые сквозняком. Юту окатывали волны резкого драконьего запаха - запаха могучего, разгоряченного ящера. Почти коснувшись крыльями травы, Арман снова взмыл в небо.

Солнце клонилось к западу; туда, куда оно собиралось сесть, стянулись в ожидании тонкие, прозрачные вечерние облака. Опускаясь, остывающий диск закутался в розовую ткань; небо, золотое над западным горизонтом, оставалось холодным, фиолетовым на востоке - за Ютиной спиной. С изменением освещения изменился мир.

Солнце село, из-за зубчатого гребня скал ударил вдруг последний луч - тугой и зеленый, как стебель весенней травки. “Вот и вечер”, - подумала Юта отрешенно.

Она не помнила, сколько прошло времени. Она почти забыла свое имя. Мысль о том, что можно жить, не поднимаясь в небо, была дикой и кошунственной, а сама она - девочка, выросшая во дворце, девушка, похищенная драконом, Юта-до-полета - казалась теперь Юте-после-полета другим, почти незнакомым человеком.

Арман куда-то летел - принцесса уже не понимала, куда. Небо гасло, и гасло море, и над далекой дугой горизонта поднималась луна, оранжевая, как апельсин. От луны по воде разбегалась дорожка - как от солнца, но мягче, таинственнее.

Дракон описал круг над чем-то, хорошо ему заметным, и снова-таки кругами пошел

снижаться.

Юта увидела, что под ними не замок - замок маячил в отдалении, маленький, но отлично различимый. Арман спускался на скалы, но у принцессы не доставало сил удивляться - она вдруг почувствовала свою полную опустошенность.

Толчок - когтистые лапы заскрежетали на камнях. Дракон опустился в ложбинку, устроился надежно, прижал к бокам кожистые крылья и вопросительно покосился на Юту, так и застывшую у него на холке.

Она сидела, бледная, потрясенная, не разжимая пальцев и не закрывая рта - ему пришлось немного встряхнуться, чтобы объяснить принцессе свое желание освободиться от всадницы.

Это оказалось не так просто; пальцы ее оковенели, а она и не заметила. Теперь, согревая их во рту, сгибая с трудом и разгибая со стоном, путаясь в трех веревках и пытаясь ослабить затянувшиеся узлы, она ощущала, как немилосердно горит обветрившееся лицо.

Арман покорно ждал, пока она освободится и спустится. Наконец, нога ее скользнула, ища опоры, по драконьему боку, нащупала выступающий край чешуйки - и сама принцесса Юта съехала на животе прямо под Арманово брюхо.

Осторожно переступая, он отошел в сторону и обернулся человеком - принцесса даже “Ах” не успела вымолвить.

- Понравилось? - спросил он, по-хозяйски сматывая веревки. Он не казался усталым или запыхавшимся, и голос его хрипел ни больше обычного.

Принцесса длинно вздохнула. Попыталась подняться на ноги - и снова уселась среди камней. Не находя слов, развела дрожащими руками:

- Арма... Как ты... Какой ты.

Возможно, она хотела сказать, что по-настоящему появилась на свет только сегодня. Может быть, ей хотелось узнать, зачем крылатые существа вообще возвращаются на землю. А может, она

попыталась сообщить о том, что стала совсем другим человеком - Арману оставалось только гадать, потому что вместо всего этого с принцессиных губ слетали нечленораздельные, исполненные восторга звуки, а руки бессознательно обнимали воздух, напоминая о рыбаке, который хвастает уловом.

Излив, наконец, свои чувства и немного успокоившись, принцесса оглянулась, пробежав взглядом по зубчатому краю скал, окружавших ложбинку:

- А где... мы? Зачем?

Он без слов протянул ей руку. Привыкшая доверять ему - а может быть, просто очень уставшая - она удержалась от вопросов до того самого момента, когда вдвоем они вскарабкались на средней высоты скалу и снова увидели замок, море и поднимающуюся луну.

- Смотри... - Арман показывал куда-то в сторону. Присмотревшись, она увидела необъятных размеров корзину, полную чего-то белого, ясно различимого в наступающих сумерках.

- Гнездо калидонов, - усмехнулся Арман. - Они вылетели. Я сверху увидел, гнездо теперь пустует... До весны...

Юта стояла, не в состоянии уже удивляться. Ей было холодно, она вздрагивала, обнимая плечи и пытаясь унять дрожь.

Гнездо было размером с небольшую площадь, круглое, с высокими краями, сложенными из целиком выкорчеванных кустов. Дно гнезда неразлично было под белым покрывалом. Белые груды, подобно огромным сугробам, тут и там разбросаны были в камнях.

Юта разлепила растрескавшиеся губы и слабо спросила:

- Что это... там? Помет?

Арман негодуяюще фыркнул.

Она едва поспевала за ним, перескакивая с камня на камень. Он посадил ее на кромку гнезда; сухие ветки затрещали, но выдержали. Вряд ли птенец калидона мог весить больше принцессы Юты.

Еще шаг - и она по колени погрузилась в мягкое, теплое, ослепительно белое.

Калидоний пух!

Юта шагнула еще раз - и упала. Пух обнял ее, обволок, мгновенно согрел; она перевернулась на спину - и увидела, как в темнеющем небе кружатся пушинки, поднятые в воздух ее падением.

- Балуют они птенцов, - сказал где-то рядом невидимый Арман. - Те, правда, вылупливаются совсем слабыми, голенькими... Осеннее гнездо калидонов - что может быть лучше? Потом дожди пойдут, пух намокнет, свалется...

Юта вспомнила няньку принцессы Май. Та все твердила, что послушные девочки после смерти будут гулять в облаках...

- Может быть, я умерла, Арман? - спросила она озадаченно.

Тот, явно сбитый с толку, переспросил после паузы:

- Что?

- Правда, я не очень-то послушная... - пробормотала Юта, закрывая глаза.

Луна поднималась - Юта уже могла видеть ее, лежа на спине. Высыпали звезды; длинным облаком серебрилась Медовая дорога. Пух в воздухе все держался, все не опадал, и лунный свет делал каждую пушинку подобной звезде.

Юта давно перестала различать, где сон, где явь. Белый пух глушил звуки, каждое движение вызывало к жизни звездную метель... Юта поднялась на локтях, потом встала.

Луна светила ярко, гнездо помещалось на вершине скалистого гребня, и все ущелья вокруг были залиты матовым белым светом. Тем чернее были изломанные тени и далекий, будто из картона вырезанный, замок, тем глубже - темное небо...

Юта повернула голову. В нескольких шагах стоял Арман.

Он был частью этого фантастического ночного мира, силуэт его был подобен силуэту замка вдалеке, и стоял он совершенно неподвижно, подняв лицо, будто заглядывая небу в глаза.

Юта шагнула - взвилась в небо невесомые хлопья. Принцесса оробела и остановилась.

- Видишь вон те три звездочки? - спросил Арман у неба. - Это называется - Венец Прадракона...  
Посмотри, Юта, сегодня особенно ярко...

И он протянул ввысь руку - указал длинным тонким пальцем.

Юта смотрела на звезды - но видела только его руку. Чтобы справиться со смущением, хрипловато ответила невпопад:

- У нас и нет... Таких созвездий... У нас просто - Улитка... Пчела... Хохолок Удада... Белая Кошка...

Арман, кажется, удивился. Обернулся к Юте - и она увидела, как в глазах у него мягко отражается луна. Спросил недоверчиво:

- Улитка? Пчела?

- Еще Утиные Лапки... Сова...

Блеснули белые зубы - Арман улыбнулся:

- Забавно... - и снова обернулся к небу, поднял руку, будто призывая в свидетели:

- Смотри... Вот Поединок Драконов... Вот Горящий Гребень... А там, над морем, поднимается Победитель Юкки... Только его еще не полностью видно. Пять звездочек взошли, а три пока за горизонтом...

- Ты будешь жить долго и счастливо, - сказала Юта ни с того, ни с сего.

Арман вздохнул. Оторвался от неба. Без улыбки заглянул Юте в лицо:

- Ты тоже.

Она попыталась пошутить:

- Но про меня ведь ничего не сказано... В пророчестве...

Он по-прежнему смотрел совершенно серьезно:

- Сказано.

Пух, оседая, опускался им на плечи. На фоне широкого лунного диска возник черный силуэт

нетопыря. Взмахнул крыльями, пропал.

- Мы в облаке, - сказала Юта. - Мы без спросу забрались в облака. Хотя нет, в облаке холодно и вовсе не так уютно... По-твоему, калидоны не вернуться?

- В этой жизни, - отозвался Арман немного насмешливо, - ничто просто так не возвращается.

Ее ноги ослабели, и она снова опустилась в белую перину. На луну набежало облачко, звезды вспыхнули ярче. Ютины глаза не видели Армана, но что-то другое, не зрение, точно знало, что он стоит в двух шагах и смотрит на море.

- Арман... Теперь я понимаю... Я по ошибке родилась среди людей... Я должна была... Родиться среди драконов...

Он улыбнулся - насмешливо и вместе с тем печально, Юта не видела его улыбки, но знала, что он улыбается.

- Среди драконов, - сказал он медленно, - уже давно никто не рождается.

Луна не спешила выбираться из тучки. Продолговатая Медовая Дорога казалась вторым гнездом калидона - но на небе.

- У нас эта туманность называется Медовая Дорога, - прошептала Юта. - А у вас?

- У нас... - помолчав, отозвался Арман, - она называется Огненное Дыхание.

Он опустился в пену пуха - Юта не видела, но точно знала. Поднялось почти невидимое без лунного света облачко.

Не ведая, зачем, Юта погрузила в пух свои руки - до плечей. Левая рука, пробираясь сквозь теплое и мягкое, вдруг встретилась с холодными и жесткими пальцами.

Принцесса замерла. От этого прикосновения, ожидаемого и внезапного, забегали по спине полчища мурашек, а сердце, и без того беспокойное, вдруг сорвалось с цепи и заколотилось так, что новые пушинки взвились в воздух без видимой на то причины. Юте показалось почему-то, что это прикосновение важнее, чем прогулка на спине дракона, важнее всех калидонных гнезд и всех созвездий

мира, но рука ее онемела и перестала слушаться.

Неспешно вышла из облака круглая луна.

Бессмысленно глядя на нее широко раскрытыми глазами, Юта чувствовала, как пальцы Армана осторожно сжимают ее ладонь.

Чуть-чуть. Очень бережно. Очень нежно.

А потом отпускают.

Ютина рука мечется в толще пуха, потерянная, как заблудившийся ребенок. И когда она теряет надежду - прохладные пальцы встречают ее снова. И девушка замирает, чувствуя, какой влажной и горячей становится вдруг ее ладонь...

Юте хотелось, чтобы игра эта длилась вечно. Но рука Армана, сжав ее пальцы сильнее обычного, будто прощаясь, вдруг ушла прочь. Сам он, беззвучно оказавшись рядом, прикрыл ее плечи теплой охапкой пуха:

- Спи... Скоро утро...

Будто стряхивая запутавшиеся в волосах пушинки, провел по ее волосам. Мельком коснулся щеки...

Отнял руку.

И, засыпая в тревоге и надежде, она видела его тень, замершую на скалистой вершине. Арман смотрел на звезды, будто испрашивая у них совета.

\* \* \*

Утром он принес принцессу в замок. Нести пришлось в когтях - иначе как бы удалось высадить ее на вершине башни? Он осторожно поставил ее на окруженную зубцами площадку, и она тут же присела, втянув голову в плечи - такой ураган устроили его крылья.

Он поднялся выше - принцесса выпрямилась и стояла неподвижно, отрешенная, какая-то потерянная. Запрокинув лицо, она смотрела снизу на летящего ящера. Глаз ее Арман не видел.

Он устремился к Драконьим Вратам, и черный коридор, ведущий в замок, показался ему длинным как никогда. Приняв человеческое обличье, он поспешил наверх - но с каждым шагом шел все медленнее и медленнее, пока, наконец, не остановился.

В ушах его все еще ревел ветер высоты, а перед глазами сиял небесный Венец Прадракона, пальцы его не забыли ни горячей ладошки в толще птичьего пуха, ни густых растрепанных волос, прикрывающих теплое ухо, ни щеки - гладкой, как вылизанный морем камушек. Он еще жил памятью минувшей ночи - но уже ныли виски, и глубоко внутри груди рождалось тяжелое и холодное, как камень клинописного зала, предчувствие.

Он заставил себя продолжать путь. В зале с камином его встретила Юта.

К ее черному свободному балахону пристали пушинки, сделав принцессу похожей на карту звездного неба. Все еще отрешенная, потерянная, она шагнула ему навстречу - и остановилась, будто не решаясь подойти.

Может быть, она ждала от него каких-то слов. А может быть, ей доставляло удовольствие просто молчать, выпутывая из волос белые шарики и то и дело опуская ресницы?

Он стоял и молча смотрел, пытаясь понять - что изменилось? А ведь перемена произошла, и сейчас, на его глазах, еще продолжалась - на смену растерянности приходило новое, а он, смятенный, пока не понимал, что именно...

Он шумно вздохнул. Попробовал улыбнуться:

- Ты... Тебе не холодно?

Она отрицательно покачала головой. Арман не знал, что говорить дальше.

Тогда она отвела с лица волосы и улыбнулась. Такой улыбки у нее Арман еще не видел - она сделала Ютино лицо не просто привлекательным - милым.

Ему вдруг открылось, что за новая перемена случилась с Ютой на его глазах. Принцесса просто спокойно приняла все происшедшее - как неизбежное, как естественное, как единственно возможное развитие событий.

- Ты, наверное, хочешь отдохнуть? - спросила она радушно. - Я соберу завтрак, а ты, пожалуй, отдохни... Я позову тебя. Да?

Как просто, подумал Арман. Как просто эта девочка разрешает все вопросы. Бесхитростно и мудро, как... женщина.

- Да, - сказал он хрипло. - Позови.

Она улыбалась ему вслед.

Он брел коридорами, а в ушах у него повторялось и повторялось спокойное, благожелательное: “Я соберу завтрак... А ты отдохни”.

Они будут жить долго - до самой Ютиной старости. Пророчество в клинописном зале позволило ему счастье, даже предписало, поместив рядом с его именем слово “любовь”, слово, которое так редко встречается в древних текстах... Он будет носить ее над морем... Придет и уйдет зима, и снова придет, и, возможно - чем горгулья не шутит - у них будет... страшно подумать, но вдруг все-таки это возможно?... будет ребенок...

Арман свернул, и новый коридор вдруг обернулся тупиком. Ишь, куда занесло, это же Северная башня, развалина, и ход туда замурован...

Он стоял лицом к лицу с влажной стеной, сложенной из крупных, грубо отесанных валунов. Тот камень, что поселился утром в его душе, был им сродни - такой же тяжелый и холодный.

Так всегда бывает. Мысли и мечты, целая вереница планов - пока не утыкаешься носом в глухую каменную стену.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть лаково поблескивающих глыб. Нет такого закона, чтобы позволил человеческой дочери вступить в союз с драконом, пусть даже оборотнем. Двести поколений

его предков, с которыми его примирили было слова Пророчества, двести поколений яростных, непримиримых ящеров поднимутся со дна моря, чтобы помешать такому союзу. Три королевства объединяться армией против такого союза. Проклятье придавит замок, и он погребет под собой отступников, послушников, выроdkов...

Выроdkов? Он вздрогнул.

Хорошо, положим, что двести поколений уже не имеют власти над взбунтовавшимся последним потомком... Могучие корни давно усохли, последний листок сорвался с дерева и летит по воле ветра, которую ему нравится считать собственной волей... Пусть три королевства никогда ничего не узнают, пусть Юта добровольно и навсегда откажется от родных... Пусть так, но всю жизнь, всю человеческую жизнь провести в холодном и неустроенном замке? Не увидеть ни одного лица, кроме давно и до мелочей знакомого лица Армана? Проводить бесконечные часы перед мутным магическим зеркалом, по крупицам вымаливая у него то, что все люди имеют в избытке и даже не замечают этого? И, наконец, состариться рядом с огнедышащим ящером, который и через сто лет вряд ли сильно изменится... Не будет у них ребенка, это самообман... Юте некого будет баюкать и учить ходить. Она осознает свое одиночество...

Он повернулся и, как слепой, побрел обратно.

Он дракон и мужчина. Он должен решать. Решать сейчас, или жизнь сделается невыносимой...

- Арма-ан!

Она тщательно причесалась и повязала голову шнурком, подпоясалась самодельным передником - хозяйка, да и только:

- А я тебя ищу-ищу...

Он отвернулся, чтобы не видеть ее сияющих глаз. Решать - сейчас. Если тянуть дальше, может не хватить духу.

Сказал в стену:

- Извини. Мне надо улететь. Наверное, надолго.

## VIII

Я силился жажду песком утолить,  
И море пытался поджечь.  
Мечтал я тебя позабыть.

### Арм-Анн

Король Контестар Тридцать Девятый, высокий, но преждевременно сторбленный недугом старик, нашел в себе силы поприсутствовать на судебном заседании. Тяжело опираясь на руку принца Остина - своего единственного сына и наследника - он медленно прошествовал по устланому коврами помосту и с трудом опустился в глубокое кресло.

С давних пор король Контестарии являлся к тому же судьей; время от времени ему приходилось публично разбирать тяжбы и выносить приговоры. Но ни для кого не было секретом, что Контестару Тридцать Девятому уже не по силам справляться с этой обязанностью, и он хочет передать ее сыну.

Королю оставалось жить на земле считанные недели. Болезнь грызла его изнутри, намереваясь покинуть его тело только вместе с жизнью; разум же оставался, на счастье, столь же светел, как прежде, и лицо, изуродованное страданием, по-прежнему носило печать благородства. Король откинулся на спинку кресла и обвел взглядом притихшую площадь.

Народу собралось видимо-невидимо - не столько из-за предстоящего судебного разбирательства, сколько в надежде посмотреть на старого короля - возможно, в последний раз. Отцы поднимали детишек повыше, чтобы те, повзрослев, могли сказать своим детям: “Я видел короля Контестара незадолго до

его смерти!”

Остин, высокий, поджарый, весь как-то заматеревший за последние месяцы, опустился перед креслом на одно колено. Король протянул дрожащую руку и возложил на плечи сына ленту сухой змеиной кожи - символ правосудия. Таким образом он как бы благославлял его вести сегодняшнее судебное заседание.

Остин поднялся. Змеиная кожа спускалась ему на грудь двумя изумрудными полосами. Обличенный властью, он стал за спинкой кресла, и в тот же момент площадь разразилась приветственными криками. Люди радовались, что на смену старому и мудрому Контестару придет достойный наследник - молодой, сильный и доблестный. Горожанки, молодые и зрелые, заливались к тому же кокетливым румянцем - ну до чего ж красив!

Стражники звякнули копьями - судебное слушанье началось.

Первыми перед помостом предстали шестеро почтенного вида крестьян. В толпе удивились - что могли натворить столь достойные старцы? Оказалось, впрочем, что старцы пришли с челобитной - просили облегчить непосильный груз налогов, взимаемых с крестьянских общин. Ничего удивительного в этой просьбе не было - без просьб о снижении налогов не обходилось обычно ни одно судебное заседание, хотя очень немногие просители добивались успеха. Стража, ожидая команды, изготовилась отеснить хлебопашцев в сторону - но тут заговорил принц Остин.

Он говорил, не повышая голоса, но вся площадь прекрасно слышала каждое его слово. Он напоминал, что не так давно лесные дороги были практически непроходимы - столько разбойников завелось в округе. Он перечислил по названиям все торговые корабли, ставшие жертвой пиратов в позапрошлом году. Он спрашивал - почему лесные дороги теперь безопасны? Почему пираты ушли от Контестарских берегов? Не потому ли, что вооруженные патрули днем и ночью сторожат спокойный сон сограждан? Не потому ли, что береговая охрана поймала и повесила троих самых отчаянных пиратских капитанов?

Он говорил просто и убедительно. Где взять деньги на содержание патрулей и береговой охраны? Разве деньги почтенных хлебопашцев идут не на то, чтобы их же, хлебопашцев, обезопасить? Может быть, они предпочтут отдать налог разбойнику - только гораздо больший и подчас вместе с жизнью? А ведь где-то в горах живут еще драконы, а в море, возможно, не перевелись морские чудовища... На них ведь тоже должна быть управа!

С каждым словом принца почтенные хлебопашцы сникали все больше и больше. Наконец, полностью осознав себя шкурниками и скупердяями, они сочли за благо поскорее смешаться с толпой. Толпа радостно загудела - принц говорил хорошо.

Остин потрогал змеиную кожу, лентой свисавшую ему на грудь, и невольно улыбнулся.

Следующим делом была тяжба. Спорили два мелких барончика, которые никак не могли провести границу между своими владениями - каждый норовил урвать кусок у соседа.

Спорщики притащили на заседание старинную карту, вышитую гладью на огромном полотнище шелка. Карта изрядно вылиняла, а на сгибах и протерлась, но все еще можно было разглядеть кокетливую рамку, розового голубка в ее правом верхнем углу, а также два поместья, холм, речушку и лесок. Границы между землями двух хозяев на карте не значилось - вместо нее ключьями свисали вырванные нитки.

- Смееу обратить внимание вашего высочества на следующий факт... - в руках судящихся замелькали пожелтевшие свитки бумаги. - Племянник моего деда заверил свое право...

- Однако более ранний документ, ваше высочество... Помолчите, вы, индюк...

- Я индюк?!

Бароны надрывали глотки, тыча пальцами в искусную вышивку, всячески понося друг друга и время от времени взывая к справедливости короля.

Остин, кажется, смутился. Каждый из баронов был по-своему прав. Уловив его колебание, спорщики удвоили усилия. Из карты полетели нитки. Толпа заулюлюкала.

Старый король болезненно поморщился и едва заметно кивнул головой. Остин наклонился к его лицу, и губы Контестара шевельнулись. Он что-то медленно и вятно говорил сыну, и на время, пока принц Остин не отодвинул свое ухо от его губ, на площади установилась относительная тишина - даже бароны примолкли.

Остин выпрямился. Окинул спорщиков длинным серьезным взглядом. Громко велел принести чернила.

Чернила нашлись тут же - их выхватили из-под носа удивленного писца. Остин кивнул - слуга поставил баночку на край помоста, прямо перед баронами.

- Опустите палец в чернила, - велел Остин первому спорщику.

Тот удивился, посмотрел на свою руку, на чернильницу - и осторожно просунул в узкое горлышко холеный розовый мизинец.

- Так, - сказал Остин. - Теперь нарисуйте на карте границу владений вашего соседа.

Мстительная улыбка растянула бароновы губы. Хищно шевеля ноздрями, он двинулся к карте - четверо слуг держали ее развернутой, как флаг. Барон взмахнул выпачканным в чернилах мизинцем - и на карте появилась граница, сужающая владения соперника на треть.

- Очень хорошо, - терпеливо сказал Остин. И кивнул второму, приунывшему барону: - Теперь вы.

Тот, обрадованный, подскочил к чернильнице и едва не опрокинул ее, сунув в чернила указательный палец. Бегом поспешив к карте, второй барон отомстил первому, нарисовав такую границу, которая не оставляла сопернику почти ничего.

- Очень хорошо, - снова сказал Остин. - Слушайте решение суда. Мнения обеих сторон принято во внимание, тяжба разрешена, - Остин обвел взглядом площадь, спорщики тяжело дышали. - Границы будут проходить там, где вы их сейчас поместили, и каждый из вас будет владеть такой территорией, какую определил ему соперник. Пространство же, оставшееся между границами, отходит государству.

Решение принято, и берегитесь послушаться!

Толпа взывала в восторге, а посрамленные бароны удивленно воззрились друг на друга, причем один из них механически почесывал нос выпачканным в чернилах пальцем...

Третьим, и самым неприятным делом был приговор грабителю, которого изловил в своем доме один неробкий горожанин. Грабителя полагалось осудить на торжественное утопление в сточной канаве, и люди, несомненно, приветствовали бы такой приговор. Но Остин медлил, поглаживая змеиную кожу.

Подсудимый был сухоньким, никчемным на вид мужичонкой с редкой рыжей бородой, которая росла почему-то с одной стороны гуще, чем с другой. Закованный в цепи, он трясся и приседал, так что звон железа стоял - затыкай уши. Из толпы на него поглядывали с презрением и интересом.

Остин покосился на отца - старик молчал. Принцу, по-видимому, предстояло принять решение самостоятельно. Площадь притихла.

- Сослать на каторжные работы, - вздохнул принц.

Толпа разразилась радостными возгласами - принц проявил милосердие. Впрочем, вряд ли радость горожан была бы меньшей, прояви принц, скажем, строгость и решительность. Остин, без сомнения, был любим и популярен.

Наконец, судебное слушание было завершено, и на возвышение взобрался городской мэр. Судя по необычайно торжественному выражению его пухлого лица и свитку бумаги в руке, отец города собирался произнести благодарственную речь.

Старый король не любил речей, в особенности благодарственных. Вряд ли мэр осмелился бы предстать перед собравшимися со своим свитком, если б за спиной Контестара не стоял Остин - а какой отец откажется выслушать слова благодарности в адрес сына? В особенности если отец - умирающий монарх, а сын - его молодой наследник, готовый взойти на престол... Приблизительно так рассуждал городской голова, кланяясь королю и отдельно - принцу, разворачивая свой свиток и принимая

приличествующую случаю позу.

- Ваше величество! - начал мэр нараспев. - Ваше высочество! Благородные господа! Добрые горожане! Сейчас, на ваших глазах, свершился справедливый суд. Здесь звучали мудрые речи, принимались мудрые решения, здесь порок понес заслуженную кару, а добродетель... хм... восторжествовала. Позвольте мне от нашего общего имени принести благодарность... - мэр встретился глазами со старым королем, тот чуть заметно нахмурился, - благодарность его справедливому величеству... - складки на лице короля стали жестче, - и достойнейшему, разумнейшему, а также благороднейшему из принцев - его высочеству Остину!

Толпа, заскучавшая было и начавшая разбредаться, снова восторженно взревела. Лицо старого короля просветлело, он с трудом обернулся, чтобы полюбоваться своим зардевшимся, засмущавшимся сыном.

Мэр снова уткнулся в свой свиток и поэтому не видел, как стража у подножия помоста вдруг заволновалась, звеня оружием, как кого-то попытались оттеснить, завертелся человеческий водоворот - и из самой его гущи вдруг выбрался на возвышение смуглый, узколицый незнакомец.

- От имени горожан, - сказал он хрипловатым, но весьма звучным голосом. - Еще одна благодарственная речь от имени горожан. Разрешите сказать, ваше величество.

Мэр, который еще не закончил, в оцепенении от такой наглости и самозванства только открывал и закрывал рот, как аквариумная рыбка. Толпа же, напротив, очень обрадовалась такому повороту, из задних ее рядов доносилось ободряющее:

- Пусть говорит!

- Слезай, мэр, хватит!

- Шпарь, сударь!

Незнакомец, отпихивая руки стражников, встретился глазами со старым королем. Контестар нахмурился, глянул на мэра, на площадь, на Остина - и кивнул. Стражники нехотя убрались, мэр

стоял столбом с бесполезным свитком в руках, а незнакомец, оттеснив его плечом, подошел к краю помоста.

- Ваше величество! Ваше высочество! Господа и горожане! - начал он негромко, но, как прежде принца Остина, его слышала целая площадь. - От имени многих из вас я принес сюда свою благодарность... и прежде всего его высочеству, благородному принцу... Говорят правда, что в трех королевствах давно не осталось благородных принцев. И знаете, почему? Благородство, мол, давно толкнуло бы их навстречу опасности, на битву за свободу и жизнь несчастной, полгода назад похищенной драконом принцессы...

Толпа завозилась, не то в смущении, не то в гневе. Остин окаменел за креслом отца, а Контестар с самого начала речи сидел, опустив голову, и лица его никто не видел. Стражники обступили говорившего кольцом и то и дело поглядывали на короля, ожидая приказа - схватить, скрутить, увести. Приказа не было.

- Так говорят! - повысил голос незнакомец. - Но кто из нас станет слушать эти бредни! В старину, правда, действительно было принято вызволять принцесс, а не оставлять их чудовищу на забаву. Но в старину и рыцари были - ого-го! Освобождали принцесс, еще и драконьи головы на копьях приносили... Да это все в старину! А кто посмеет сегодня осудить принца, не пожелавшего вступить с драконом в бой? Никто, дорогие господа, потому что сражаться с драконом действительно страшно!

В толпе засвистели и заулюлюкали, но и свист, и улюлюканье сразу же стихли, поглощенные всеобщим гробовым молчанием.

- Может быть, кто-то из вас, господа, и не знает, что принцесса Юта из Верхней Конты похищена полгода назад? Понимаю, нынче у каждого хватает своих забот, а несчастная девушка, быть может, уже и не ждет освободителя - погибла, замучена, умерла от горя и стыда... Так что теперь, господа, и подавно не стоит винить принца - не обязательно нашего, просто принца вообще - что он, мол, трусил... Сие не трусость, а разумная осторожность. А разве его высочество не доказал свою беспримерную мудрость

в делах поистине государственных?

- Пошел вон, самозванец! - истерически закричала какая-то женщина из толпы. - Пошел вон! Заткнись! Замолчи!

Не нее шикнули.

Остин стоял прямой, как врытая в землю свая. Лицо его, неподвижное, как маска, покрыто было красными и белыми пятнами. И лицо, и шея, и даже пальцы, которыми он, не замечая того, тербил край накидки на королевском кресле.

Незнакомец скорбно развел руками:

- Но, господа мои, ваше величество и ваше высочество, я взял слово, чтобы благодарить... Благодарить, и только! Поблагодарим же принца Остина за то, что он жив, цел и с нами, а какая-то юная принцесса... Невелика потеря, в конце концов. К тому же, из соседней страны.

Люди на площади прятали глаза. Самые глупые, в основном дети и подростки, громко спрашивали соседей, что такое плетет этот нахал. Кое-кто потихоньку выбирался из толчеи и торопливо шагал прочь. Толпа поредела; стражники у помоста хмуро переглядывались.

Остин слышал шепот и шушуканье; мелькнувшая в толпе кривая усмешка ударила его, подобно пощечине, в каждом брошенном на принца взгляде мерещилась издевка. Люди, которые минуту назад боготворили его, теперь, казалось, молча спрашивали друг друга - а не трус ли, в самом деле, наш принц?

Пятна на лице Остина сменились густой краской не то гнева, не то стыда. Ему захотелось убить говорящего. Прямо сейчас подойти и убить.

- Сограждане! - незнакомец перекрыл голосом нестройный гул растерянной толпы. - У нашего короля достойный преемник! Я предлагаю покончить наконец со старым глупым обычаем, когда каждый принц, готовя себя к восхождению на трон, совершал так называемый подвиг.. Не надо подвигов, наш принц хорош и так! Дстойный, благородный принц!..

На площади хохотнули - Остина будто коснулось каленое железо. Там, откуда донесся смешок, затеялась и тут же улеглась потасовка. Принц окинул толпу затравленным взглядом - кто-то смотрел с сочувствием, кто-то - с насмешкой, но большинство глаз молча вопрошало: что же ты?

Король поднял голову. Остин с ужасом увидел, как отец постарел за последние несколько минут. Площадь тоже заметила это - и стихла.

- Мой сын... - с трудом произнес Контестар. Это были его первые слова за все утро. - Мой сын... - и снова опустил голову.

В голосе отца Остину послышались горечь и стыд. Не дожидаясь, пока народ на площади окончательно разбредется, он шагнул вперед. Кровь наконец отхлынула от его лица, и оно сделалось белым, как флаг над сдающейся крепостью.

Со сладострастным наслаждением Остин схватил незнакомца за тесемки плаща, завязанные под горлом. Схватил, с треском рванул, ощущая, как уходит из груди сосущая слабость, как сменяет ее привычная уверенность и азарт. Тряхнул говоруна еще раз - толпа зарукоплескала. Толкнул незнакомца в грудь - тот отлетел на несколько шагов и едва удержался на краю помоста.

- Твой черный рот пусть остается при тебе, шут, - Остин подбоченился. - Свои побасенки расскажешь нищим на базаре. А я завтра же отправляюсь на бой с драконом, освобожу принцессу и выставлю на рыночной площади голову проклятого ящера, насаженную на копье. А тебя, болтун, заставлю сожрать его язык!

Толпа радостно взревела. Люди обнимались, каждый твердил соседу: вот видишь! Остин стоял над бушующим человеческим морем, как победитель - будто голова дракона уже красовалась на копье.

Старый король, поникший, ослабевший, сидел в своем кресле, ни на кого не глядя.

Незнакомец, по-видимому, посрамленный, потихоньку слез с помоста и отправился прочь. Люди сторонились его, обдавая презрением; какая-то молодка плюнула в него и попала на рукав.

Рассеянно отирая ее плевком, он выбрел на безлюдную окраину и тяжело поднялся в темнеющее небо.

\* \* \*

Ютины глаза были сухими и красными. Всю долгую ночь она провела на башне, сжигая факел за факелом и вглядываясь в осеннюю темень.

- Тебя не было два дня... Я... я думала...

Он избегал ее взгляда. Смятенная, растерянная, она неуверенно держала его за рукав:

- Что-то случилось? Может быть, опять твои видения?

- Нет... - выдавил он из себя.

- Тогда что? Может быть, я что-то снова сделала не так?

- Нет...

Он ничего не сможет ей объяснить. Он поступает правильно; пусть тошно сейчас - зато потом будет все хорошо. Юта будет счастлива.

- Все будет хорошо, Юта, - сказал он хрипло.

- А сейчас, - спросила она испуганно, - сейчас все плохо, да?

Он отвернулся.

- Послушай, я устал... Мне бы поесть и отдохнуть... А потом, если хочешь, мы поговорим.

- Поговорим... - отозвалась она, как эхо. И прижала ладони к щекам.

Он лежал на сундуке, забросив руки за голову, и смотрел в потолок.

Осталось несколько часов. Возможно, рано утром...

До чего хороша была шляпка с лодочкой. Жаль, что ее сорвал ветер... Давным-давно. Принцесса в когтях, как обезумевший котенок...

Медленно гас дневной свет в решетчатом окне. Комната погружалась в темноту, и бессонным Армановым глазам являлись бесконечные калидоновы гнезда, парящий в лунном свете пух, глаза, пальцы, волосы... Он встал и подошел к магическому зеркалу, затянутому паутиной.

Паук опоздал убраться вовремя, за что и был сметен прямо на пол вместе с обрывками своей сети. Заркало нехотя засветилось изнутри, показало пастуха, заснувшего возле догорающего костра, потом бесстыдную парочку, деловито барахтающуюся в стог сена...

Арман криво усмехнулся.

Ночь застала его над морем.

Тяжело взмахивали перепончатые крылья. Время от времени из широкой глотки бил столб пламени, и тогда освещались низкие тучи и вздрагивали от ужаса морские обитатели. А в клыкастой башке вертелись невесть откуда взявшиеся слова:

- Я силился жажду песком утолить... И море пытался поджечь... И море... поджечь...

Дракон ревел, и торговое суденышко, проходившее неподалеку, едва не потерпело крушение - так испугался вахтенный матрос.

Войдя на рассвете в свою комнату, он застал там Юту. Принцесса дремала перед светящимся зеркалом, уронив голову на грудь. Неслышно ступая, он подошел и опустился рядом - на пол.

Поверхность зеркала рябила цветными пятнами, и странные тени ложились на склоненное Ютино лицо.

Арман протянул руку - и отнял, так и не решившись дотронуться до ее волос. Но она, почувствовав во сне его движение, потянулась и открыла глаза.

Некоторое время они молчали, глядя друг на друга. Наконец, принцесса спросила:

- Ты... отдохнул?

- Что?

- Ну, ты сказал, что мы поговорим, когда ты отдохнешь...

Принцессыны слова доходили до него будто бы с опозданием. Если принц выехал, как и собирался, вчера на рассвете...

- А о чем ты хотела бы говорить?

Ее, кажется, обидели эти слова, но она превозмогла обиду. Помолчала. Тихо начала:

- Прошлой ночью, когда тебя не было... Я представила, что ты не вернешься.

Принц, конечно, набрал с собой целую кипу смертоносного железа, его коню тяжело... Но если он выехал рано...

- Представила... что я не вернусь? - повторил он тупо.

Она терпеливо продолжала:

- У меня было много времени на размышления, Арман... Мне показалось, что все-все ночи на свете слиплись в одну... Я зажгла тебе маяк на башне, но ты был далеко и не видел.

- Не видел, - эхом повторил Арман.

- И я решила, что когда ты вернешься... Если ты вернешься, то я обязательно тебе скажу...

Она осеклась. Он смотрел в пол и не видел того, что увидела она.

Магическое зеркало вдруг прояснилось, и рыцарский конь, покрытый кольчужной попоной, загромоздил его от рамки до рамки. Глухо застучали копыта по заброшенной дороге, конь отодвинулся вглубь, и виден стал его всадник - воин в шлеме и железных наплечниках, в руках длинное копье, на боку огромная тяжелая секира, и древко еще какого-то оружия выглядывает из-за плеча... Рыцарь ехал по извилистой дороге, и зеркало тут же показало эту дорогу целиком - такую знакомую, до мелочей изученную Ютой во время бдений на Западной башне.

На какое-то время принцесса лишилась речи. К замку скакал освободитель, и картинка в зеркала была на диво ясной и яркой, так что можно было различить мелкие камушки, разлетающиеся из-под

копыт, дорогую уздечку и узорный, мастерски изготовленный шлем, который закрывал воину лицо.

- Арман... - прошептала Юта.

Он нехотя поднял голову. В ту же секунду рыцарь, придерживав коня и намереваясь осмотреться, поднял забрало.

Лицо его было молодым и суровым. Ко лбу прилипла прядь светлых волос. Глаза сузились в две голубые щелки. Этот человек ехал драться, и драться на смерть.

- Остин... - выдохнула принцесса. - Остин! Арман, это же Остин!

Все происходило, как в давнем сне. Совсем, как в Ютиных мечтах, принц Остин опустил забрало и решительно двинулся вперед.

Он был героем ее детства. Он был мечтой ее юности. Сколько раз она молила судьбу, чтобы за праздничным столом их посадили рядом! Сколько раз она сладко замирала, касаясь его рукава! Сколько раз воображала - вот их выбросило штормом на необитаемый остров... Вот они вместе заблудились в лесу... Сколько раз, забывшись, выводила чернилами и грифелем, мелом и палочкой на песке - Остин... Остин...

И вот мечта осуществилась, а ей все еще не верилось. Он едет сюда? Он хочет освободить ее и взять в жены?!

Юту бросило в жар, мгновенно вспыхнули щеки и уши. Взять в жены? Остин? Ее?

Арман стоял рядом. От него не ускользнули ни смятение, ни смущение, ни радость Юты. Победив первый приступ горечи, он испытал даже некое слабое облегчение - все-таки правильно рассудил.

- Это Остин... - в который раз благоговейно прошептала Юта. Рыцарский конь тем временем взобрался на возвышение, и фигура всадника чеканно красовалась на фоне утреннего неба.

Арман с трудом стряхнул оцепенение. Взял Юту за плечи, и ему показалось, что принцесса, чью теплую кожу он ощущает под грубой тканью балахона, разом отодвинулась от него за горы и моря, за

сто лесов и сто озер...

- Пойдем, принцесса. Надо идти.

- Идти? - она смотрела на него непонимающе, и вдруг ее счастливые глаза наполнились ужасом.

Она смертельно испугалась за Остина, она вообразила, что Арман хочет убить принца!

И снова Арман превозмог волну острой боли. Сказал как мог мягко:

- Все будет хорошо... Я же говорил тебе, Юта... Все будет... Ну пойдем, пожалуйста.

Она двинулась за ним, все еще напряженная, настороженная. Он привел ее к лестнице, ведущей на башню. Легонько подтолкнул:

- Ну же, поднимайся... Не бойся ничего...

Спотыкаясь, она полезла вверх, а он поспешил к драконьему тоннелю, обернулся ящером и вылетел из замка.

Принц на своей лошадке был уже совсем близко; рыцарский конь присел, когда Арман появился в небе. На башне застыла Юта, ветер красиво развевал полы ее балахона. Хорошо бы что-то беленькое, мимоходом подумал Арман. Платок там или шарф... Белое чтоб развевалось - так еще живописнее...

Рыцарь на дороге боролся с конем, который видел дракона, пусть даже в небе и довольно далеко, впервые в жизни. Только бы не удрал, подумал Арман. Первым делом надо снять его с седла...

Юта подняла навстречу Арману белое лицо. Он покружил над башней, вытягивая лапы вниз, пытаясь объяснить ей, чего хочет. Потом спустился и привычно ухватил принцессу в когти.

Не глядя на принца, он нес ее в скалы, и чувствовал тяжесть, и нежность, и тепло ее тела. Он касался ее последний раз в жизни, и, будто в насмешку, не руками, а страшными чешуйчатыми лапами...

В голубом небе висела бледная утренняя луна.

Он поставил ее на вершину невысокой скалы. Отсюда она все увидит, потом без труда сумеет спуститься... А принц сможет ей помочь.

В последний раз он посмотрел на нее сверху и страшно пожалел, что так и не обнял ее на прощанье.

Неподалеку истошно заржал рыцарский конь. Арман с трудом оторвал глаза от Юты и обернулся к Остину.

Принцу удалось призвать коня к порядку, и, дрожа как осиновый лист, но слушаясь поводева, боевое животное влекло рыцаря навстречу битве.

Арман поспешил к тому месту, где дорога раздавалась вширь, где его предки крушили хребты предкам Остина. Посреди ровной площадки горкой свалены были кости и черепа - Арман дохнул, страшные останки размело в стороны, и следа не осталось. Не стоит пугать принца раньше времени.

Потом он сел на хвост и стал ждать.

Медленно, медленно, спотыкаясь и запинаясь, рыцарский конь выбрался из-за скал - и остановился, не в силах преодолеть страх.

Арман сидел неподвижно, сложив крылья самым мирным и добропорядочным образом. Копье принца тем не менее заметно вздрагивало - даже забрало шлема, закрывающее его лицо, казалось бледным, как мел.

Секира Остина, впрочем, имела крайне устрашающий вид, а то, что висело за спиной, оказалось огромной шипастой палицей. К седлу был приторочен еще и арбалет; хорошо, подумал Арман, что принц не захватил с собой сотню лучников и пушку на лафете. Все-таки уважает правила игры.

Наконец, Остин решил на некое подобие атаки.

- Ну, ты, - послышался из-под шлема неожиданно высокий, почти детский голос, - мерзкое чудовище... Хочешь отведать каленого булата?

Красиво говорит, - подумал Арман, но не сдвинулся с места.

- Сейчас получишь, - пообещал Остин и примерился копьем Арману в глаз.

Арман не шевельнулся.

Принц вякнул что-то жалобно-молодецкое и метнул копьё - он все-таки считался хорошим метальщиком. Арман отклонился и поймал копьё бронированным плечом. Печально звякнув, отвалился наконечник.

Принц попятился. Арман пожалел, что не может заглянуть ему под забрало.

- Ты! - крикнул Остин надрывно. - Ты! Жаба с хвостом! Сейчас получишь у меня!

Конь под принцем обгадился.

- Сейчас узнаешь... Я-то кишки из тебя повыпущу! Я-то башку твою препоганую соломой набью! Я твоей шкурой...

Фантазия изменила принцу, он замолк на полуслове.

Юта волнуется, мельком подумал Арман. Пора заканчивать.

Он развернул крылья - конь дико заржал, вернее, закричал не своим голосом, и поднялся на дыбы, грозя сбросить неуклюжего в своем железе всадника.

Легкий, как бабочка, Арман взвился над головой перепуганного принца и, чуть зацепив его когтями, сбросил с седла. Почувяв свободу, отважный рыцарский конь ринулся бежать со всех ног. Он бежал, громяхая кольчужной попоной и все более пугаясь - ему казалось, что крылатое чудовище преследует его.

Принц же вскочил, сжимая в руках огромную секиру. Возможно, получая ее из рук оружейников, он в самом деле верил, что принесет домой отрубленную драконью голову. Сейчас широкое сверкающее лезвие казалось ему таким же грозным, как перочинный ножик в руках школяра, и, чтобы спасти свою умирающую храбрость, он снова выкрикнул:

- Ящер, смрадный ящер! Подходи, ну?!

Арман внял его просьбе и чуть придвинулся. Секира со свистом разрежала воздух... и до половины ушла в каменное крошево. Принц потерял равновесие, но удержался на ногах и тут же выхватил из-за спины боевую палицу, шипастую, как стебель розы.

Он храбр, подумал Арман почти что с сожалением. Он действительно храбр и доблестен. Девять принцев из десятка давно бежали бы прочь без оглядки.

Остин тем временем возился со шлемом - при ударе тот съехал на бок и, по-видимому, причинял принцу большие неудобства. Забрало свернулось к уху, а на месте лица оказалась сплошная железная стенка - ни вздохнуть, ни взглянуть на противника. Принц похож был сейчас на мальчика, в шутку натянувшего на голову котел, не сумевшего снять посудину и ужасно перепугавшегося.

Арман терпеливо ожидал.

Наконец Остин перехватил палицу в левую руку, а правой ухитрился-таки отстегнуть ремешок. Стянул шлем с головы, облегченно вздохнув, уронил в камни.

Светлые волосы, мокрые от пота, прядями облепили голову. Свиные голубые глаза. Он все равно был красив - даже более красив, чем тогда на площади, перед влюбленной толпой.

Будь счастлива, Юта.

Арман наклонил голову и шагнул вперед. Остин стремительно размахнулся и ударил Армана прямо по голове - у того искры из глаз посыпались.

Зашатавшись, Арман рухнул на землю. Остин размахнулся еще раз и снова ударил по костяному гребню. Жалобно застонав, дракон откатился в сторону - только камни хрустели под чешуей. Остин поспешил за ним - но ящер уклонился, тяжело поднялся, снова застонал - уже в воздухе. Сделал вид, что падает - и в последний момент удержался на лету. Неровно, зигзагами, полетел прочь.

Остин выкрикивал ему вслед что-то азартное, боевое; он прыгал на месте и потрясал палицей, до сих пор не веря, что справился с чудовищем. Он приглашал Армана вернуться, громко сожалея, что не успел срубить отвратительную башку... А через камни и трещины к победителю бежала Юта.

Весь поединок она простояла на вершине скалы. Она видела, как Арман сбросил Остина с седла, и прокусила до крови руку, испугавшись за жизнь принца. Несколько минут после этого она просто сидела на корточках, зажмурилась и зажав ладонями уши, а когда решилась, наконец, посмотреть,

то увидела принца, опускающего шипастую палицу на голову распростертого дракона... И тогда она расцарапала щеку от страха за Армана.

Когда Арман взлетел, у Юты немного отлегло от сердца, но она тут же снова испугалась за принца. Арман камнем рухнул вниз - принцесса закричала от страха, что он разобьется. Дракон удержался - и Юта обессиленно выдохнула.

Теперь Арман улетал. Юта не до конца понимала, что произошло, но Остин жив, размахивает своим оружием, и ветер доносит его воинственные крики... И дракон жив, летает. Кто кого победил?

Она неслась через камни, то и дело теряя Остина из виду, а в отдалении взмахивал крыльями Арман...

Огромным усилием воли Арман удержал себя и не спустился, чтобы в последний раз взглянуть на нее. Он сделал свое дело, теперь надо было поскорее исчезнуть, улететь, спрятаться... Этим двоим нельзя мешать, нельзя подглядывать, нельзя...

Им предстоит еще добраться до людей, а конь убежал, а Юта, наверное, голодна. Она почти босиком, а там острые камни. И не попали бы в каменную трясину, откуда он когда-то ее вызволял... Но они уже встретились, и ни помочь, ни помешать - не в его власти.

Развернувшись навстречу бледной луне, чахнувшей на голубом небе, он полетел прочь.

## IX

Через сотни ночей к последнему утру тянусь.

Не зови меня. Я и без зова

Явлюсь.

Арм-Анн

Через месяц по контестарской столице катил свадебный кортеж.

Главная улица еще за неделю до праздника была выстлана плетеными ковриками из золотой соломы; жители окрестных домов поставили на парадные подоконники цветы в горшках - все, какие только сумели раздобыть, и улица походила теперь на лавку зеленщика. На высоко натянутых веревках развешены были флаги - контестарский с коричневым богомолем и Верхней Конты с кошачьей мордой. Кое-где, правда, между флагами колыхались на ветру простыни и рубашки - ведь обычно веревки служили для просушки белья...

О приближении кортежа возвестили истошные крики мальчишек, оседлавших крыши.

Открывали шествие двадцать три ученые белые мыши - запряженные и взнузданные, они торжественно влекли игрушечную повозку, на которой по традиции помещались роза со сточенными шипами, баночка меда и пригоршня семян - таким образом молодым предвещались любовь без раздоров, сладкая жизнь и множество детей.

- Слава! Слава! - кричали люди, гроздьями свисающие из окон, с крыш и фонарных столбов.  
- Слава! Совет да любовь!

Далее торжественным маршем шел сводный отряд шарманщиков - их шарманки, тщательно настроенные и надраенные, играли одну и ту же мелодию - свадебный марш. Счастливые и гордые своей миссией, шарманщики изо всех сил вертели головами - видят ли их друзья и знакомые?

За шарманщиками катилась двуколка, на которой юноша, одетый коричневым богомолем, и девушка, одетая кошкой, танцевали танец братания королевств. Оба уже здорово запыхались - ведь танцевать приходилось всю долгую дорогу! Но оказанная им честь была так велика, что, позабыв усталость, они плясали все задорнее.

Следом, свирепо вскинув подбородки, чеканили шаг гвардейцы - контестарские в ярко-зеленых, верхнеконтийские в красно-белых мундирах. Сверкали на солнце освобожденные из ножен клинки -

кривые котрестарские и узкие контийские. На верхушках причудливых шлемов курились благовония, и казалось, что гвардия движется в сизом ароматном облаке.

И в этом же облаке не ехала - плыла над землей открытая карета новобрачных.

Принц и принцесса восседали на бархатных подушках; Остин был необыкновенно хорош в военном мундире - а ведь он, по традиции, с рождения был полковником гвардии. В правой руке у него было длинное копьё с насаженной на него маленькой головой дракона - из папье-маше.

- Победитель чудовища! Победитель дракона! - кричали люди. - Слава! Слава!

Принцессу Юту такой еще не видели.

Она была необыкновенно оживлена; глаза сияли и не казались такими уж маленькими, а с лица исчезло угрюмое желчное выражение, к которому привыкли все, знавшие ее. Она улыбалась, она смеялась, она хохотала; подвенечное платье, которое двенадцать лучших портних готовили целый месяц, скрадывало недостатки фигуры, а счастье, распирающее Юту изнутри, сгладило и смягчило некрасивость лица.

На крышах шептались: гляди ж ты!.. в плену у дракона... вот повезло... в когтях уволок... страху-то... гляди ж ты, гляди!

Рука принца Остина лежала на Ютиной, в кружевную перчатку затянутой руке. Их только что сочетали браком.

- Слава! Слава! Совет да любовь!

Далее катилась целая вереница королевских экипажей. Под государственными гербами заплаканная от счастья Ютина мать обнимала двух младших дочерей - веселую Май и задумчивую Вертрану; отец Юты бережно поддерживал под локоть старика Контестара - тому посчастливилось-таки дожить до этого дня. Шумные придворные и знать двух стран грозили опрокинуть переполненные кареты; от Акмалии был только официальный посол - король и принцесса Оливия находились в горах на отдыхе.

В хвосте процессии в валомвалили горожане, подбрасывая итерья в сутолоке шляпы и платки. Какой-то мальчишка свалился с конька крыши и повис, зацепившись штанами за железный штырь.

Процессия направлялась к королевскому дворцу; ворота были распахнуты, стражники застыли, вскинув полосатые пики. Уже на просторном дворе мышей выпрягли и собрали в ящик с дырочками - там поджидал их лакомый желтый сахар. Танцующая пара, окончательно изнуренная, спрыгнула, наконец, с двуколки; шарманщики и гвардейцы образовали живой коридор, и по этому-то коридору Остин и Юта двинулись к покрытым ковром ступенькам.

Опираясь на руку принца, Юта не шла - выступала. Четверо пажей несли ее длинный шлейф; горделиво подняв голову, принцесса входила в дом своего мужа - входила, сопровождаемая тысячей взглядов.

И еще один свидетель этой сцены наблюдал за Ютой, окаменев перед магическим зеркалом.

Он видел, как готовили свадебную церемонию и накрывали столы, как снаряжали жениха и невесту, как в присутствии горожан и знати объявили их мужем и женой, как прокатился улицами свадебный кортеж, как Юта поднялась по ступеням дворца... Целая толпа лакеев разводила гостей по празднично убранным залам, усаживала за столы, и среди мелькающих кружев и бантиков Арман потерял Юту из виду.

Зеркало замигало, покрылось будто сетью морщин... Погасло. Вспыхнуло вновь, и Арман увидел, как Остин помогает Юте устроится в королевском кресле, а она не то благодарно, не то просто рассеянно гладит рукав его мундира...

Армановы руки сжали деревянные подлокотники, резко выступающие костяшки пальцев побелели.

С утра он пытался пить - но вино не лезло ему в горло, как вчера, как неделю назад, как вот уже почти месяц. Влитый в рот насильно, благородный напиток не приносил ни отдыха, ни забвения

- тошноту, и только.

Неделями напролет он пытался увлечь себя расшифровкой клинописи, острым ножом вырезал на темной столешнице знаки, когда-то перерисованные Ютой на стену около камина; он ошибался и начинал снова, но занятие это, тяжелое и нудное, не приносило облегчения. Измучившись, отупев, он путал знак “море” со знаком “смерть”.

Тогда он стал улетать из замка далеко и надолго; однажды, поймав на обед дикую козу, он вообразил вдруг, что несет в когтях девушку. Коза так и осталась в живых.

Раз или два он летал в гнездо калидонов. Но первые осенние дожди уже напитали пух влагой, он потемнел, съежился и вместо белой перины был похож на грязную тряпку...

И все это время он часами просиживал перед зеркалом в надежде увидеть Юту.

Она явилась ему всего дважды, мельком - один раз с матерью и один раз - одна, бледная, отрешенная, но явно счастливая. И он радовался ее счастью - но радость получалась неважная, принудительная какая-то, фальшивая.

Зато в день свадьбы зеркало расщедрилось, как никогда.

Устало покачиваясь назад и вперед, Арман смотрел, как молодым подносят традиционные яства - крылья чайки и пирог с языком суслика. Как вместо короля Контестара, которому трудно говорить, праздник начинает мэр - тот самый мэр, речь которого не так давно была прервана наглым вмешательством самого Армана... Как трубачи вскидывают медные трубы, как от звука их вздрагивают язычки свечей, как в толпу, собравшуюся у входа, сыплются цветы пополам с золотыми монетами... Как Остин нежно кладет руку на Ютины пальцы, с которых уже стянута перчатка... Как Юта...

Остин накрыл ладонью принцессину руку. Юта вспыхнула, как факел; горячие мурашки полчищами хлынули к щекам и ушам, и без того красным от выпитого вина.

Близилась первая брачная ночь.

Последний месяц жизни казался Юте сказочным и беспокойным наваждением. Она, давно уже привыкшая прятаться в тени, оказалась вдруг героиней, спасенной жертвой, центром всеобщего внимания. Сам день освобождения помнился ей плохо, урывками; как она встретила Остина, как Остин встретил ее, что стряслось за время, пока они пешком брели до ближайшей к драконову замку деревни, что случилось потом - все это плавало в густом тумане. Мелькали в памяти лица родителей и сестер, руки помнили судорожные, до боли, объятья; Остин был рядом, Остин все время был рядом, до него можно было дотронуться, проверяя - не сон ли?

Потом ее встречало родное королевство, и люди плакали от умиления, а перед Остином склонялись, как перед ожившим божеством... Никто не замечал уже, что Юта некрасива - глядя на нее, видели не угловатые плечи и длинный нос, а драконову темницу, несчастную заточенную девушку и рыцаря, повергающего ящера в прах.

Близкие, конечно, то и дело расспрашивали украдкой - а что дракон? Но будто печать сковывала Ютин язык, и сам король велел прекратить расспросы: натерпелась, видно, бедняга.

Тем временем воспоминания о днях, проведенных в замке, отступили под натиском стремительных событий: из Контестарии прибыла делегация, чтобы, по древней незыблительной традиции, просить Ютиной руки для принца Остина. Король, Ютин отец, не смог даже сохранить необходимую бесстрастность - согласился радостно и поспешно, но никому и в голову не пришло осуждать его. Юта стала невестой, и последующие дни слились в долгую пеструю череду.

Оливия не нашла в себе сил, чтобы поздравить Юту хотя бы официально. Тем хуже - при дворе теперь считалось хорошим тоном запустить в адрес гордячки маленькую шпильку.

Весь месяц был для Юты долгими, непрерывными именинами. Принцесса была пьяна без вина; иногда, просыпаясь в роскошной спальне отцовского дворца, она не могла понять, где находится, в другой раз принималась щипать себя и колоть до крови, не веря - это действительно происходит? Не кажется, не снится, не бред?

Некоторое время она еще чувствовала себя не в своей тарелке, но к хорошему привыкнуть легче, чем к плохому, и вскоре она удивилась бы, вспомнив, что когда-то обходилась и без всеобщей любви, и без свадебных приготовлений.

Королева-мать, сияя, повторяла фрейлинам: как она изменилась! какая веселая и покладистая!

Слуги шептались: а принцесса-то... ничего! похорошела даже, хоть и дурнушка...

Май танцевала от счастья, да и Вертрана радовалась - по-своему, сдержанно.

И вот этот день настал...

Ощувив руку Остина на своей ладони, Юта затрепетала, как бабочка в сети сачка. Речи и пожелания доносились до нее нестройным гулом, лица за столами слились в пестрое месиво, и, когда ненадолго удавалось закрыть глаза, перед ними в красной темноте блуждали черные пятна... Остин бормотал что-то ободряющее, и чьи-то руки в накрахмаленных манжетах наливали в бокал вино и клали на золотую тарелку изысканные яства, но Юта не съела ни кусочка.

Наконец, Остин встал - и Юта поднялась тоже. Гости будут веселиться до утра, а молодоженам между тем пора подниматься наверх, где ждут ослепительные ароматные простыни, где тяжело колышется парчовый балдахин над кроватью, где уже теплится огонь в ночнике...

Остин и Юта в последний раз поклонились гостям. Раздобревшие, осоловевшие, те ласково улыбались и ободряюще подмигивали. Юта, к счастью, была слишком сосредоточена на своих внутренних ощущениях, чтобы заметить эти знаки внимания - оперевшись на руку Остина, она медленно, как сомнамбула, отправилась в королевскую опочивальню.

Происходившее потом помнилось Юте смутно и нетвердо.

Руки горничных освободили ее от подвенечного платья, от шлейфа и корсета; шелестели какие-то ткани, кто-то говорил что-то приглушенным голосом, будто отдавая распоряжения; принцесса оказалась стоящей в тазу, и умелые белозубые служанки обливали ее горячей водой, растирали жесткими варежками и снова обливали - травяными настоями. Потом на плечи накиннули мягкую

простынь - Юта обрадовалась, потому что ужасно стеснялась своей наготы. Ее вытерли и высушили; в памяти осталось бледное воспоминание о какой-то душевной комнатке, где она минуту или две провела в ожидании неизвестно чего; потом - опочивальня, темнота, затихающий шепот, перед глазами - парча балдахина, тяжелые золотые кисти, кто-то горячий, как печка, появившийся из темноты...

Мечтала ли она когда-нибудь? Думала ли? Остин громко дышал ей в ухо, она закрыла глаза и не видела уже ни парчовых складок, ни огонька свечи у ложа, ни нависающего над ней лица...

Принцесса Юта провалилась в охающую, жгучую тьму беспамятства.

Арман, к счастью, тоже уже ничего не видел. Влив в себя две бутылки вина, он тяжело заснул, уронив голову на грудь.

\* \* \*

Медовый месяц решено было провести в столице - ведь король Контестар угасал, а государственные дела нуждались в присутствии Остина. Впрочем, сразу после свадьбы устроена была большая охота, и два дня молодожены провели в лесу.

Азартная Юта включилась в забаву со всем пылом и воодушевлением. Натянув шляпу с пером, она и верхом на смирной упитанной лошадке чувствовала себя укротителем буйного коня, великолепной наездницей и природной охотницей. Трубили рога; справа и слева проносились необъятные стволы старинного королевского леса, лошадка стремилась не отставать от прочих, весьма быстроногих коней - и в какую-то минуту Юте почудилось, что нечто подобное уже было. Она так же сидела верхом, но ее окружали облака, небо, а леса внизу были такого же роста, как трава под копытами лошади... Воспоминание обожгло ее, и она механически натянула было поводья - но тут в чаще послышался треск ломаемых веток, и на дорогу перед кавалькадой вылетел гонимый псами благородный олень...

К счастью, Юта не видела, как убили оленя. Лошадка ее припозднилась-таки, и, когда принцесса

выбралась на полянку с измятой окровавленной травой, красавец уже лежал бездыханный, неловко откинув рогатую голову.

Заночевали в охотничьем домике; в просторном бревенчатом зале накрыт был длинный стол, и туша целиком жарилась на вертеле, пока разудалые охотники хвалились, как и положено, пили вино и горланили песни. Пятнистую оленью шкуру преподнесли в подарок Юте, но та испугалась вида крови - и не взяла.

Отведя ее в сторонку, Остин спросил тихо и укоризненно:

- Зачем же обижать людей?

Юта смутилась и не знала, что ответить.

- Ты учти, - покачал головой принц, - сейчас все к тебе приглядываются, кто ты, какая ты... Я хочу, чтобы они любили мою жену, как любят меня. Ведь ты скоро будешь их королевой!

Юта горячо закивала головой.

Весь вечер и всю ночь она старалась изо всех сил - хоть как ни хотелось ей спать, не ушла со своего места, которое было во главе стола рядом с Остином. Ей показалось, что принц поглядывает на нее с одобрением.

На следующий день после полудня возвращались в город. К седлу Остина привешена была мертвая голова оленя; лошадь принца, чей бок задевали ветвистые рога, вздрагивала и беспокоилась. Юте тоже почему-то было неприятно, хотя она и бодрилась.

Праздник продолжался еще целую неделю - горожане выкатывали прямо на улицы пузатые винные бочки, бродячие актеры разыгрывали сцену сражения с драконом, по ночам в небо взвивались фейерверки... Потом все понемногу успокоилось, жизнь вернулась в нормальное русло, и Юта обнаружила, что живет теперь не дома.

Дворец королей Контестарии ничем не уступал контийскому, но парка не было - его заменяла ровная лужайка, обнесенная живой изгородью. Расположение комнат и залов было непривычным -

Юта долго путалась. Но главное - тут у принцессы совсем не было знакомых.

Незнакомые горничные улыбались ей мило и почтительно, незнакомые пажи готовы были выполнить любую ее волю. Юта попыталась наладить с ними приятельские отношения - но оказалось, что одно дело расти всем вместе, и совсем другое - явиться в чужой дом принцессой, будущей королевой, значительной и непонятной личностью...

Юта поведала Остину, что хочет выписать нескольких слуг из дому. Тот поднял брови:

- Зачем? Тебе недостаточно прислуги?

Принцесса снова смутилась - ей очень не хотелось, чтобы Остин решил, что она избалована.

Самого принца Юта теперь видела редко - навалились государственные дела. Остин проводил целые дни напролет в рабочем кабинете и в зале Королевского совета, появляясь в супружеской спальне усталый и задумчивый. Юта попыталась было влезть в суть мучавших принца вопросов - однако в этом ей было весьма недвусмысленно отказано:

- Где ты видела, Юта, принцессу или даже королеву, занимающуюся делами? Вот твоя мать, например?

Это было правдой - Ютина мать блистала на приемах и вышивала на пальцах, но никогда никто не видел ее за рабочим столом.

- Указы, законы, налоги... - усмехнулся принц. - Зачем тебе это?

- Ты прав, - сказала Юта, краснея и ругая себя: придет же в голову такая глупость...

День во дворце был подчинен строжайшему распорядку. Каждое утро горничные укладывали Ютины волосы в одну и ту же прическу; завтрак подавали в огромном зале, и принц с принцессой сидели на противоположных концах длинного, как зимняя ночь, стола. Отзавтракав, Остин удалялся в кабинет, а Юта отправлялась в свою комнату - Остин порекомендовал ей заняться рукоделем.

Принцесса не умела толком ни вязать, ни вышивать; однако, задумав удивить принца изобретательностью, она потратила несколько недель на изготовление странного растрепанного букета

- все цветы были из проволоки и мешковины, и в чашечке каждого встроен был осколок зеркала. В солнечные дни букет отбрасывал на стены и потолок целые пригоршни бликов.

Когда Юта показала свое произведение Остину, был, к сожалению, хмурый дождливый вечер. Может быть, именно поэтому принц отнесся к нему прохладно:

- Кто тебя учил... такому?

- Никто, - Юта смутилась и расстроилась его почти брезгливым тоном.

- Разве может принцесса рукодельничать... если это можно назвать рукоделием... возиться с грубой мешковиной? В мешках хранят сахар и овощи, а цветы вышивают на шелке и бархате! Хочешь, я выпишу лучшую учительницу вышивания?

Юта отрицательно покачала головой, но букет был выброшен без сожаления.

- Почему бы нам не поехать куда-нибудь? - робко спросила Юта через несколько дней. - Вместе...

Остин тяжело вздохнул и не ответил, но Юта не унималась:

- Или хотя бы погулять вечером... У тебя, может быть, найдется свободных полчаса? Мы могли бы поговорить о...

- Я не принадлежу себе, Юта, - устало объяснил принц, и Юта потупилась.

Из этого разговора Остин сделал вывод, что принцесса скучает. Скоро к Юте была приставлена дуэнья, наперсница.

Это была маленькая розовощекая толстушка, эдакий клубок на ножках, энергичная и разговорчивая. Она ни на секунду не оставляла принцессу в одиночестве - топотала следом и усаживалась рядом, болтала, не переставая, рассказывая забавные случаи и спрашивая Юту о ее снах:

- Шляпа снится к мигрени, а перчатка - к известию... Я желаю вам, ваше высочество, увидеть во сне белого единорога!

Всю ночь Юте снились клопы.

- Убери ее от меня! - умоляла Юта Остина через неделю.

Принц пожал плечами. Он казался немного недовольным: и то не по вкусу, и это не по нраву...

- Принцессам, особенно замужним, положено иметь наперсниц, - заметил он мягко.

- Да, но эта!

Остин вздохнул:

- Знаешь, Юта... Иногда трудно понять, чего ты хочешь.

Он ушел, оставив принцессу в смущении и растерянности.

Впрочем, недовольство принца можно было легко объяснить и оправдать, поскольку Юта действительно имела все, чего только может возжелать королевская особа, и даже с упреждением. Армия почтительных слуг, изысканные украшения работы древних мастеров, спокойствие и довольство - все это должно было помочь королеве пережить некоторый недостаток развлечений.

Однажды вечером, укладываясь под парчовый балдахин, Юта рассказала принцу когда-то слышанный анекдот:

- Герцог просит графа: “Ваша светлость, помогите мне дотащить до замка этого дохлого грифона”. Граф не смог ему отказать, и с превеликим трудом они затащили грифона в герцогский замок и бросили в умывальне. Граф вытер пот и спрашивает герцога: “Ваше сиятельство, а зачем вам в умывальне дохлый грифон?” “А-а! - отвечает герцог, - вот, представьте себе, придут ко мне гости, захотят умыться - и выбегут с криком: там дохлый грифон! А я усмехнусь вот так и скажу небрежно: ну и что?”

Юта выжидательно замолчала.

- Ну и что? - спросил Остин.

- Ну... потешно, - смутившись, объяснила Юта.

Остин вздохнул:

- Странная и дурацкая история... Какой герцог? Какой граф? Почему они не призвали слуг, чтобы тащить этого грифона?

Юта не нашла, что ответить.

Тем временем отступила осень, и однажды ночью выпал снег.

Выйдя утром на террасу дворца, Юта долго щурилась на крахмально сверкающую лужайку; потом, оглянувшись, увидела, что она не одна.

Неподалеку на террасе стояло кресло на колесиках; в кресле, укутанный пледом, сидел дряхлый старик. Юта не сразу узнала короля Контестара.

Они не виделись со времени свадьбы; старик все время лежал, и в комнату его врачи допускали только принца Остина. Теперь король, не отрываясь, смотрел на обомлевшую Юту.

На белую лужайку опустилась воронья стая; невидимый с террасы сторож запустил в ворон камнем - птицы с карканьем взвились в воздух.

Губы старика шевельнулись, и принцесса скорее увидела, чем услышала: Юта...

Преодолев смущение и невольный страх, Юта приблизилась.

- Ну, здравствуй, - сказал король. Чтобы разобрать его слова, принцессе пришлось склонить ухо к его губам. - Здравствуй, Юта.

Контестар смотрел прямо, и Юта увидела с удивлением, что у него совершенно ясные, живые, осмысленные глаза, и что взгляд, направленный на нее, приветливый и теплый.

- Здравствуйте, ваше величество, - сказала Юта вежливо.

Помолчали.

- Остин любит тебя? - вдруг спросил Контестар.

- Да, конечно, - ответила она быстро, даже поспешно.

- Хорошо, - король попробовал улыбнуться.

Юте было очень не по себе - она не знала, о чем говорить с умирающим человеком.

- Я помню тебя, - едва слышно сказал король. - Однажды на детском празднике... ты спрятала в кувшин... ужа... Помнишь?

Юту бросило в жар.

Она, конечно же, помнила эту давнюю детскую историю. Мальчишки-пажи помогали ей, и все вышло как нельзя лучше. Кувшин поставили на стол... Обезумевший от страха уж ухитрился выбраться и кинулся наутек, опрокидывая по дороге подсвечники и бокалы... Ее наказали, случай она запомнила на всю жизнь, но король Контестар - а он был на празднике вместе с мальчиком-Остином - запомнил тоже!

- Ты всегда была... сорвиголова, - сказал умирающий король. - Наверное, не зря... тебя похитил... дракон.

Юта стояла перед креслом, сжимая покрасневшими от холода пальцами теплую меховую муфту.

- Ты хорошая девочка, Юта, - прошептал король. - Я надеюсь, что Остин... это... поймет.

- Ваше величество... - выдохнула принцесса.

- Тебе...трудно. Расскажи мне... как вы... живете.

И Юта стала рассказывать - преувеличенно бодро, преодолевая неловкость. Не про себя, конечно - про Остина, своего внимательного и нежного мужа. И чем дольше рассказывала - тем больше воодушевлялась, вдохновлялась даже.

- Спасибо, - сказал, наконец, Контестар. - Спасибо, Юта... Приходи сюда завтра... утром... Мне теперь... легче, и меня вывезут... на прогулку.

Все следующее утро Юта провела на террасе - одна. Никто не вывез на воздух кресло-каталку; принцесса стояла и смотрела, как укорачиваются длинные тени... Потом во дворце поднялась суматоха, захлопали двери, забегали десятки ног...

Через три дня король Контестара похоронили с великими почестями, и народное горе было искренним и глубоким. Впрочем, еще через две недели оно сменилось искренней и глубокой радостью - принц Остин был коронован, его звали теперь "ваше величество".

Остину присягнули армия и гвардейцы, послы других королевств представили ему свои верительные грамоты, Королевский совет рукоплескал, а делегаты от городов и сел приносили изъявления преданности.

Поздравляли и Юту - она стала королевой, но не обрадовалась этому ни капли. Ее бы воля - она скорбела бы по старому королю гораздо дольше, но государственные соображения заставили Остина сократить траур до одного месяца вместо обычных пяти.

Когда срок траура истек, царственная пара отправилась с визитами в соседние государства.

С монархами Верхней Конты Остин теперь находился в родстве; молодых короля и королеву встретили там, как своих детей. Неделю Юта блаженствовала, живя в родительском доме и радостно узнавая новости о старых знакомых; но сестры огорчили ее. Будто внезапно отдалившись, оставшись далеко внизу, они не могли побороть неловкости, общаясь с Ютой. Даже Май! Будто корона, опустившись на Ютину голову, разрушила что-то очень важное...

Прощание было невеселым - еще и потому, что предстоял визит в Акмалию.

В акмалийской столице Остина и Юту встретили прохладно и совершенно официально. Король, отец Оливии, вежливо извинился за то, что его дочь не сможет присутствовать на приеме в честь нового контестарского монарха - захворала, отдыхает на природе.

Юта была искренне рада этому. Она почему-то боялась встретить Оливию.

Сели за столы; в зале было непривычно тихо и как-то неуютно. Под тарелкой у Юты оказался маленький, сложенный вдвое листок; вздрогнув, она развернула его.

"Длинноногая сучка ловко крутила бедолагу-принца."

На Юту будто небо обрушилось.

Кто-то говорил речи, рядом внимательно слушал Остин - а Юта больше всего боялась, что он заметит листок в ее руках и спросит: “Что это?”

За ней наблюдают. Только и ждут, чтобы она покраснела или заплакала. Надо держаться.

Куда девать проклятую записку? Скомкать и выбросить, чтобы слуги прочитали?

Она улыбалась так, что судорогой сводило губы, а руки под столом терзали и рвали бумажку, помогая Юте вытерпеть эту игру.

Прошла целая вечность, прежде чем бесконечный прием завершился; Юта не прикоснулась ни к вину, ни к яствам. Остин смотрел на нее осуждающе, прошептал даже:

- Королева, как вы себя ведете?

Королева подавила в горле спазм.

Запланирована была также прогулка по зимнему саду и встреча Остина с Королевским советом Акмалии, но Юта забралась в карету и сказала, что хочет немедленно ехать домой. Остин был темнее тучи:

- В чем дело? Что за истерика?

Юта вся дрожала, как осиновый лист; она была в таком состоянии, что спроси сейчас Остин: “Да что случилось, милая?” - она не выдержала бы и все рассказала.

Но он не спросил.

Визит был прерван из-за внезапной болезни королевы Юты. Остин не пожелал ехать с ней в карете - ему подали верховую лошадь.

Трясаясь в душной бархатной полутьме, Юта глотала слезы и думала: это неправда. Остин женился на ней по любви... Она еще докажет, что достойна быть его женой!

Она отвела занавеску от окна и увидела звезды. Высоко-высоко, в зените, сиял Венец Прадракона.

\* \* \*

В темном и смутном своем детстве он слышал от кого-то - то ли от отца, то ли от деда - древнюю поговорку: “Дракон всегда отыщет путь за море”.

За море отправлялись самые сильные или самые отчаянные. Или же самые фанатичные - ведь за счастье увидеть землю Прадракона иногда приходилось платить и жизнью. Двести первый потомок Арм-Анн никогда не думал о паломничестве.

И вот, зависнув в зените над замком, он впервые задумался над этим. “Зубчатые скалы - хребет Прадракона, слепящее солнце - гортань Прадракона...” Арм-Анн осознал, что оставить все как есть - значит обречь себя на долгую смерть от тоски.

“Дракон всегда отыщет путь за море”.

Он спустился в подземелье и простился с предками - кое-кто из них сложил голову, отыскивая святыню рода. Где бы они не находились сейчас, им должен был доставить удовольствие благородный порыв младшего непутевого отпрыска.

Потом он вернулся в комнату с камином и долго сидел, глядя в золу.

Теперь Юта спокойна и счастлива. Он жил без нее двести с лишним лет, а с ней не прожил и года. Пустота, прореха, оставшаяся после ее ухода, зарастет со временем; будут тянуться и тянуться дни, он состарится, и, может быть, станет иногда разрешать себе воспоминание... Иногда. И день, когда он вспомнит Юту, вдруг выделится из череды долгих и одинаковых дней. Но это будет потом, когда стихнет это... эта... Наверное, боль утраты.

Да, люди называют это именно так. Пройдет время, и любая мелочь перестанет напоминать ему Юту. Но для этого надо выждать, перетерпеть.

Рассвело.

Тогда Арман встал и, не оглядываясь, покинул замок. Путь его лежал к изогнутой линии

горизонта.

Ревел ветер, рассекаемый мощными крыльями. Внизу метались в панике серые спины чаек. Он чуть сбавил скорость - кто знает, сколько придется лететь без остановки, без передышки?

Потом чайки исчезли - Арман улетал все дальше и дальше от твердой земли. Небо над его головой оставалось чистым, но справа и слева тянулись широкие поля облаков. Поднимаясь выше, он видел их спины - розовые с белым, подобные гудам каледоньего пуха. Облака громоздились округлыми глыбами, меняли форму и цвет - бесконечные гряды, уходящие туда, где небо сходится с землей... Опускаясь чуть ниже, он мог видеть их подбрюшья - голубые с серым, плоские, как подошва.

Мир был необъятно велик, и только солнце, неспешно пробирающееся среди облаков, могло увидеть его сразу - весь... Но нескончаемые прогулки по небу давно наскучили светилу, и оно смотрело на огромный мир привычно-равнодушно. Ну, дракон летит через море. Пусть себе летит..

Тот инстинкт, который вел его предков прямо к цели, говорил в Армане невнятно и глухо. Он знал только, что надо держать прямо на восток.

Миновал день, навалилась ночь, и он потерял горизонт из виду. Крылья его двигались медленнее и тяжелее, и мучительна была мысль о том, что на миллионы взмахов вокруг простирается только вода и вода, склизкая, предательская поверхность.

Занялось утро, и он с удивлением увидел, что почти не сбился с курса. Выпуклый горизонт подернулся на востоке малиновым и выпустил в небо тяжелое розовое солнце. Облака растянулись по самому краю неба, как слепцы, ведомые поводырем.

Раньше Арману никогда не приходилось сутками подряд держаться в воздухе. Ему хотелось пить; усталый, он обрадовался, увидев с высоты маленький пологий островок.

Сделав круг и убедившись, что островок пуст, он с облегчением стал снижаться. Чем ниже он опускался, тем гуще становились внезапно достигшие его ноздрей волны смрада.

Остров был раздувшимся брюхом исполинской дохлой рыбины; мелкие морские обитатели вспенивали воду вокруг, торопясь полакомиться столь щедрых размеров падалью. Как ни тяжело было Арману, но отдыхать на трупе он не стал - с усилием снова набрал высоту и с упорством безумца двинулся в направлении, указываемом глухим, едва теплящимся инстинктом.

Следующая ночь была кошмаром - он впадал в забытие на лету. Море под ним слабо светилось, над фосфорицирующими волнами поднимались чьи-то головы, и некие существа выталкивали из воды желеподобные туши, чтобы снова обрушиться в пучину. В какой-то момент Арману показалось, что в темноте он видит море насквозь - посверкивающее, тяжело колыхающееся, кишащее щупальцами и белыми выкаченными глазами, и все глаза провожают его, невесть как залетевшего в эти края дракона... Он хотелдохнуть огнем, чтобы рассеять кошмар - но из пересохшей глотки вырвалась лишь одинокая искра, да и она тут же погасла, будто слизанная ночью.

Утром он очнулся на твердой земле. Как добрался до крохотного архипелага - память подсказать отказывалась. Не иначе, как Прадракон сжалился.

Распростертая в песке когтистая лапа дрогнула. По ней пробежала как бы судорога, и в ту же секунду в песок впились человеческие пальцы. Ударил землю и исчез мощный чешуйчатый хвост. Вместо измученного ящера на берегу лежал измученный человек; скорпион, наблюдавший метаморфозу с песчаного холма, он неожиданности вскинул хвост и чуть не укусил себя в спину.

Первый островок был кругл и гол, как пятка; второй казался сплошной расщелиной между двумя заскорузлыми скалами, круто выпирающими из соленых волн; на третьем, пологом и каменистом, была вода - дождевая вода, скопившаяся в каменной чаше.

Арман пил долго и жадно. Все человеческое в нем умоляло об отдыхе, а драконье властно требовало пропитания - необходимо было кого-то поймать и съесть. Арман беспомощно огляделся.

Птицы не долетали до крошечного, затерянного в море архипелага. Ни одно, даже самое мелкое сухопутное животное не нашло бы прокорма на голых камнях и разогретом песке. Настороженно

косясь на Армана глазами-бусинами, бочком отползали в море некрупные серые крабы.

Тогда он задумал поймать рыбу. Дракону была противна сама мысль о воде, и охотиться пришлось в человечесем обличье; зайдя в море по колено, он с надеждой высматривал в прозрачной толще чью-нибудь съедобную спину. В какой-то момент ему удалось оказаться в самой гуще серебряной рыбьей стаи - но удача не далась ему, как не далась скользкая, отчаянная рыбешка.

Голодный и очень ослабевший, он распростерся на песке. Нещадно палило солнце; тень от острова-расщелины, описав полукруг, упала Арману на лицо.

В это же самое мгновение от подножья скал-близнецов туго разошлась волна; обе каменные половинки вздрогнули и чуть раскрылись, как лепестки стыдливого цветка. Из расширившейся щели между ними поднялась треугольная голова на длинной кольчатой шее.

Секунду или две Арман и обитатель скал смотрели друг на друга. Потом обитатель, немало удивленный присутствием на островах человека, рывками потянул свое бесконечное тело откуда-то из глубин.

Видимо, его заботили сходные проблемы - ему трудно было добывать пропитание в скудном мире песка и камней. В радостной спешке, глотая длинные мутные слюни, изголодавшаяся тварь форсировала узенький пролив между островами. Брызги так и летели из-под полосатого змееподобного брюха; в панике разбегались крабы.

Арман смотрел, как чудище приближается. Голова уже достигла песчаного берега, а хвост все еще лез из расщелины.

Обитатель скал сделал последний рывок и разинул маленькие челюсти, из которых выдвинулся шипастый черный язык. Он знал в свое время вкус человечины; тем удивительнее и обиднее было ему обнаружить вдруг, что это мягкое и беззащитное создание ни с того ни с сего обернулось бронированным крылатым ящером.

Обитатель затормозил, будто налетев на невидимую преграду. Длинные глубокие борозды

остались в песке; мгновение длилась неловкая пауза. Арман смерил нового знакомого взглядом, размышляя, можно ли его съесть - тот прочел это в свирепых глазах под костяными щитками. Вряд ли Арману удалось бы преодолеть свое отвращение настолько, чтобы попытаться скушать обитателя скал - однако тот, смятенный и разочарованный, поспешил вернуться в свое укрытие. Створки камней сомкнулись с раздраженным стуком захлопнувшейся двери.

Сразу же после этой встречи Арман покинул острова.

\* \* \*

Возвратившись в столицу, Юта принесла мужу самые горячие извинения. Это, конечно, был обыкновенный нервный припадок, болезнь. Она уверена, что это больше никогда не повторится.

Остин кивнул, но отношения между супругами некоторое время оставались натянутыми.

Желая угодить мужу, Юта изо всех сил старалась отвечать его представлениям о том, какой должна быть королева. Она пожелала научиться вышивать - специально для этого во дворец была доставлена серенькая старушка-мастерица. Старушка привезла с собой угрожающих размеров пяльца, коробку с иглами и нитками и целый ворох образцов для вышивания.

Целыми днями Юта вышивала, глядя на эти образцы. Им надо было следовать в точности, если же рассеянность или неуместная фантазия побуждали Юту что-нибудь изменить - старушка поджимала губы и огорченно качала головой.

Под вечер у Юты болели глаза и пальцы, ныли затекшие плечи - ей приходилось делать над собой усилие, отвечая на ласки Остина, которые всегда оставались одинаковыми. Король уставал еще больше, ведь он тоже работал целый день! Неудивительно, что, покончив с торопливой любовью, он тут же проваливался в глубокий сон...

Вскоре королева преподнесла любимому мужу собственноручно вышитый платок. Король

Остин принял подарок со сдержанной благодарностью, отношения супругов стали немного теплей.

Подошел Главный Праздник Зимы. Юта надеялась, что, как когда-то в родительском доме, устроены будут Ледовый дворец и Снежная битва, что зальют каток, что накачают снеговиков и дадут им в руки факелы - но Остин заявил, что снова будет большая охота. И, хоть Юта до сих пор без содрогания не могла вспомнить стеклянный взгляд мертвого оленя - она сделала вид, что рада.

Когда кавалькада охотников выехала в поле - пошел снег.

Он валил и валил, хлопья не кружились, как кружиться в полете первые снежинки - земля ведь тогда еще нагая, и надо хорошенько выбрать место для падения. Нет, это был снег середины зимы, когда все места уже заняты и хлопьям нечего выбирать - ложатся, как придется...

И вот, когда первые хлопья улеглись Юте на плечи и на ресницы, она вспомнила калидоний пух.

Он так же лежал на плечах, на волосах и ресницах, но был теплым и не таял... Она закрыла глаза и представила, как в покинутое и разоренное осенью калидонье гнездо ложится снег.

Лошадка ее умерила рысь, а потом и вовсе перешла на шаг. Юта опустила поводья; ей захотелось спешиться и побродить по снегу. Но все охотники ускакали далеко вперед; боясь отстать и рассердить Остину, Юта хлопнула лошадку по крупу.

Настреляли два десятка крупных зайцев.

В бревенчатом зале горели четыре камина; подвыпившие охотники со звоном шлепали друг друга по плечам, горланили и хохотали. Юта сидела молча; Остин много и с удовольствием пил - у него впервые за много дней появилась возможность расслабиться и отдохнуть.

Какой-то князек стал рассказывать, как ему довелось схлестнуться один на один с бешеным вепрем. Ожесточенно жестикулируя, он проигрывал сцену драки за себя и за кабана, причем за кабана удачнее. Юта потупилась. Остин жевал, ухмыляясь.

- Вепрь! - громко и презрительно выкрикнули из дальнего угла. - Охота слушать про какую-то

свинью, ротозеи, когда наш господин сражался с драконом!

Разговоры тут же смолкли. Какого-то пьяницу, по-прежнему тянувшего свое, поспешно одернули; все как один, охотники умоляюще уставились на короля, искоса, впрочем, поглядывая и на королеву.

Вздвигнув, Юта задела локтем медный бокал, и тот повалился с глухим звоном.

- Ваше величество, - почтительно обратился кто-то, - сделайте нам честь, рассказав об этой великой битве!

Остин хмыкнул и тяжело, будто нехотя, поднялся.

Был он высок и широкоплеч; пряди светлых волос, мокрые от пота, прилипли ко лбу и завитками легли на виски. И сейчас он был красив - особой мужественной красотой.

- Все мы воины, - бросил Остин небрежно. - Все знаем, что такое кровавая схватка... Ибо встретить дракона, господа - это уже не охота. Это - война, господа, и не на жизнь, а...

Он пошатнулся - и Юта теперь только увидела, насколько он пьян.

А Остин вдруг разбросал руки, больно задев при этом Ютино плечо. Не то размах крыльев показывал, не то ужасающие размеры своего страшного противника. В зале загудели.

- Дракон! - выкрикнул Остин. - Ящер! Шкурой его можно выстелить площадь... Он кинулся внезапно, с неба, дыша огнем... Тогда я резко отклонился вправо, а слева - вот так - наставил копьё... Древко опалилось, как уголь, но наконечник... Добрый наконечник мне выковали! Он снова взлетел и снова кинулся, но я...

У Юты вдруг сжалось сердце. Она вспомнила схватку у подножия Арманового замка.

Она не вспоминала ее давно - сказать по правде, она и не помнила ее раньше, события того небывалого дня подернулись в ее сознании как бы дымкой... Но теперь, слушая пьяную похвальбу Остина, она ясно представила и замок, и дорогу, и Армана, и принца на коне...

Со скалы, на которую поставил ее Арман, все было видно как нельзя лучше. Она была там все

время и прекрасно видела, что дракон поднялся в воздух лишь на секунду - и вовсе не дышал огнем!

Эта маленькая, давно утерянная подробность вдруг поразила ее, как открытие. Уткнувшись глазами в залитую вином скатерть, она слушала Остина и лихорадочно пыталась понять: почему она вспомнила об этом только сейчас? Почему это не поразило ее сразу?

- Моя секира разлетелась от одного удара по чешуе... Чешуя у него крепче крепкой стали, и я уж думал, что придется туго... На мое счастье этот единственный удар получился хорошим, чудовище потеряло равновесие и грянулось на землю! Я выхватил палицу...

Юта закрыла глаза.

Да нет же, это Остин шлепнулся на землю. Арман подцепил его когтями и снял с седла, как хозяин снимает с куста поспевший помидор... И она, дура, закрыла глаза и зажала уши! Она испугалась, что дракон убьет Остина, между тем как он уже двадцать раз мог убить его... Одно дыхания достаточно было, она же не раз видела, как Арман дышит пламенем...

А Остин действительно выхватил палицу, и, когда она решилась наконец посмотреть, принц опускал эту шипастую сталь на голову... На покорно подставленную голову...

Горгулья, как же она раньше... Остин, возвращение, свадьба, и Арман ушел куда-то далеко-далеко, стал легендой, почти сказкой...

- Из последних сил я выхватил палицу, господи! - Остин разошелся сверх меры, глаза его лихорадочно блестели, - и занес ее над головой... над головой ящера, конечно! Но он метался и катался по песку, шипя и изрыгая ядовитую слюну...

- Не было этого, - неожиданно для себя сказала Юта. И сама испугалась - такое действие произвели ее слова.

Остин всхрипнул и замолк. Те в зале, что сидели ближе и слышали ее слова, онемели с открытыми ртами; те же, что сидели дальше, громко переспрашивали друг у друга, что такое сказала королева и почему вдруг замолчал король.

Медленно-медленно, по волоску, король Остин повернул голову и посмотрел на жену. Под этим взглядом Юта, судорожно прижимая руки к груди, встала и молча, ни на кого не глядя, поднялась наверх.

\* \* \*

Шел пятый день полета над морем. Крылья Армана взмахивали судорожно и неровно, он летел уже над самой поверхностью воды - и опускался все ниже и ниже. Не видя ни неба, ни горизонта, он смотрел вниз, и в толще вод ему являлись видения, в которых он сам не мог отличить бред от яви.

Виделись ему корабли - широкогрудые морские красавцы с рядами высоких и крепких мачт; раскинув паруса, они стремились куда-то, но удивительным было то, что не поверхность воды несла их - они двигались под поверхностью, поглощенные, всосанные морем. То были его пленники; море будто давало парад своих жертв перед глазами измученного дракона.

Арман видел человеческие фигурки на чистых палубах - чаще всего это были мужчины - моряки и рыбаки, но на одном судне, самом большом, много было и женщин, и детей. Празднично, богато разодетые, они все стояли на широкой палубе, по сторонам которой плескались обрывки ярких тентов. Все как один подняв к Арману бледные лица, они смотрели прямо на него, смотрели безжизненно и безучастно, и, не метнись он в сторону отчаянным усилием - эти взгляды свели бы его с ума.

Однажды ему померещились в толще воды перепончатые крылья и костистый гребень вдоль спины - но дракон, если это был дракон, тут же провалился в пучину. Арманово сердце болезненно сжалось - сколько еще драконьих костей лежит на темном дне?

Много раз ему приходила мысль сложить крылья и кинуться в море, чтобы тут же и присоединиться к двумстам поколениям предков. Однако он летел и летел.

И вот, с трудом оторвав взгляд от воды, Арман нашел в себе силы глянуть вперед.

Прямо перед ним уже не было горизонта - его заступила от края до края темная отвесная стена. Арман никогда не думал, что такие скалы бывают на свете.

Он заработал крыльями сильнее, но стена надвигалась медленно, так медленно, будто специально хотела поразить своими размерами и величиной. Верхний край ее загородил полнеба, и Арман понял вдруг, что ему не перелететь - он просто не сможет подняться так высоко.

Закашлявшись сухим дымом, вырывающимся из глотки, он из последних сил рванулся вверх. Скала, отвесная и почти гладкая, равнодушно взирала на его усилия темными круглыми дырами - не то гнездами, не то норами.

Море отодвинулось ниже, и прибой, разбивающийся о подножье скалы, казался бахромой салфетки - той, что со смехом надергала Юта.

Юта... Он рассек густой воздух, в котором увязали крылья. Но вершина скалы была недосягаемо далеко, и, сдавшись, Арман медленно заскользил вниз.

Когда до жадных волн оставалось совсем немного, в скале - он видел боковым зрением - вдруг разверзлась пещера. Арман повернул голову - из темной глубины на него глянули, он всей чешуей ощутил этот взгляд.

- Молодой дракон... - не то сказал, не то вздохнул глухой голос из каменной толщи. - Ты ищешь смерти, молодой дракон...

Вовсе нет, хотел сказать Арман, но драконья пасть не умела разговаривать. У края пещеры выступал из скалы обломок камня - и Арман изо всех сил потянулся к нему когтями.

- Все вы... похожи, - изрек Тот, Что Смотрел Из Скалы.

Арману удалось уцепиться - в ту же секунду обернувшись человеком, он рывком забросил тяжелое, немеющее тело в пещеру. Кто бы не смотрел оттуда, это была твердь - место, где можно жить, не взмахивая крыльями.

- Ты ищешь смерти, молодой дракон, - уверенно повторил Тот, что Смотрел, хотя его незванный

гость был уже в людском обличье.

- Я давно не молод, - хрипло отозвался Арман. - И не смерти я ищу, а родину Прадракона, моего предка.

- Этого мальчика, - голос потеплел, - этого смешного крылатого мальчугана... Я всегда забываю, что уже прошло время с тех пор, как он научился летать...

- Прадракон?!

- Да, да... Он рос на моих глазах, я всегда был против этой безумной его идеи - полететь за море... Но родина его не здесь.

Арман неподвижно лежал на острых камнях. Слова Того, Кто Смотрел, повергли его в ужас; взгляд, источник которого был где-то в темной глубине, давил и сковывал. Арман ни разу не решился посмотреть прямо навстречу этому взгляду, но и ткнувшись в пол, ощущал его - пристальный, неотрывный.

- Родина его не здесь, - продолжал Тот, - он подкидыш... Кто знает, откуда его подкинули - может быть, со звезд...

- Прадракон не может быть подкидышем, - глухо сказал Арман.

- Возможно, возможно, - легко согласился голос. - Хотя кто поручится, что всех нас не подкинули в этот странный мир?

- Кто ты? - спросил Арман все так же глухо.

- Разве можно ответить на этот вопрос? - удивился Тот. - А кто ты?

- Мое имя Арм-Анн.

- Разве в имени дело? Что говорит о тебе твое имя?

- Я двести первый потомок великого рода, - Арман перевел дыхание, взгляд из темной пустоты все тяжелее было выдерживать.

Кажется, голос усмехнулся:

- Этот мальчик наплодил множество потомков... Ты похож на него, молодой дракон.  
- Возможно, - медленно отозвался Арман. - Он был первым в роду, я же - последний.  
- Кольцо, - сказал Тот, Кто Смотрел.  
- Что? - не понял Арман.

- Кольцо. Первый - это последний и есть. Круг замкнулся.

Некоторое время Арман лежал, переваривая его слова. Потом пробормотал сквозь зубы:

- Ты философ... Не мог бы ты отвернуться ненадолго? Мне... тяжело, когда ты смотришь.  
- Как же я могу не смотреть? - удивился Тот.

Помолчали.

- Я хочу уйти, - сказал Арман.

- Совсем уйти? Уйти из этой жизни?

У Армана что-то екнуло в груди - не то страх, не то, наоборот, радость.

Скала чуть заметно вздрагивала, сотрясаемая прибоем. Но в мерный звук волн не вплетались привычные крики чаек - тихо, ни зверя, ни птицы.

- Н-нет... - проговорил он с трудом. - Я еще... не решил.

Взгляд стал еще пристальнее - Арман задыхался под ним.

- Решай, молодой дракон. Тому мальчику тоже было трудно.

- Отвернись, - выдохнул Арман, закрывая лицо руками.

Последовал звук, подобный короткому сухому смешку.

- Тебе еще придется решать. Тебя ждет... Нет. Сначала выбери.

И снова - короткий смешок. Взгляд исчез.

Арман поднял голову - из глубины скал доносились тяжелые шаги уходящего.

\* \* \*

После случая в охотничьем домике, когда похвальба Остина прервана была негромким Ютиным замечанием, в отношениях супругов произошел внезапный и резкий разлад. Король все чаще пренебрегал супружеской спальней. Разлад внутри венценосной семьи не остался незамеченным.

Шептались горничные; их шепоток долетал до Ютиных ушей и покрывал их краской стыда. Иногда ей хотелось заткнуть все болтливые рты разом - но она еще сдерживалась, делая вид, что ничего не слышит.

Однажды вечером она сделала попытку объясниться.

- Остин, - небрежно сказала она за ужином, который, как и прочие дворцовые ритуалы, оставался неизблемым, - я бы хотела поговорить с тобой.

Он посмотрел на нее без всякого выражения - так, во всяком случае, ей показалось, - и медленно кивнул.

Она звала его прогуляться по заснеженной лужайке, но король настоял на том, чтобы разговор происходил в его рабочем кабинете. Кабинет угнетал и сковывал Юту - ей казалось, что у этих стен особенно длинные уши.

Остин сел за стол - вялый, равнодушный, усталый. Подперев щеку кулаком, уставился в окно.

- Остин, - Юта осталась стоять, привалившись к стене, - Остин... Если я виновата, прости меня. Знаешь, иногда ничтожные пустяки способны рассорить людей... Но я не хотела...

Он вскинул голову:

- Ничтожные пустяки?! Как ты посмела встать между мной и моими... воинами! Моим народом!

Король поднялся, уронив на пол какие-то забытые бумаги. Бумаги рассыпались веером. Юта сжалась в комок.

- Ты ведешь себя, как... простолюдинка! Над тобой уже смеются... А если они будут смеяться

надо мной?! - представив себе вероятность подобного кошмара, Остин побледнел, как мука.

Юта смотрела, как прыгают его губы, как сверкают возмущенные глаза, и в какую-то минуту ей показалось, что между ней и королем обростает каменной корой толстая холодная стена. Ощущение внезапной отчужденности было так сильно и явственно, что Юта пошатнулась. Горгулья, они чужие. Детство, юность, сны...

Раздраженно шагая по комнате, Остин наступил на белый листок бумаги - будто тяжелую печать поставили на уголок пустого листа.

- Эта истерика в Акмалии... И теперь эта выходка... - Остин вскидывал ладонь и рассекал ею воздух. - Неужели так трудно жить по законам приютившей тебя страны?

- Приютившей? - тихо спросила Юта, не отрывая взгляда от темного отпечатка королевского каблука. - Как сиротский приют? Я думала, ты меня любишь...

Остин прерывисто вздохнул, перестал расхаживать и отошел к окну. Постоял, чуть отодвинув бархатную портьеру. Обернулся:

- Да... Конечно... А теперь иди к себе, у меня много работы.

Спустя два дня королю понадобилось нанести визит в Акмалию.

Непонятно почему, но Юте не по душе была эта поездка. Не потому, что жалко было расставаться с Остином - отчуждение теперь разлеглось между ними, как тяжелый ледяной зверь. Однако мысль об Акмалии была ей с некоторых пор противна.

Остин, возможно, придерживался иного мнения. Снаряжен был королевский отряд; прощаясь, Остин, неукоснительно следуя дворцовому этикету, коснулся губами Ютиной руки. Рука вздрогнула и высвободилась.

Потянулись долгие дни без Остина - и королева с удивлением поняла, что они почти не отличаются от тех, что были проведены вместе с ним. Все та же чередка ритуальных обедов и ужинов,

все та же вечно одинаковая прическа, пядьца со строго предписанными узорами... А без однообразных любовных ласк она вовсе не страдала - чему тоже была немало удивлена.

С преувеличенным старанием она вертела иглой, перенося на тонкое полотно кем-то придуманные узоры; в душной густой тишине наглухо закрытой комнаты ей являлись странные мысли и видения.

Она видела Остина - улыбчивого мальчика, сдержанного подростка. Вот он идет по аллее замка, ее родного замка, родительского дома... Поневоле накатывало то давнее, забытое чувство, когда от прилива крови уши вот-вот отвалятся, и никакими силами не стереть с лица глупую улыбку, а кругом ведь люди, и что, если заметят... И Юта улыбалась, склонившись над пядьцами, но в ответ тут же являлось другое воспоминание - окровавленная голова оленя, привешенная к седлу, равнодушное лицо мужа - пустое, чужое... Юта закусывала губы, и вот уже умирающий король Контестар пытается улыбнуться: “Ты хорошая девочка... Надеюсь, Остин это поймет”. И сразу - дракон покорно подставляет голову под удар стальной дубины с шипами...

Арман! Юта укололась иглой и замарала вышивку кровью.

Остин вернулся спустя почти две недели. Дворец сразу наполнился многоголосым шумом и хохотом; король зашел поздороваться с женой и застал ее за вышиванием.

- Здравствуй, моя красавица! - выкрикнул он весело и от всей души хлопнул Юту по плечу.

Юта сжалась. Ей почудилась в этих словах насмешка; раньше Остин никогда не называл ее красавицей, да и никто не называл, зачем...

Остин ушел, а ей расхотелось вышивать.

\* \* \*

Волны разбивались об отвесную скалу. Исполинские, горбатые, в белых ключьях пены, они казались твердыми и скользкими на ощупь; солнце просвечивало сквозь их грузные тела.

Верхний край скалы был закрыт облаками. Облака вздымались и пухли, чтобы тут же истончиться и растаять бесследно, перетечь в соседнюю клубящуюся глыбу, вывернуться наизнанку, поглотить и быть поглощенным... Арман до бесконечности мог смотреть на их стремительную, жутковатую игру.

Он поймал себя на мысли, что Юта оценила бы это зрелище. Он не мог отделаться от мучительной привычки - воображать себе, что Юта смотрит на мир вместе с ним, его глазами... Вернее, он теперь старался смотреть глазами Юты, переживая за нее и восторг, и удивление, и страх...

Он знал, что скала, все такая же гладкая и отвесная, раздирает облачную грядку и тянется выше, еще выше, чтобы упереться в небо. Здесь не летали - ни птицы, ни драконы.

Мир же скалы был подобен миру замка - множество темных переходов, больше похожих на норы. Тот, Что Смотрел Из Скалы, больше не появлялся.

Темный инстинкт, который вел предков-драконов прямо к цели, прорастал теперь в Армане все сильнее и повелительнее. Повинуясь ему, Арман двинулся в темноту.

Ему не приходилось думать и решать - его влекла безымянная сила. В скале гнездились еще много Смотрящих - но их взгляды были слабее и тоньше взгляда Того, встреченного Арманом вначале. Он ощущал их справа и слева, они упирались ему в спину - но в лицо почему-то не хотели или не решались смотреть.

И он брел, стараясь не думать о том, что вместо неба над головой - тысячелетние сгустки камня, кладбище ветра и облаков. Время замедлилось - делая шаг, он успевал передумать сотни мыслей, не доводя, впрочем, ни одной из них до конца...

Так шел он в полной темноте, сопровождаемый взглядами, и миновало, кажется, столетие, пока он вдруг понял, что свода над головой больше нет. Чернота не отступила, а, похоже, стала гуще, но

Арман почему-то верил, что это ненадолго. Он сел, где стоял, подобрал под себя скрещенные ноги и стал терпеливо ждать.

И ожидание его было достойно вознаграждено.

Сначала он увидел бледную, изломанную линию высоко над собой. Потом все, что оставалось над линией, стремительно стало наливаться светом, а то, что было ниже, оставалось бархатно-черным. Разлом в небесах становился все ярче, и Арман решил было, что здесь, на краю мира, небо растрескалось подобно старому магическому зеркалу...

Но свет прибывал и прибывал, линия распадалась, и Арман, затаивший дыхание, прошептал, не отдавая себе отчета: “Смотри, Юта!” Перед ним наливалась солнцем круглая чаша долины, окруженной немислимой высоты горами.

В разломах ползали черные тени - Арман сперва принял их за живые существа, но это все-таки были тени, хотя и довольно уродливые. Солнце гнало их глубже в трещины, а выше, вчekanенные в наливающийся синевой свод, ослепительно горели ледяные вершины.

Арман смотрел, потрясенный. На какое-то мгновение ему показалось, что он видит исполинскую челюсть с полукругом сверкающих зубов - оскаленных, хищных. Открывающаяся ему картина была страшной и величественной одновременно - горы стояли, как памятник кому-то вечному, как насмешка над временем, как вызов всем силам мира.

Жаль, что Юте никогда не увидеть этого...

За два с лишним столетия своей жизни Арман тоже не видел ничего подобного. Скалы были его родиной, случалось охотиться и в горах, и, может быть, для ящериц, греющихся там на солнце, те горы были таким же потрясением... Теперь сам Арман ощутил себя ящерицей - маленьким, зачем-то крылатым зверьком.

Может быть, это горы Прадракона?

Забыв о голоде и жажде, он принял драконье обличье и взмыл в узкое, запертое вершинами

небо.

Теперь он узнал, что такое холод.

Протискиваясь среди вершин, закованных в ледяной панцирь, огибая полупрозрачные мутные глыбы, он стремился все дальше, ведомый только инстинктом и предчувствиями. Воздух стал жидким и будто бы пустым - чтобы удержаться, все чаще приходилось взмахивать крыльями. Дышал он теперь так часто, что обморозил глотку и не пытался уже выдыхать огонь; сверкающие короны каждой гранью отражали солнце, и, оставаясь холодным, оно слепило и жгло. Арману казалось, что он обугливается на лету, так и не успев согреться.

За горами вставали все новые и новые горы, бесконечная горная страна. Арман то и дело опускался на смерзшийся снег, отдыхал, соскальзывал... Четырехгранная ледяная глыба была не первой на его пути.

Он обогнул ее, не в силах подняться выше и пролететь над ее вершиной. В серо-синей глубине ему почудился темный силуэт.

Предчувствие велело ему вернуться; приблизив драконью морду к стене льда, он долго всматривался, подергивая свернутыми крыльями.

Он разглядел длинную шею и мощный хребет, вдоль которого тянулся массивный гребень. Переступая чешуйчатыми лапами - когти впились в скользкую ледяную корку - он осторожно двинулся в обход.

Глыба выступала мощным углом, и, миновав его, он встретился взглядом с одним широко раскрытым, незряче уставившимся из-под надбровного щитка глазом. Арман встал.

Вмерзший в глыбу дракон, казалось, пытался вырваться из окаменевшего льда. Морда его застыла в нескольких шагах от края, и половина ее, повернутая к Арману, была видна до последней чешуйки. Очертания тела терялись в глубине.

Кто это был? Уж не Хар-Анн ли, сорок третий в роду? Но сколько же веков тогда простоял он здесь, пойманный, плененный, лишенный огня и погибший страшной для дракона смертью?

Арм-Анн собрал все свои силы и, преодолевая боль в обмороженной глотке,дохнул пламенем на ледяную глыбу. Пламя вырвалось двумя скудными языками, лизнуло лед и сразу иссякло. Поверхность глыбы около мертвой морды Хар-Анна покрылась застывшими потеками, как залитое дождем стекло.

\* \* \*

Спустя неделю Остин снова уехал, и снова вернулся, и уехал опять. Вернулся по-прежнему веселый; гвардейцы и придворные, составлявшие его свиту и охрану, галдели, хохотали и как-то особенно низко кланялись Юте, и ей мерещились усмешки, скрываемые в усах. Она ругала себя за глупую мнительность и глухие, недостойные подозрения, зашевелившиеся в душе с тех пор, как какой-то барон хихикнул за ее спиной и подмигнул гвардейскому лейтенанту. Юта увидела его гримасу, отразившуюся в стоящем на столе серебряном кубке, и долго потом ее мучил постыдный вопрос: почему подмигнул? Почему за спиной?

Тогда, помнится, королевская свита въезжала в дворцовые ворота, Юта смотрела из окна, как Остин, красиво выпрямившись в седле, помахивает ладонью сбежавшимся придворным... Потом он явился к жене, строгий, как учебник по дворцовому этикету, заученным движением потянулся к ее руке и ровным голосом произнес приличествующую моменту фразу:

- Ваше величество, моя супруга, как я мечтал снова увидеть вас.

Прибывшие вместе с ним поклонились, Юта кивнула и отошла к окну, Остин тоже кивнул и вышел, а свита его поспешила следом, толкаясь в дверях... Тогда-то Юта и увидела баронову усмешку, которая, впрочем, могла относиться к чему угодно, а вовсе не к ней, и не к этим холодным и правильным, совершенно официальным словам Остина. Да и кто запретит придворным смеяться!

Однако яд был пролит, и Юта, всю жизнь горячо презиравшая сплетни и перемигивания, отравилась незаметно для себя.

В каждой горничной ей виделась насмешница; все, даже пажи, даже старушка-вышивальщица, все знали что-то, заставляющее многозначительно кривиться их рты, придающее вежливым, почтительным голосам скрытую нотку издевательства... Юта снова, но во много раз острее, чем в отрочестве, осознала свою некрасивость.

С Остином они давно не разговаривали по-человечески - только гладкие, бесстрастные, предписанные Ритуалом фразы. Король жил своей, совершенно чужой для Юты и, по-видимому, безбедной жизнью - отправлял и принимал гонцов, как правило, с гербом Акмалии на рукавах, все чаще выезжал на охоту, забросив государственные дела, где-то пропадал по несколько дней...

Поддавшись приступу раздражения, Юта выбросила пяльца и выставила старушку-вышивальщицу со всем ворохом рекомендуемых образцов. Взамен вытребовала себе бумагу и письменный прибор.

Она села писать письмо сестрам и матери, но нужные слова не шли, а перо то царапало, то исходило кляксами. На бумагу ложились бессвязные жалобы, Юта злилась и зачеркивала, зачеркивала и злилась, пока, на минуту задумавшись, не обнаружила вдруг, что, не пытаясь уже писать, бессмысленно водит пером по бумаге.

На белое поле ложились линии, круги, змейки и дуги... Юта не умела рисовать, но из-под пера вынырнули вдруг очертания лохматой птицы. Закусив губу, Юта пририсовала рядом еще одну такую же птицу и трех маленьких - птенцов. Подумала и добавила корзинку-гнездо.

Она тогда, помнится, спросила: “По-твоему, калидоны не вернуться, Арман?” А он ответил: “В этой жизни ничто просто так не возвращается”.

Он был прав. Ничто не вернется теперь.

Королева снова опустила перо в чернильницу. Рука ее вывела среди каракулей: “Рождается

месяц... жемчужный коготь первого в мире... дракона...”

И снова клякса - жирная, как сытый клоп, скользнула с пера и убила последнее слово.

Однажды ушей королевы достигла случайно оброненная кем-то фраза: “...Да виноват ли? Женился-то не по своей воле...”

Мало ли о ком могли говорить во дворце. Сотни людей женятся и выходят замуж, почему же Юта не сомкнула глаз той ночью?

Одна посреди широкой холодной постели, под парчовым балдахином, с мерцающим у кровати ночником, окруженная негой и роскошью, королева начисто сгрызла уголок подушки.

Не по своей воле. Его принудили. Женат по воле долга. Все это понимали и понимают, и только она...

Ворочаясь и сбивая простыни в комок, она прокляла Армана. Вспоминая поединок с принцем, бесконечно повторяя его перед своими глазами, выживая из памяти мельчайшие детали, она поняла с ясностью солнечного дня, что Арман подарил ее принцу.

Подарил... Она не вытирала злых слез, обильно орошающих подушку. Зачем?

Бессмысленно плясая на балдахин, она припомнила давным-давно слышанную историю, будто накануне битвы Остина с драконом прямо на судебное заседание явился человек... Что он говорил, повторять никто не желал, однако на следующий день тогдашний принц водрузился на коня и...

Арман, ты провокатор. То, что ты сделал, Арман, не может быть оправдано. Актер, балаганный актер, шут гороховый...

И тут Юту обожгло. Судорожно потянувшись, она вцепилась в простынь двумя руками.

Она ведь чуть не умерла от радости, увидев Остина в магическом зеркале. Она ведь была по самые уши счастлива. Она боялась за принца, и неслась ему навстречу, прыгая по камням подобно дикой козе... И как дикая коза, кинулась освободителю на шею, и ждала свадьбы, то и дело хлопаясь в

обморок от сладостного предвкушения... Но, может быть, все это было лишь испытанием, пробой, и Арман желал, чтобы она выдержала это испытание?

Не в силах больше барахтаться в ненавистной постели, Юта рывком вскочила и, как была в ночной сорочке, выбежала на середину комнаты.

Она предала Армана.

Она поплатилась.

Под утро ей удалось заснуть.

Сон ее был полон облаков и калидоньего пуха.

Бело-розовые, как диковинное произведение кондитера, они обволакивали ее и несли над землей, и острое, ни с чем не сравнимое чувство свободы и полета сотнями иголок впилось в Ютину кожу, так что волосы встали дыбом... Во сне она была крылатым существом, может быть, калидоном, и тот, кто подарил ей все это, был рядом. Тот, кто подарил ей право летать, парил на расстоянии вытянутого крыла.

Юта вонзалась в трепещущие бока облаков, и были они схожи с белыми языками пламени - так вились, перетекая друг в друга, облизывая небо... И страшно и весело было тонуть в этом безмолвном небесном пожаре, в холодном камине небес...

Тот, кто подарил ей полет, протягивал руку сквозь толщу калидоньего пуха, и она ощущала прохладу его ладони.

“Арман... Я по ошибке родилась среди людей... Я должна была родиться... Среди драконов...”

Она проснулась и долго лежала, глядя сухими глазами прямо перед собой.

Арман хотел ей счастья. Он устроил ей счастье... Как мог. Через утрату... Только вот человек, который летал на драконе, не может жить согласно дворцовым Ритуалам.

Умрет от тоски.

\* \* \*

Случилось так, что потомок вмерзшего в лед Хар-Анна перевалил через горы и остался в живых.

Холод отступил; крылья уже не несли Армана-дракона, и потому он просто брел, забыв обернуться человеком.

Сначала когти его оставляли на камнях длинные глубокие царапины, потом он не заметил как, но чешуйчатые лапы с каждым шагом стали все более увязать в мелком каменном крошеве, и он едва переставлял ноги, когда предгорья остались за спиной и перед Арманом разлеглась желтая равнина.

Это было то же море, но море бесконечного мелкого песка. По поверхности его бродила рябь; крупные волны вздымались и опадали, сшибались с разгону и менялись местами, а что творилось в глубине, на самом дне, в золотой толще - этого Арману не суждено было знать. Поэтому он просто стоял и смотрел, и песок протекал между одетыми в чешую когтистыми пальцами.

Солнце поднималось все выше и выше, песок из золотого становился белым; Арман почувствовал, как оживает пламя в давно уже холодной глотке. И ондохнул огнем, и песок у его ног сплавился в лепешку.

Тогда, обновленный, он взмахнул крыльями.

Все повторялось - он снова летел над бесконечной волнистой гладью, но это не была предательская, враждебная гладь моря. С каждым взмахом он приближался к чему-то, а, как он теперь твердо знал, впереди его действительно что-то ждало.

Тень его, подобная маленькой черной птице, скользила по нагромождениям песка - вверх-вниз, стелясь, изгибаясь, как отражение в беспокойной воде. Воздух над пустыней дрожал и струился; мощные восходящие потоки подхватывали Армана под крылья, и он парил, распластавшись, дивясь

новому странному ощущению...

Так прошел день, и вечером небо от горизонта до горизонта налилось тяжелым красным светом. Наступила ночь, холодная, как горный перевал, но Арман летел и не опустился на остывающий песок.

Прошел еще день, и еще ночь, и еще. Солнце вливало в уставшего за ночь дракона новые силы, а пустыня была добра к нему - глаз отдыхал на мягких линиях бродячих барханов, и Арману нравилось смотреть на игру песка, как когда-то - в огонь камина... У него появилось смутное чувство, что он вернулся домой.

Потом впереди показались не то холмы, не то занесенные песком развалины. Затрепетав, Арман рванулся вперед так быстро, как только мог. Инстинкт двухсот поколений предков обрел в его голове форму - то было слово "цель".

Цель! Арман опустился в песок, и вокруг него взметнулась горячая туча. Ветер тут же снес ее в сторону.

Ветер. Арман откуда-то знал о нем, что он никогда не меняет тут ни силы, ни направления. Потому и рябь на песке была здесь слежавшейся, безупречно правильной, как оконная решетка.

Арман... Нет, Арм-Анн стоял неподвижно, и ветер тонко пел в поднявшихся дыбом чешуйках.

Перед ним был темный осколок скалы, не осколок даже, а сплав, сгусток - невысокий, мучительно искривленный, будто сторбившийся, конус. Там, где должна была быть съехавшая на бок вершина, зияло темное слепое отверстие.

Древний вулкан, некогда извергавший из страшного жерла сгустки пламени, давно утих и застыл; некая сила, превосходящая его собственную силу огня, искорежила старческое тело, и последний вулкан предстал перед последним драконом, как стывающая развалина.

Арм-Анн взревел.

Так ревели тысячелетия назад его предки; услышав этот жуткий крик, сошел бы с ума любой

смельчак, рожденный людьми. Далеко за песчанными гребнями поднялась над желтой поверхностью безобразная голова на длинной шее. Поднялась - и скрылась опять.

Арм-Анн шагнул вперед. Одно усилие - и слепое жерло оказалось на уровне его глаз. Из недр скалы остро пахло драконом - Арман узнал свой собственный запах, схожий с запахом гари.

О Прадракон, Стоящий в Начале, Ты, перед которым я виноват, Ты, на кого я возлагаю самую последнюю надежду. Услышь меня, где бы ты не был, я стою на твоей земле, я, Арм-Анн, пришел и трепещу, и ожидаю. Яви мне свое присутствие, Первый Предок.

Он закрыл глаза и длинно выдохнул пламя в погасшее жерло - будто хотел вдохнуть жизнь в губы умирающего.

Земля вздрогнула; ветер изменил вдруг направление, и тучи песка, растерянные и неприкаянные тучи давно успокоившегося песка взлетели в небо.

Армандохнул еще. Гортань его полна была пламени, и он готов был отдать все, без остатка.

Содрогнулся искривленный конус. Жерло по-прежнему оставалось темным, но там, в глубине, что-то рвалось и трескалось, Арману почудился судорожный вздох.

И тут на него навалилось.

Не теряя сознания, но будто оцепенев, он видел пустыню насквозь - она полна была жизни, как и море, и, как в море, на дне ее таились жуткие и беспощадные существа... А потом он видел море, из которого когда-то поднялась эта пустыня, и горы, которые ушли под воду и стали морским дном... Кольцо, кольцо замыкалось - высыхали морские раковины, обжигаемые солнцем, как глина в гончарной печи... Чужие твари заселяли чужие горы, а потом случалась перемена, горы проваливались, давая место морю, где жили совсем другие твари, жили, чтобы умереть и дать место следующим...

Он видел Спящего, замурованного в скалах под фундаментом замка и ужасного Юкку в подводных чертогах...

Он видел звездное небо не таким, каким оно было всегда - на его памяти и на памяти предков.

Венец Прадракона на этом небе был ярче и многокрасочнее, а туманностей Огненное Дыхание было две... Закручивались, пожирая друг друга, черные спирали пустоты, а рядом рождались новые звезды, увенчанные извивающимися лучами, белые с желтым...

Арм-Анн вдвухвал и вдвухвал пламя в холодные уста мертвого вулкана. Он задавал мысленные вопросы - но видения, сменявшие друг друга, вряд ли можно было назвать ответами. Многие из увиденного было непонятно ему, но безусловно источало мудрость, уверенность, спокойствие.

И Арм-Анн успокоился - впервые за много дней. Погасший вулкан не был мертвым, и угасающий род не был обреченным. Двести первый потомок вернулся домой, к колыбели предков, и не было силы, которая помешала бы ему остаться тут навсегда.

Он не заметил, когда принял обличье человека; растянувшись в горячем песке, он слушал небо и слушал пустыню, и не горевал более об отце, потому что твердо надеялся когда-нибудь встретиться с ним.

И он заснул, умиротворенный, на песке под звездами, слушая пустыню.

\* \* \*

Невероятное событие привело в ужас и королевский дворец, и последнюю лачугу: морское чудовище, уже долгое время не тревожившее берега, готово было объявиться снова.

Все гадалки предсказывали лиха и беды; компасы ушедших в море кораблей вертелись, как детские волчки.

Рыбацкие суда возвращались без улова, охваченные паникой. Кто-то что-то видел, кто-то слышал звуки, доносящиеся прямо из моря, кто-то попросту пропал без вести.

Были приведены в боевую готовность части береговой охраны, но с каждым днем доблестные ряды их редели и истончались. Зато по стране бродили полчища дезертиров, распространяющие такие

слухи, что даже самые добропорядочные и зажиточные хозяева готовы были бросить все и бежать куда глаза глядят.

Остин то и дело выступал с речью, одной и той же: король и советники, мол, не допустят, чтобы какое-то чудовище терроризировало мирных граждан... Раз или два приходили сообщения, что какой-то рыбак изловил чудовище сетью и скоро привезет на всеобщее обозрение, но верить таким слухам не спешили. Напротив - стоило кому-нибудь завопить благим матом, что “подводный ужас” вчера сожрал две деревни с жителями, скотом и домашней утварью - ему внимали, выкатив глаза и стуча зубами... Настали нехорошие, смутные времена.

- Ты ведь победил уже дракона - почему бы тебе не победить и морское чудовище? - громко спросила королева у своего мужа.

Дело было за завтраком, длинный стол разделял супругов, и, разговаривая, приходилось почти кричать.

Остин вздрогнул. Слуга чуть на пролил на скатерть белый винный соус, а присутствующие здесь же камердинер, паж и поваренок повернули головы так дружно, будто их дернули за ниточки.

- Ты же храбрец! - бесстрастно заметила королева.

Лицо короля пошло красными пятнами, но он ничего не ответил и склонился над тарелкой.

После завтрака Юта удалилась в свои покои, и туда же ворвался Остин. Одним свирепым взглядом окинул жену, сидящую за столом, чернильницу с торчащим пером, ворох исписанной и исчерканной бумаги. Щелкнул пальцами, отсылая молчаливую фрейлину. Протянул сквозь зубы:

- Если еще хоть раз ты посмеешь без разрешения открыть рот..

Да, король был по-настоящему взбешен. Уроки этикета слезали с него, как кожа со стареющей змеи.

- Если ты еще раз посмеешь вякнуть...

Юта встала - по-прежнему бесстрасная, даже чуть насмешливая:

- Что же? Ты снова отдашь меня дракону?

Остин всхрипнул:

- Значит, правда... То, что про тебя говорят...

Юта вскинула голову:

- Что же?

За портьерой тихо возились два подслушивающих пажа.

- Сосватанная драконом - вот что! Замуж тебя выдал змей, мерзкий дракон, склизкая тварь...

Юта шагнула вперед, презрительно сжав губы, безжалостная, как фехтовальщик перед дуэлью:

- Он стократ благороднее тебя!

- Да?! Твой дракон, помнится, смердит, как обгадившаяся коза!

Юта будто натолкнулась на невидимое препятствие. Со свистом втянула воздух. Бросила, как камень в лицо:

- Глупец... Я видела весь ваш бой. Я видела, как ты струсил.

За портьерой упало что-то тяжелое, послышался топот убегающих ног. Остин смотрел сквозь Юту белыми, ненавидящими глазами.

Уходя, он споткнулся и ударился лицом о дверную ручку. Вечером слуги, посмеиваясь, передавали из уст в уста: королева поколотила короля, вон какой синяк оставила!

Остин дожил-таки до самого страшного: над ним смеялись.

\* \* \*

Пустыня приняла Армана, почти что усыновила.

Скаждым днем он становился сильнее, и видения, являющиеся ему под жерлом потухшего вулкана, наполнялись новыми красками и новым смыслом. Предки говорили с ним - молча, но внятно, и никто не упрекнул его, что оставил замок на произвол судьбы, что не исполнил Ритуала...

Замок. Ритуал.

Разваленные башни, черный зев Драконьих Врат, запертые комнаты, пустые залы... Мертвое строение, и та, чей смех оживлял его, далеко, ох как далеко...

Поймав себя на подобной мысли, он скрипел зубами и отталкивал Юту от себя, изгонял, забывал. Но дни шли и шли, и вновь обретенное спокойствие таяло, как лед на ладони.

Однажды ночью он проснулся, покрытый потом. Звук, длинный красивый звук явился из остывающей пустыни - а пустыня богата голосами... Но во сне Армана голос пустыни был голосом старинного музыкального чудовища, инструмента, загромаждавшего Органную комнату. Инструмент пел, а перед ним стояла, упрямо вскинув голову, странная, некрасивая, случайно похищенная принцесса...

В полдень он сидел под прямыми лучами солнца и пересыпал песок из кулака на ладонь. Золотая струйка заворачивала, как огонь, как море, как игра облаков... Арман снова зачерпывал и снова пересыпал пригоршни песчинок, пока в голове его не возникла строчка:

- Я силился жажду песком утолить...

Он пошевелил сухими губами. Прошептал неуверенно:

- И море пытался поджечь... Мечтал я...

Песок соскользнул с его ладоней.

- Мечтал я тебя позабыть...

- Снова ты, молодой дракон, - сказал Тот, Что Смотрел Из Скалы.

Арман перевел дыхание и тяжело опустился на камни.

- Ты вернулся оттуда? Но обычно оттуда не приходят.

- Ты знаешь, где я был? - спросил Арман равнодушно.

Голос издал короткий сухой смешок, но ничего не ответил. Пещера казалась круглой, замкнутой, и Арман не видел выхода, который был здесь раньше.

- Ты вернешься туда, за море, молодой дракон? Безумная затея. Что мне сказать твоему потомку, если он явится сюда через пару тысяч лет?

- У меня не будет потомков.

- Жаль. Но тогда зачем тебе лететь за море?

И тогда Арман собрался с силами и посмотрел прямо навстречу взгляду Того:

- Послушай... Я не знаю, кто ты, но, может быть, ты сможешь ответить мне...

Он замялся. Взгляд его собеседника оглушал, как удар в лицо.

- Я не знаю, как спросить... Да и откуда тебе знать... Но, может быть...

- Про эту человеческую дочку? - спросил голос просто, даже буднично. - Я знаю... Ты - нет, ты не знаешь. Не лети за море, молодой дракон. Там бродит смерть, ее и твоя... Близко...

Взгляд исчез, и в глубине нор ухнуло, будто гигантскую пробку вырвали из бутылочного горла. Пещера разверзлась, как пасть, и в образовавшийся проем Арман увидел море.

Х

Я - бабочка в душной сети Ритуалов.

Свободнорожденный, свободным я не был

Без тебя. Покажи мне, где небо.

Арм-Анн

Три королевства, безбедно стоявшие на морском берегу долгие века, содрогнулись от ужаса. Древнее морское чудовище, о котором доселе помнили только летописи, поднялось из глубин - впервые за последнее столетие.

По морю гуляли воронки, и до берега уже явственно доносился глубинный рев, от которого волосы шевелились на голове. Прибой выбросил на берег остатки пиратского судна - добротный корабль был перекушен пополам. Один пират уцелел - пальцы его, вцепившиеся в обломок мачты, пришлось разжимать четверым сильным мужчинам. Седой, как лунь, в свои двадцать с небольшим лет, пират оказался сумасшедшим и ничего не смог рассказать.

Конечно, береговая охрана и помыслить не успела о сопротивлении - просто разбежалась, как стая зайцев, да и кто посмел бы ее осуждать? Одно селенье было уже смыто в пучину - правда, без жителей, которые успели заблаговременно ретироваться. Судоходство и рыбалка преданы были забвению; чудовище колотило о берег огромными волнами, грозя расколоть его, размыть и разрушить людские поселения на много верст вокруг. Все, кто хоть немного смыслил в повадках подобных существ, ожидали со страхом, когда чудовище потребует жертвы.

Правители трех королевств собрались на срочный совет, и, как ни крути, но главное решение оказалось на плечах короля Остина, потому что чудовище обосновалось именно в его территориальных водах.

Заседали ночью, в полнейшем секрете; постаревший король Верхней Конты, Ютин отец, предлагал совершенно фантастический план - изготовить колоссальную пушку из всех возможных медных запасов, и каменное ядро к ней - величиной с гору, собрать порох со всех трех армий... Король сам не верил в успех этой затеи.

Король Акмалии, отец Оливии, предложил сразу два варианта - отравить море большим количеством крысиного яда либо вступить с чудовищем в переговоры.

Остин хмуро отмалчивался. У ворот дворца его дождался неприметный человек в сером плаще - знаменитейший на три королевства колдун.

Разошлись, так ничего и не решив; серый человек, повинувшись едва заметному кивку короля Остина, скользнул вслед за ним в увешанную коврами комнатку, и двери за его спиной плотно и надежно затворились.

\* \* \*

Обратный путь над морем был вдвое короче.

В море поселились возня и беспокойство; что-то происходило, и к поверхности зачем-то поднимались огромные безглазые рыбы, привыкшие жить в вечной тьме, а их маленькие, живущие под солнцем сородичи, наоборот, проваливались в пучину... Море бурлило, как горячий, исходящий паром котел, и ядовитые испарения несколько раз едва не достигли Армана, но он летел вперед, с точностью зная, что и со дна моря ему суждено добраться до цели. Случись ему погибнуть - что ж, он и мертвый будет лететь, и никакая могила не примет его до того, как Юта избегнет неведомой, безымянной опасности...

И вот впереди показался берег, и покинутый замок, который, казалось, еще больше развалился и обветшал... Арман хотел продолжить путь, но интуиция, подарок предков, властно приказала ему спуститься.

И, подчинившись ей, он понял, зачем. Магическое зеркало, густо затянутое паутиной, охотно и сразу ответило на его присутствие.

Замелькали полосы... Арман ждал, закусив губу, он должен был увидеть нечто важное.

\* \* \*

Трем королевствам грозили неслыханные беды. Берег кое-где уже стал трескаться, распадались брошенные деревни, оказавшиеся сколь-нибудь близко от побережья; по полям бродили смертоносные смерчи, высыхали колодцы, и ни один человек не мог чувствовать себя в безопасности.

Ни убить, ни напугать чудовище не было никакой надежды - от него можно было только откупиться. Жертвой.

Согласно обычаю, жертву надлежало приковать цепями к скале и дать чудовищу возможность пожрать ее спокойно и со вкусом. Чудовища прошлого, о чьих кровавых злодеяниях повествовали летописи, обычно требовали девственниц - одну, или троих, или сразу десяток. Иным из них все равно было, кого жрать - они требовали просто жертву, жертву вообще; нынешнее чудовище оказалось привередливым и избирательным. Оно пожелало съесть именно королеву, и именно королеву Контестарии.

Слух об этом пронесся по трем королевствам подобно пожару. Кто-то оцепенел от ужаса; кто-то заголосил, сострадая королеве, но немало среди голосивших было тех, кто не Юту жалел - себя, потому что король Остин, конечно, не отдаст жену, и ожидания чудовища будут обмануты, и что тогда станет с несчастным народом!

Цвела и разворачивалась весна; поля стояли пустыми, черными - никто не пахал и не сеял, зато черные смерчи каждый день собирали обильную жатву, закручивая в свои воронки растяп и неудачников. Весне, впрочем, было наплевать - сквозь булыжник мощеных дорог пробивались зеленые ростки, и возвращались домой певчие птицы - хотя им лучше, пожалуй, было оставаться на зимовьях.

Солнечным, ясным, по-весеннему теплым днем король Остин вышел на площадь - говорить с народом.

Тысячи взглядов бродили по его лицу, пытаясь прочесть на нем судьбу страны и свою собственную судьбу, но лицо это, сильно осунувшееся за последние недели, казалось непроницаемым.

Матери прижимали к груди младенцев, готовые уже плакать и умолять; старики скептически качали головами - чтоб муж, родной законный муж да жену в жертву отдал? Никогда...

Остин поднялся на помост - тысячи глоток судорожно вдохнули свежий, пахнущий навозом весенний воздух.

- Подданные, - сказал Остин, и голос его дрогнул. - Люди. Дети мои... Братья мои...

Кто-то всхлипнул. Остин запрокинул лицо - и десятки стоящих близко могли поклясться, что видели слезы в его глазах.

- Королевство в страшной опасности... Враг явился, откуда не ждали, и вот... Чудовище из моря требует от нас жертвы. Страшной жертвы, люди! Пусть каждый спросит себя - готов ли он отдать... сына? брата? мать? жену? Пусть каждый спросит сейчас, люди...

На тех, кто стоял на площади, холодной глыбой навалился страх, почти уверенность: нет, не отдаст.

- Подданные... Братья, - голос Остина дрогнул, но тут же окреп, - дети... Сейчас я - ваш отец. Послушайте, мне выбирать...

Ни шороха. Ни звука. Полуоткрытые рты.

- И я выбрал, люди... Я отвечу за свой выбор... Я...

Остин взвел трясущиеся руки, будто прося у неба защиты.

- Я спасу вас, люди! - закричал он протяжно и мощно. - Во имя королевства я отдаю самое дорогое, что у меня есть - жену!

Тишина длилась столько, что ловкий успел бы сосчитать до десяти. Потом воздух взорвался иступленными криками, в которых смешались восторг избавления, и надежда, и горечь, и удивление... Но громче всех ревела преданность - преданность его величеству Остину, отцу и спасителю своих подданных.

Арман видел и слышал королевскую речь от начала и до конца.

Ему следовало куда-то бежать, что-то делать - а он не мог оторвать ног от пола. Он явился из немислимой дали, чтобы спасти Юту - а теперь стоял, будто парализованный, и смотрел в магическое зеркало.

А оно упрямо показывало короля Остина, в сопровождении свиты возвращавшегося во дворец; Арман тупо смотрел, как он поднимается по лестнице - той самой, по которой так недавно всходила Юта в одеянии невесты! Кажется, прошли века... Остин нырнул за какую-то портьеру и оказался в маленькой комнате без камина - чтобы нельзя было подслушивать через каминную трубу. Там ждал его неприметный человечек в сером.

И снова Арман остался, хотя должен был спешить на помощь.

- Поздравляю, - негромко, насмешливо сказал серый человечек.

Остин свирепо на него взглянул:

- Придержи язык... Все будет, как условлено?

- Честная сделка, - сказал человечек со странной улыбкой. - Вы выполняете условия - и наш... партнер выполняет их неукоснительно.

- Все, - бросил Остин. - Можешь идти.

И снова серый человечек улыбнулся - ласково, даже сладко:

- Не все, мой король... Недоразуменьице вышло. Золотых слитков должно быть пять.

- За пятый получишь монетами.

- О, мой король... Кому, как не вам, знать, что за сплав в этих ваших монетах... Профиль ваш, бесспорно, хорош, но золото...

Остин дернулся:

- Со мной не торгуются, колдун. Но, может быть, тебя устроит должность придворного волшебника?

Человечек хохотнул:

- Заманчиво, мой король...

Лицо его вдруг, без перехода, стало жестким:

- Шутки в сторону. Того, что я сделал для вас, не сделал бы никто другой. Говорить с морским чудовищем, торговаться, назначать цену - подите, сыщите охотника! Да не нужна ему супруга ваша, поверьте, ему лишь бы сожрать, Ритуал свой исполнить... Это ж сколько труда стоило объяснить, толковать: король, мол, сам жену предлагает, не угодно ли?

- Тихо, ты! - прошипел побледневший Остин.

Колдун снова усмехнулся:

- Да не золото ваше... Мне принцип дорог: пообещал - плати!

- Получишь, - сказал Остин сквозь зубы. - Но с условием: завтра, как все кончится, убирайся прочь, далеко и надолго...

Серый колдун хмыкнул, отвесил преувеличенно низкий поклон и выскользнул прочь.

\* \* \*

День выдался по-весеннему ясный и теплый.

Черная карета выползла из столицы еще ночью, под покровом темноты; от нее шарахались, прятались, не хотели смотреть. Экипаж был снаряжен и украшен согласно древнему ритуалу: государственный флаг, покрывающий крышу, и на каждой дверце - изображение протянутой ладони, руки, приносящей жертву. На передке смиренно увядали белые орхидеи.

Карета ползла и ползла, покачиваясь на ухабах, и вот в воздухе запахло морем, а впереди послышался едва различимый шелест волн; возница на козлах поежился, но внутри кареты, наглухо закрытой и зашторенной, не слышалось ни звука и не угадывалось ни движения.

Спутники страшного экипажа держались поодаль - король с офицерами стражи, все верхом; серенький человечек на смирном муле, несколько испуганных каменотесов в телеге с высокими бортами и дальше, укрывающиеся в кустах и клочьях тумана - самые храбрые и любопытные из окрестных жителей.

Карета выехала на берег, и узкие колеса ее тут же увязли почти по самые оси; возница немилосердно лупил лошадей, а они храпели и в ужасе косились на море, а море-то было удивительно спокойно - прямо-таки как стекло.

Карета, с трудом продвигаясь, дотянулась до плоской отвесной скалы и стала. Возница соскочил с козел, подбежал к лошадям и застыл, будто ища у них поддержки.

Храбрецы, схоронившиеся за скалами, видели, как офицеры стражи открыли карету и опустили подножку, как король почти на руках вытащил безвольную женскую фигурку, облаченную в длинное белое одеяние. Из телеги выгрузили каменотесов с инструментом; в песок со звоном упала положенная ритуалом золотая цепь.

Возница прятал лицо в лошадиных гривах, что-то шептал, дрожащей рукой оглаживая морды - наверное, успокаивал. Король махнул ему рукой - птицей взлетев на козлы, возница направил карету прочь от моря, и лошади понеслись, как последний раз в жизни. В песке остались глубокие борозды, оставленные ободьями колес.

Женщину в белом подвели к скале; любопытные, наблюдающие издалека, толкали друг друга локтями в бок. Король нервничал, то и дело поглядывал на светлеющее небо и на тихое, гладкое море; серый человечек, оказавшийся рядом, что-то неспешно ему объяснял.

Рабочие стояли, сбившись в кучу, и начальнику стражи пришлось долго орать и потрясать кулаками, пока они собрали инструмент и, по-прежнему прижимаясь друг к другу, двинулись к скале.

Серый человечек деловито указывал, где именно долбить скалу, где вбивать скобы; застучал молот, сначала нехотя, а потом все быстрее и смятнее - приближался рассвет. Женщина в белом

сидела, вернее, полулежала на песке, и король то и дело обеспокоенно на нее поглядывал.

Наконец, работы у скалы были закончены. Офицеры, не глядя друг на друга, взяли женщину под руки; она не сопротивлялась. Общими усилиями ее поставили у скалы, руки оказались разведенными в стороны и вверх, две скобы на запястья, две скобы на щиколотки, и золотая цепь поперек груди.

- Эдак ему неудобно будет жрать, - прошептал парнишка лет шестнадцати, среди других притаившийся в скалах. Ответом ему была тяжеленная оплеуха, отвешенная соседом.

Рабочие побросали кайла и молотки и бегом бросились прочь; отошли офицеры стражи, поспешно взобрались в седла. Король несколько секунд стоял перед прикованной к скале женщиной, потом быстро глянул на море - и заспешил к лошади.

Занимался рассвет.

Он летел, обламывая крылья и зная, что не успеет.

Будь прокляты все задержки и промедления! Будь прокляты предания, высеченные на каменных стенах, и все на свете пророчества!

“И была великая битва, и пали под ударами Юкки дети его, и племянники, и родичи, исходящие пламенем... Огляделся Сам-Ар и увидел чудовищного Юкку, снова поднимающегося из воды... И сразились они, и солнце закрыло лик свой от ужаса, и звезды бежали прочь, и ветер, обожженный, ослабел и рухнул на землю...”

А теперь ветер стоял стеной, сносил Армана назад, будто отбрасывая, желая предостеречь...

“Юкка приходит из моря, и дети его, и внуки, и правнуки явятся из пучины... Береги свой огонь, и да защитит он тебя от ужасного Юкки, и от детей его, и внуков, и...”

Внук, либо правнук великого Юкки пожелал сожрать принцессу Юту. И вот Арман летел, а крылья немели, потому что сказано в пророчестве: “Для двести первого потомка радость и долгая жизнь, если будет остерегаться порождений моря...”

Он еще надеялся, что успеет перехватить принцессу по дороге - по дороге на казнь. Но весной ночи становятся все короче и короче, а дети Юкки, как велит им закон, являются за жертвой на рассвете...

Прошлый раз на дорогу в королевство Остина Арман потратил ночь и полдня. Теперь оставалась только ночь, а еще ветер навстречу, а еще тошнотворное, гадкое чувство страха: не успеть. Не успеть выдернуть Юту из-под носа чудовища, не перехватить, не унести далеко-далеко... Потомок Юкки явится на рассвете, и он, Арман, окажется лицом к лицу с...

Крылья обвисли, будто парализованные. Этот ужас сидел во всех его предках, начиная с доблестного Сам-Ара, который проиграл великую битву и, умирая, умолял многочисленных оставшихся в живых потомков: остерегитесь!

Только с большим трудом Арману удалось овладеть собой и удержаться от позорного падения. Еще есть время. Морские создания медлительны, он вырвет Юту из рук конвоиров... по-настоящему, палачей...

Ему привиделось лицо Остина, и ненависть, почти такая же сильная, как до того - страх, скрутила его волю в тугой жгут.

Предатель... Палач, убийца... Но - потом. Это потом. Сначала - Юта.

Так он летел, и приступы страха перемежались с приступами отчаянной надежды и судорожной решимости, а ветер толкал и сносил, и скоро стало ясно, что он не успеет.

\* \* \*

Временами она проваливалась в забытие, и это было лучше всего - окутываемая густыми черными волнами, она бессмысленно и бездумно плыла водами темной реки, полностью покоровившись течению. Тогда она ничего не чувствовала и не понимала, что происходит; но временами то неудачное движение, то внезапное прикосновение скалы или просто несчастная случайность выдергивали ее из

обморока, и, охваченная небывалым ужасом, она начинала биться в цепях и кричать от страха.

Истерика сменялась полной безучастностью; Юта смотрела на море, гладкое, будто покрытое пленкой, на небо, где занимался рассвет, и в этом усталом ожидании смерти к ней приходили видения.

Почему-то представлялся ей фонтан с прозрачными струями и золотые рыбки в фонтане, лужи под дождем и какая-то повариха в мятом переднике. И уж совсем неясно, откуда взялась незнакомая девочка лет пятнадцати, пришивающая к белому свадебному платью черные пуговицы.

Свадьба... Остин... Кстати, кто это? А, вот открывается и закрывается красивый чувственный рот, но голос звучит чужой, и слова доносятся не изо рта, а будто со стороны: во имя королевства... Великая жертва, великая потеря... Потомки не забудут, Юта...

Потомки... Двести первый потомок... Подземный зал, и факел выхватывает из темноты приземистые колонны, покрытые письменами... Двести первому потомку - долгие годы жизни... А вот рисунок вспоминать не стоит... Глупый рисунок, будто детский - кто-то там поднимается из воды...

Юта вздрогнула и посмотрела на море. Вода оставалась гладкой, и солнце еще не взошло.

Еще есть время, подумала Юта лихорадочно. Еще минуты три. Почти целая вечность... Надо подумать о чем-то... Таким...

Мы поставим тебе памятник, Юта.

Горгулья, не то!

“ - Я зажгла тебе маяк на башне, но ты был далеко и не видел.

- Не видел...”

В ее маленькой незадачливой жизни был маяк, зажженный ради жизни дракона... Тело теряет вес, невесомые, взлетают над головой волосы... Последний луч - зеленый, как стебель весенней травы... Пять звездочек взошло, а три пока за горизонтом... И все это теперь не имеет значения, и хорошо, что старик Контестар умер и не видит, как Остин...

Сколько раз она была на грани смерти, но когтистые чешуйчатые лапы выдергивали ее у смерти из-под носа. Море пока спокойно, и любой смельчак может... Мог бы...

И глаза ее в неосознанной надежде принялись вдруг шарить по склону небес над морем, задерживаясь на каждом облачке, широко раскрываясь при виде сонной чайки... В какую-то минуту вера в спасение заполнила Юту целиком, без остатка, и навалившееся сразу за этим разочарование отобрало последние силы. Стиснув зубы, она вызвала в памяти картину полета в поднебесье - но вместо этого ей увиделся мертвый дракон.

Распростертый на каменном крошечке, он лежал, неловко подвернув голову с широко раскрытыми мутными глазами. Стекланный неподвижный взгляд направлен был на Юту, сквозь разорванное перепончатое крыло росла трава, на покрытом чешуей боку сидел стервятник.

Юта замотала головой, ударяясь о скалу, желая прогнать видение... Чтобы услышать еще раз его голос, она готова была отдать жизнь, но жизнь уже ей не принадлежала - как не может хрипловатый человеческий голос принадлежать мертвому дракону.

И тогда, навсегда потеряв надежду, она посмотрела на море.

Гладкая, лоснящаяся поверхность его еще больше успокоилась, и посреди этой темной равнины зародилось вдруг движение.

Медленно, будто в неспешном хороводе, двинулись по кругу волны. На поверхности моря образовался как бы круг, потом середина его провалилась - вспенились гребни по краям, а чаша вод вдруг вывернулась и плеснула белой пеной - будто кипящее молоко, не удержавшись в кастрюльке, сбежало на горе нерадивой хозяйке...

Юта смотрела, не в силах оторваться.

А круг становился шире, от него расходились волны, первые из них уже достигли берега, и, разбежавшись, опрокинулись у самых Ютиных ног, и несколько брызг упало королеве на лицо.

Из глубин донесся звук - негромкий, низкий, будто рев множества плоток, слышимый сквозь

вату... Когда он достиг Ютиных ушей, она принялась рваться с удесятеренной силой, едва не вырывая из камня железные скобы.

Над морем взвился белый, сверкающий в первых солнечных лучах фонтан. Струи его, вспыхивая цветными огнями, туго выстрелили в небо и низверглись, поднимая новые тучи брызг. И в светлых потоках этого нарядного водопада показалась черная голова.

Юта не сразу поняла, что это голова. Несколько секунд она смотрела, и глаза ее едва не выкатились из орбит; потом, зажмурившись изо всех сил, принялась призывать забытьё, как спасение, как счастье, как последнюю милость.

Забытьё не шло!

Волны, наваливавшиеся на берег, становились все выше и теплее; то, что явилось из глубин за своей жертвой, неторопливо двинулось к берегу.

Обморок, молила Юта.

И она ударилась затылком о скалу, и в глазах ее стала сгущаться спасительная темнота, но острая боль прогнала ее.

Абсолютно ясными глазами королева смотрела, как вслед за головой поднялись из воды сочленения шеи, пластины плечей, какие-то петлями захлестывающиеся жгуты...

Вода раздавалась перед плывущим, нет, уже идущим по дну чудовищем. Раздавалась двумя длинными, к горизонту уходящими волнами. Юта увидела направленный на нее взгляд и обвисла в цепях.

Из воды одним движением вырвались крылья-плавники, чудовище добралось наконец до мелководья и показалось из воды полностью, целиком, будто красуясь. Повело взад-вперед щупальцами и, шагнув вперед, подняло навстречу Юте первую пару клешней. К одной из них прицепилась длинная, мокрая нитка водорослей. Еще шаг..

Перепуганной толпой высыпали на берег крабы, заметались в поисках укрытия, разбежались по

каменным щелям; все это Юта видела, как сквозь мутную пелену.

Чудовище ступило еще; вода сбегала водопадами с членистого тулова, и бугорчатая кожа его казалась лакированной.

Еще шаг...

Вторая пара клешней жадно потянулась вслед за первой.

Еще...

И тогда будто исполинский бич рассек небо пополам. Небо лопнуло с треском рвущейся материи, и из-за скалы, из-за спины прикованной к ней жертвы взвилась крылатая тень.

Тень легла на бесформенную морду чудовища, и, будто ощутив замешательство, пожиратель королев остановился. В ту же секунду с неба на него упал дракон.

Извергая потоки, столбы белого пламени, он сомкнул когти там, где на этой морде должны были быть глаза. Дикий, оглушающий рев вырвался из глотки обитателя глубин, и клешни взметнулись вверх, но дракон не ждал, скользнул ниже, и несколько щупалец задержались в конвульсиях... Над берегом поплыл густой, тошнотворный запах паленого.

До Юты донеслась волна жара, клешни чудовища метались, лоя дракона в небе и не умея поймать. Ящер был намного меньше и уязвимее, но на его стороне было преимущество внезапности и страшное оружие - огонь.

И тогда чудовище снова взревело, но это был не крик боли и неожиданности. Ярость и оскорбленное достоинство были в этом крике. Удар - и дракон отлетел, как отброшенный ногой котенок.

И спрятавшиеся в скалах, трясущиеся храбрецы услышали вдруг в надсадном вое вполне членораздельную, раздраженную речь:

- Король! Король!! Что это?! Ты предложил ее сам! Именно ее! А теперь что?! Ты нарушил условия! Ты мошенник, король!

Но дракон кинулся снова, и чудовище умолкло.

Храбрецы в скалах пялили друг на друга глаза, Остин, залегший в какой-то щели, схватил ртом горсть песка... Но до Юты, к счастью, слова чудовища не дошли, потому что она кричала, не слыша себя:

- Арман, нет! Арма-а-а... Пророчество-о...

А дракон будто обезумел. Одно крыло его теперь слушалось с трудом, он заваливался на бок, но огонь из глотки был скор и беспощаден. Волны с шипением покрывались будто волдырями, и клубы пара поднимались над морем, затягивая поле битвы, мешая зрителям и не давая понять, кто побеждает... Пар то и дело освещался вспышками пламени, а, поднимаясь вверх, заволакивал небо, и солнце, и вот стало темно - такие густые облака сомкнулись над головами сражавшихся...

Когда порыв ветра разорвал на мгновенье пелену перед Ютиными глазами, схватка продолжалась уже далеко в море. Огонь вспыхивал все реже и реже; лесом вскинулись вдруг черные щупальца и тугой петлей захлестнулся раздвоенный, с пикой на конце хвост - смертоносный хвост чудовища. Громкий плотающий звук - и темная туша чудовища провалилась под воду, увлекая за собой охваченного, спеленутого этим хвостом дракона.

Алчно ухнув, сомкнулись волны. Пар поднимался выше и выше, и вот открылась поверхность моря, и чистый горизонт, и солнце.

Всякий воин, вступая в битву, должен быть готов к смерти.

Но всякий воин, даже самый отчаянный храбрец, всегда лелеет надежду остаться в живых.

Когда Арман вырвался из-за скал и увидел клешни, протянутые к прикованной к скале женщине...

В бездонных тайниках его памяти, прапамяти, оставшейся от предков, гнезился закон жизни: схватившийся с потомком Юкки обречен. Все могучие инстинкты немедленно приказали Арману

бежать, сломя голову; но в этот момент, в этот самый момент он стал неподвластен ни инстинктам, ни здравому смыслу.

Клешни тянулись к Юте.

И тогда он понял, что погиб. Потому что порождение моря не осквернит Юту даже прикосновением, и ни волоска не упадет с ее головы, и за это он, Арм-Анн, сейчас отдаст жизнь.

Самый отчаянный храбрец идет в бой с надеждой выжить; свалившийся на голову дракон показался морскому чудовищу безумцем - похоже, он твердо решил умереть в схватке.

Внезапность и огонь были верными союзниками Армана - чудовище ведь готовилось к трапезе, а не к смертельному поединку. Растерявшееся и возмущенное, в эти первые секунды оно понесло наибольшие потери.

Арман нападал и нападал, и не жалел себя, и разом забыл все древние наставления о бойцовой доблести - не доблесть хотелось ему проявить, а изувечить врага как можно серьезнее. И он жег и кромсал, и растерянность чудовища вскоре сменилась яростью.

“Непобедим был Сам-Ар, и одолевал уже он, но Юкка, да задушит проклятье его имя, исхитрился подло и захлестнул в петли свои Сам-Ара, и увлек в пучину, и угасил пламя его, и обезоружил его...”

Арман не был непобедим, и потомок Юкки, пожалуй, справился бы с ним и на поверхности. Справился - если б Арман не бился, как последний раз в жизни. А так оно и было.

Удар тяжелого, тугого, как мокрый канат, щупальца ожег его крыло, потом еще и еще; крыло обвисло, а клешня захватила лапу, сдавила, и треснула Арманова чешуя, и от невыносимой боли помутилось сознание. Пар поднимался от кипящего моря, густой, удушливый пар. Рванувшись, Армандохнул огнем - зашипела, покрываясь волдырями, бугорчатая кожа чудовища. Рев; Арману показалось, что шея его сейчас сломается, как сухая щепка.

Два кольца затягивались на шее, еще три прижимали к бокам крылья, и крылья трещали, ломаясь. Живая удавка тянулась и захлестывалась, и Арман слишком поздно понял, что сейчас произойдет.

Рывок. Туша чудовища камнем низверглась на дно, и Арман увидел вдруг, как на месте неба сомкнулись волны.

Погас огонь, и чужой мир, стихия, несущая смерть, обступила раненного дракона. Солнце здесь было не солнце уже, а размытый круг на поверхности волн, и вместо воздуха, которым можно дышать - стаи, полчища крошечных пузырьков, живописно посверкивающих, ловящих блики на тугие бока, стремящихся вверх, вверх, туда, где солнце и ветер...

“Так погиб могущественный Сам-Ар, и помните, потомки...”

А чудовище проваливалось все глубже, и сжимало Армана все сильнее, и сквозь искры, пляшущие в его глазах, пробилась вдруг простая и беспомощная мысль: все напрасно. Утопит и вернется за Ютой.

И тогда в ужасе шарахнулись прочь морские обитатели. Забились в раковины все, кто имел раковину; кинулись прочь обладатели плавников, остальные прижались ко дну, слившись с ним, став его частью...

Потому что обезоруженный, задыхающийся дракон невиданным усилием разорвал смертельные объятия и схватился с царствующим в своей стихии морским чудовищем, и никогда за всю свою долгую жизнь потомок Юкки не встречался еще с таким соперником.

Сумасшедший, да зачем?! Разве та жертва на скале стоила его жизни? Драконы не могут дышать под водой, ему бы на поверхность рваться, а он, окровавленный, с рваным горлом - кидается, нападает сразу справа и слева, задыхается, но бьет, кромсает, смыкает и размыкает челюсти...

И чудовище смутилось, потому что ему-то жизнь была чрезвычайно дорога. Проклятье, должен же быть предел безумию!

Со дна поднимались тучи песка. Обламывались и вертелись в водоворотах веточки кораллов; в глубокой-глубокой впадине обнажился и сверкнул зубами человеческий череп.

Этот, обезумевший, шел до конца. Не ярость вела его - нечто большее, чем ярость, огромное и

чудовищу недоступное. И, поняв это, потомок Юкки впервые в жизни испугался.

Не дракона - дракон издыхал. Испугался того, что двигало им. Того, что превратило страх смерти - святой, всеми владеющий страх - в посмешище.

И вот тогда-то, смятенный, сбитый с толку и не желающий более неприятностей, потомок Юкки отступил, оставив жизнь дракона океану.

Солнце поднялось высоко. Прошел час, не меньше, прежде чем первые смельчаки решились выбраться из укрытий в скалах.

Юта пребывала в сознании; глаза ее безучастно скользнули по лицам несмело приблизившихся людей - и снова уставились на море, подернутое рябью.

Люди подходили и подходили - среди них крестьяне и рыбаки, каменотесы, приковавшие Юту к скале, и даже офицеры стражи. Один из них сжимал в опущенном кулаке серый плащ сбежавшего колдуна.

Последним вышел Остин.

Он брел, проваливаясь в песок, враз постаревший, с запекшимися губами. Люди шарахались от него, как от чумного, как от прокаженного - напрасно он ловил чей-нибудь взгляд. Кто-то, уходя с дороги, плюнул ему под ноги.

- Юта... - сказал Остин, странно бегая глазами. - Юта...

Ветер швырнул пригоршню брызг ей в лицо, и крупные соленые капли катились по щекам, но глаза оставались сухими. Ее взгляд не отрывался от поверхности моря, поглотившего чудовище и дракона.

Он на дне. Теперь он на дне, и толща воды сомкнулась. Под тяжестью ее погребены перепончатые крылья - и хрипловатый голос, укоризненные глаза, прохладные ладони. Прощай.

Офицер стражи шагнул к Остину и бросил, почти швырнул ему серый плащ колдуна. Голыми

руками попытался выдернуть из камня железную скобу, удерживающую тонкую Ютину щиколотку - не смог, уронил руки, отошел, глядя в песок.

- Юта, - дрогнувшим голосом проговорил Остин, - не верь. Неправда это...

Она не слышала. Стоящих перед ней будто и не было - она смотрела на море.

- Ну, чего уставились? - почти взвизгнул Остин, оборачиваясь к людям.

Никто не взглянул в его сторону.

- Отвязывать, что ли... - пробормотал Остин, похоже, обращаясь к самому себе. - Господа офицеры... Отвязывать? Или вернется?

Короля наградили таким взглядом, что он сник, сторбился, сразу стал обиженным и жалким. Каменотесы медленно, будто через силу, принялись снимать цепь, протянутую поперек Ютиной груди. Королева оставалась безучастной.

На берег накатывали приливные волны - длинные, безопасные, совсем не похожие на те, поднимаемые чудовищем... Люди стояли по щиколотку в воде и не замечали этого. Брызги пены достигали уже Ютиных ног.

А солнце поднималось и поднималось, и ажурная сеточка невесть откуда взявшихся облаков прикрывала его, будто вуалью. Солнечная дорожка на волнах поблескивала мягко, приглушенно, будто не солнечная даже, а лунная.

И тогда Ютины губы шевельнулись. Увидев ее глаза, все обернулись одновременно, как по команде.

И разом вскрикнули, разглядев что-то в воде. Мгновение - и берег был снова пуст, люди отпрянули под защиту скал, и только Юта по-прежнему стояла у своего камня, раскинув прикованные руки.

Долго-долго не было следующей волны. Вот она пришла - и глаза Ютины открылись шире.

Волны прибывали и прибывали. Юта стояла, прямая, тонкая, будто впечатанная в скалу.

И вот за камень, громоздившийся на границе моря и суши, ухватилась человеческая рука. Соскользнула беспомощно и ухватилась опять.

Юта стояла. От скал слабо донеслись крики удивления.

Вторая рука потянулась - и упала в мокрый песок. Новая волна помогла, протащила истерзанного человека вперед - и отхлынула, окрасившись кровью.

Он оперся на локти. Еще усилие - поднял голову.

Глаза их встретились.

Лоснились на солнце вылизанные морем камушки. Волна, как игрок в кости, то прибирала, то снова выбрасывала их на песок. Над морем покрикивали осмелевшие чайки; от скал медленно приближались осмелевшие люди.

Распростертый на песке человек смотрел на женщину, прикованную к скале. В лучах высокого солнца она была невыносимо прекрасна.